

# ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА», Москва

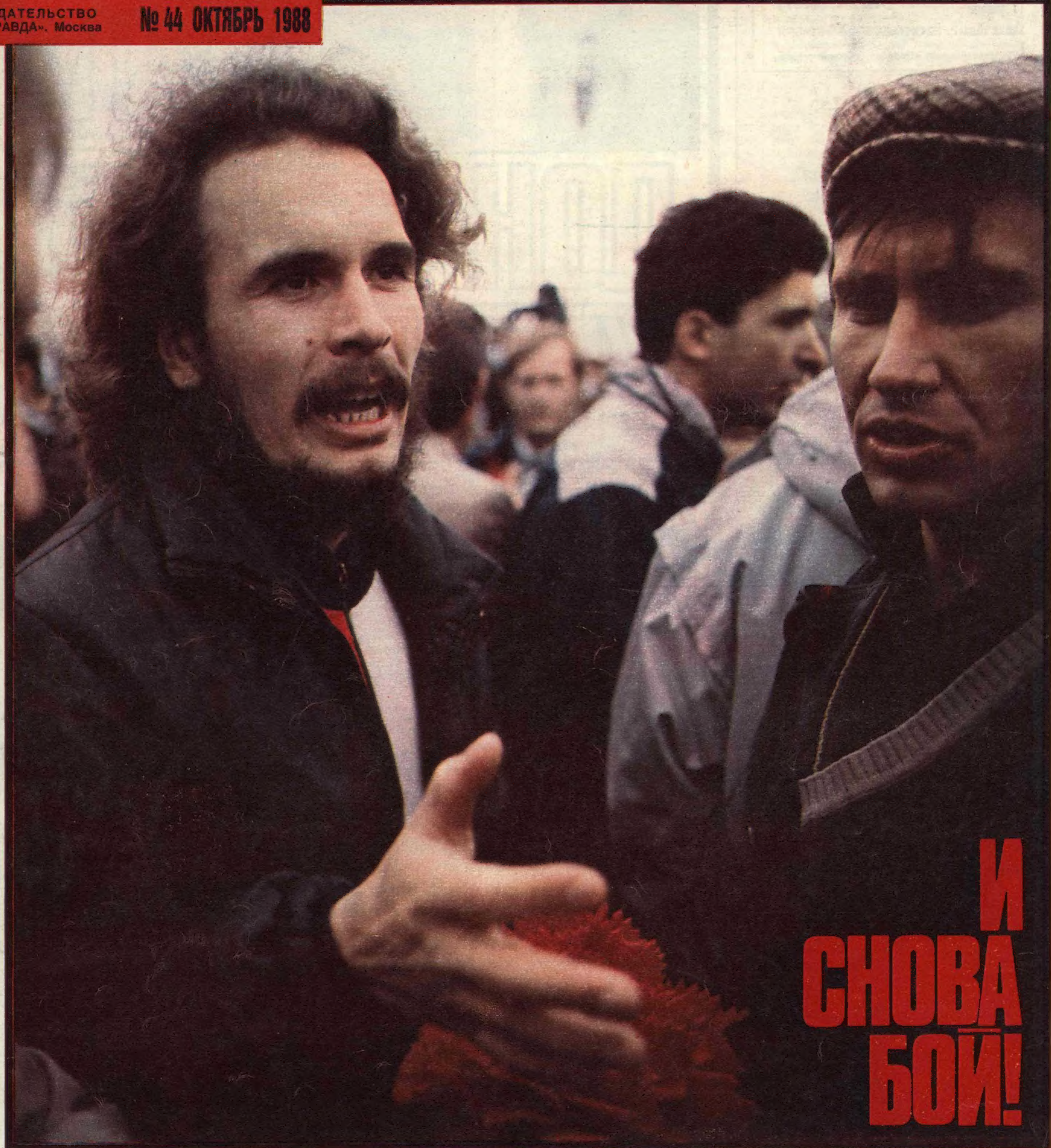
№ 44 ОКТЯБРЬ 1988



ЧЕСТНОСТЬ  
И РЕАЛИЗМ

ГОСЗАКАЗЫ  
ПО  
ПРИКАЗУ?

СПОРТ!  
СПОРТ?



И  
СНОВА  
БОЙ!

21-28



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Основан

1 апреля

**№ 44 (3197)**

1923 года 29 ОКТЯБРЯ — 5 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор  
**В. А. КОРОТИЧ.**

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,  
В. В. ГЛОТОВ**

(ответственный секретарь),

**Л. Н. ГУЩИН**

(первый заместитель главного редактора),

**Н. А. ЗЛОБИН,**

**В. Д. НИКОЛАЕВ**

(заместитель главного редактора),

**Ю. В. НИКУЛИН,**

**А. Г. ПАНЧЕНКО,**

**С. Н. ФЕДОРОВ,**

**Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,**

**В. Б. ЧЕРНОВ,**

**В. Б. ЮМАШЕВ.**

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Секретарь комитета ВЛКСМ Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ Юрий Роптанов в дискуссии на Пушкинской площади. (См. в номере материал «Неудобный» комсорг»)

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА  
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на месяц — 1 руб. 60 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)

(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349

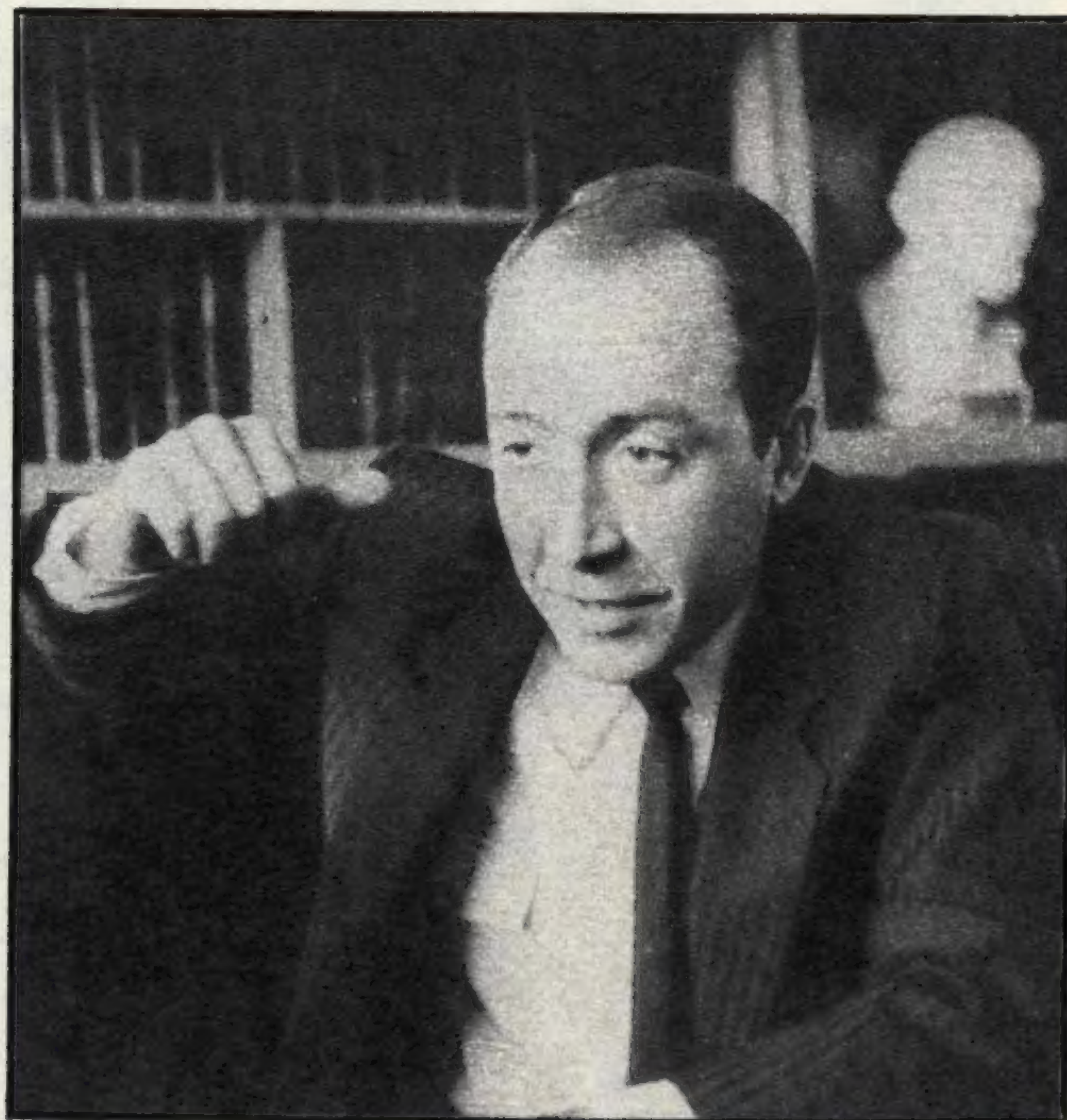
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 10.10.88. Подписано к печати 25.10.88. А 11807. Формат 70 × 108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3118.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.



Первый секретарь  
ЦК ВЛКСМ  
**В. И. МИРОНЕНКО** —  
о проблемах  
комсомола  
и молодежи

# БУДУ

# ДОКАЗЫВАТЬ. УБЕЖДАТЬ...

— Виктор Иванович, интересно, как становятся первым секретарем ЦК ВЛКСМ? Расскажите о себе.

— У меня самая обычная биография. Отец родом с Украины. Родители жили на Дальнем Востоке. Отец окончил зооветеринарный институт, мать — инженер мясо-молочной промышленности. Они поженились перед войной. Потом отца забрали учиться в военное училище. Он стал авиационным техником. Ушел на фронт. После войны родители переехали на Украину — тогда направляли на советскую и партийную работу в освобожденные области. Сначала отец работал в аппарате обкома партии. Потом стал председателем исполкома в районном центре. Избрали его первым секретарем райкома партии, но он успел проработать всего месяца два. Скорострительно скончался. Ему было сорок пять лет...

У меня есть старший брат, который родился через месяц после начала войны. Мама живет с ним в Киеве. Ей уже за семьдесят, болеет. Редко, к сожалению, видимся, только по телефону и говорим.

Когда умер отец, мне было семь лет, а брат тогда окончил первый курс Харьковского авиационного института.

Затем я учился в школе. Год проработал на заводе. Кстати, поступал на факультет журналистики МГУ...

— Не поступили?

— Все вышло довольно сложно.

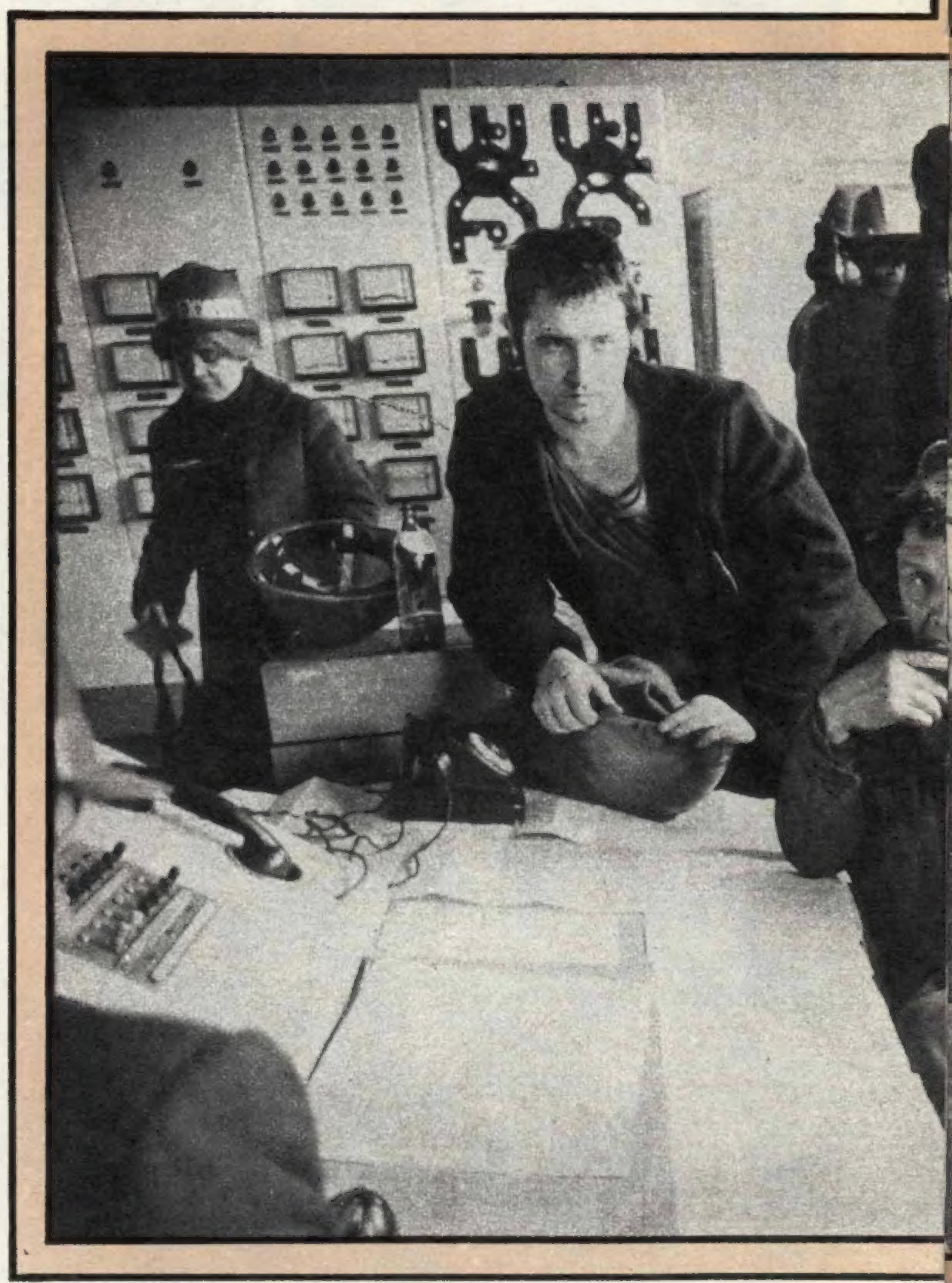


Фото Анатолия БУРЬБО,  
Юрия РОМАНОВА,  
Александра СМЕРНОВА





Окончив школу, решил идти в летное училище, но не прошел медкомиссию. Отработал год на заводе, занимался на заочных подготовительных курсах МГУ. Приехал в Москву и решил: буду поступать на факультет журналистики. Но я был наивен и провинциален, не удосужился узнать, что требуется для поступления. И, конечно, у меня не было публикаций, которые необходимы для творческого конкурса. Так что документы у меня не приняли. Но там была хорошая женщина, которая посоветовала подать документы на исторический факультет: мол, если очень захочу стать журналистом, то у меня будет образование, и мечту свою смогу реализовать. Так что по образованию я историк. Готовился к научной деятельности: преподавал в Черниговском педагогическом институте историю, собирался даже готовить диссертацию. Но увлекла комсомольская работа. Начал с должности секретаря комитета комсомола в пединституте, а теперь вот... в этом кабинете.

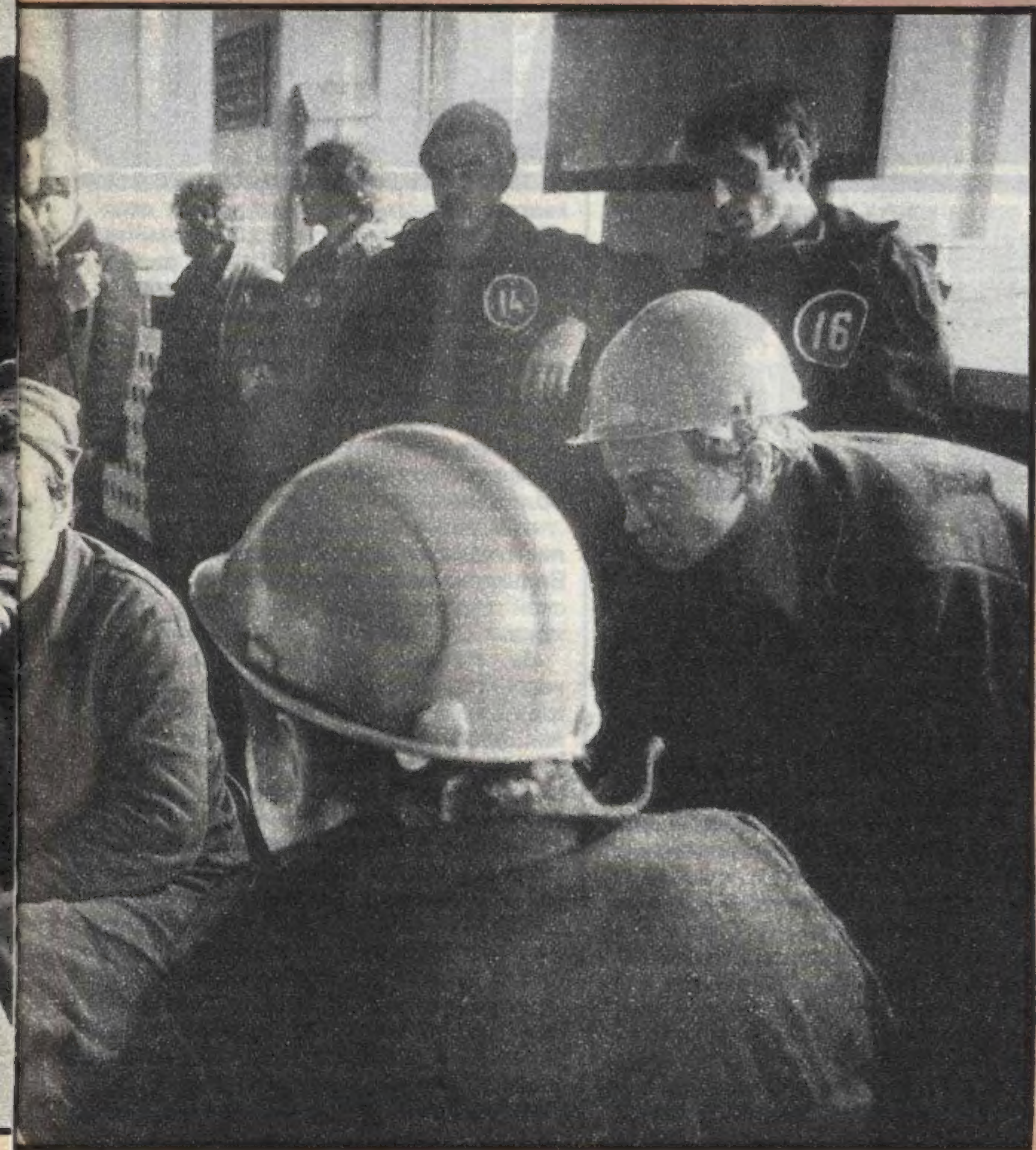
— И какие же проблемы, на взгляд первого секретаря ЦК ВЛКСМ, сейчас самые важные в молодежном движении?

— Первая — это социальное самочувствие молодежи в условиях перестройки. Причем здесь получается такая история: начинаешь чем-то заниматься, и одна проблема порождает другую. Недавно мы начали создавать

акционерное общество «Игрушка». Производство игрушек — выгодное дело: на рубль капиталовложений — пять рублей прибыли. Еще важнее социальная отдача. Игрушки выпускают предприятия легкой промышленности и производит местная промышленность. Но делают они это плохо. И вот мы решили — 50 миллионов рублей дает комсомол, 20 миллионов — Детский фонд, долевое участие примут Фонд мира и Фонд культуры. В общей сумме набирается больше ста миллионов рублей! Мы предполагаем забрать себе 40 заводов, если, конечно, коллективы этих заводов будут согласны. Но думаю, что мы их уговорим. Пока получили одобрение Совета Министров СССР, ВЦСПС и других организаций.

— Виктор Иванович, нужен ли комсомол сегодня? Не лучше ли вместо него создать, скажем, комитет по делам молодежи? Пусть он занимается хозяйственной деятельностью, улучшением быта, условий труда молодых, отстаиванием их прав во всех государственных и общественных организациях. Слишком много в комсомоле формального. Объединение же, о котором я говорю, учитывало бы разнообразные интересы молодежи, включая и так называемых неформалов. Пусть это будут политклубы, объединения любителей рок-музыки... Пусть люди объединяются и помогают друг другу.

Продолжение на стр. 20.







— **Насколько нас подвигает к оптимизму историческое знание? Что нас ждет, если смотреть глазами историка? Возможно ли предсказание «наоборот»?**

— То, что происходит сейчас, раскрепощает прошлое. А раскрепощенное прошлое позволяет как бы «оттуда», раскрепощенно взглянуть на сегодня и завтра. Поразительная вещь!

Ну, скажем, целый ряд разделов истории прошлого сейчас освободился. Начиная с издания Карамзина, нового взгляда на Грозного, Петра Великого, на реформы. Празднование тысячелетия крещения Руси несколько лет назад было бы немыслимо. Что греха таить, всякое крупное событие обратным светом освещает те, которые были. Они освещены, и этот свет вновь падает на наше время. Тут происходит какое-то удивительное взаимодействие того, что было, с тем, что есть и будет.

# ОПТИМИЗМ

# ИСТОРИЧЕСКОГО

Историк и писатель  
Натан ЭЙДЕЛЬМАН  
отвечает  
на вопросы  
корреспондента  
«Огонька»  
Владимира ГЛотова



# ЗНАНИЯ

## ПРАВО НА АНАЛОГИЮ

— Да, можно порассуждать — и шутейно, и серьезно.

Если начать с шутки, то вот я недавно был во Франции, и историки повели меня в музей французской революции. Говорят: «Вот у вас 70 с лишним лет революции, а у нас — 200. Понимаем, революции, конечно, разные, однако... У нас было их несколько. И у вас несколько. Уже сходство — серия революций. Сейчас тоже, — говорил француз, — у вас революционные преобразования».

И настраивал меня на такую аналогию: нам, мол, еще 130 лет идти до такого юбилея. Франция все же выиграла, живет лучше, свободнее, конечно, не сразу, все было мучительно, после серии революций, вот и у нас так

будет: «Пройдет серия революций, и вы будете жить много лучше».

— **В этой шутке есть доля истины?**

— Дело в том, что у нас до последнего времени историки ужасно боялись аналогий. Даже слишком. Иногда думалось: почему они так выступают против? Ведь Гегель и Маркс разрешали. Известно, что история развивается по спирали. Следующий виток не совпадает с предыдущим, но похож на него. Так что можно сравнивать.

Например, армия дореволюционная и советская. Если не может быть аналогий, значит, нельзя употреблять слово «армия», потому что сегодня она другая. «Государство», «классы» — это термины для тысячелетий! Уже этим мы признаем право на аналогию.

Пусть осторожную, но такое право, конечно, есть.

Как историк, занимающийся Россией...

— **Простите, но откуда проистекает боязнь аналогий? Стремление услужить политической конъюнктуре? Задача охранительная?**

— Я думаю, да. Боятся двух вещей. Аналогий и разговоров о несбывшемся варианте: что было бы, если бы... Хотя почему? Нормальная вещь. На Западе, если какой-то президент не проходит, изучают, почему не прошел, неосуществленную возможность. А тут как бы внедрялась идея, что был только один вариант, что он неповторим и его нельзя сравнивать ни с каким другим.

Чтобы поменьше рассуждали, я только так это могу объяснить.

Вся наука — и марксистская, и немарксистская — прибегает, разумеется, умело, осторожно к методу аналогий. И вдруг выясняется, что это нельзя! Нельзя злоупотреблять? Так ничем нельзя злоупотреблять.

— **Наука не только прибегает к методу аналогий, но Ленин настаивал на необходимости усвоения всех богатств, выработанных человечеством... Итак, взгляд из прошлого?**

— Взгляд из прошлого... Человек живет в своем времени, но нередко смотрит на него из того времени... Часто говорят: наш путь, мы первые прошли, отсюда множество ошибок, поисков. Но не нужно недооценивать, что о возможных ошибках революции и опасных сторонах послереволюционного периода люди думали задолго до того.

## ТЕМА ПРЕДЧУВСТВИЯ

— **Вас занимает тема предчувствия?**

— Да, занимаюсь ей в российской общественной мысли и литературе. Говорят: у нас не хватает теории. Как не

хватает? Вся русская литература начиная с Радищева рассуждала о том, что революция неизбежна. Самые разные люди. И те, кто приветствовал революцию: Радищев, Чернышевский, и те, кто не очень, допустим, поздний Достоевский — все видели: грянет взрыв. Так жить нельзя. Революция была предсказана многократно.

— **Это мы проходили в школе: все русские писатели предсказывали революцию.**

— А вот чего мы в школе не проходили — как они относились к революции. Ведь почти все опасались, что в рабочей стране после революции будет хуже.

Ну, Радищев... Первый революционер, и одновременно у него после 1790 года глубочайший кризис мировоззрения. (Об этом спорят.) Когда он увидел террор во Франции, казни, Робеспьера, он перенес ситуацию на Россию: тут тоже может быть так.

— **Идут споры между учеными о причинах его самоубийства.**

— Я считаю, что Радищев увидел кровавую сторону французской революции, а Россия была еще более отсталой: вот фон для самоубийства. Куда деваться? Обратно к крепостникам — невозможно. Но и революция страшна. Это не моя мысль, это мысль Е. Г. Плимака. Но мне она кажется верной.

Дальше — Пушкин... Ощущение взрыва. Пушкин изучал его. Пугачев. «Мед-



ный всадник». Пушкин боялся бунта, бессмысленного и беспощадного.

«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!».

Лермонтов, который ненавидел режим, но предсказывал трагедию, море крови в черный год взрыва, когда все полетит.

Герцен... Величайший революционер, мы это знаем, но у него целая энциклопедия мыслей насчет того, что нужно как можно больше набрать свободы до революции. Я бы сказал, что есть формула Герцена: чем больше страна набрала свободы до революции, тем революция пройдет легче и послереволюционная диктатура будет слабее. Вот Англия! Имела задолго до революции суд присяжных, парламент, хартию вольности. Поэтому, конечно, кое-какая кровь пролилась, королю отрубили голову, но всего 9 лет продолжалась диктатура Кроузера, и дальше Англия стала «современной».

Во Франции демократии до революции было меньше, и в результате — более кровавая революция и более долгая диктатура Наполеона.

Россия еще более отсталая. Герцен говорил: ребята, освобождайтесь. Нужно как можно больше внутреннего, личного, духовного, общественного освобождения до революции. Тогда революция будет менее кровавой.

— Не потому ли и поляков призвал к спокойствию в 1863 году?

— Да. Он глубоко им сочувствовал...

— Сочувствовал, но отговаривал...

— Хотя, когда они уже начали, он присоединился.

— Я полагал, что Герцен смотрел на польский взрыв чисто прагматически, реалистично. И отговаривал исходя из малых шансов на победу: шляхетское восстание не будет поддержано массами. Поэтому обречено. О крови, которой может быть больше или меньше в ходе самой революции, — я об этом не думал. Вернее, я не думал, что об этом думал революционер и принимал это в расчет.

— Герцен ведь и разделял, и соединял польское и русское: он понимал, что Польша входит в состав России, что польская революция связана с русской. Но когда ему говорили: к топору зовите Русь — мы хорошо знаем эти слова, но хуже знаем, что отвечал Герцен, а он говорил: во-первых, не надо звать Русь к топору. Другое дело, если сама поднимется. А звать — это значит мы давим своим авторитетом. Опять несвобода. А во-вторых, если поднимется, то топором можно вырубить, но не построить. Надо понимать, можем ли мы вовремя перехватить рукоятку топора. Остановить его. Что будете потом делать? Нужен не столько топор, сколько метла, говорил он. Нужны строители. Так что Герцен очень боялся бессмысленной крови. Считал, что если даже во Франции, с ее достаточно демократическими институтами, она столь страшно пролилась, то в России и подавно. Он писал, что российскому рабу, когда он будет ломать, может показаться, что он свободный человек, и он не заметит, как от его имени будет распоряжаться некий бонапарт во фригийском колпаке.

— Бонапарт во фригийском колпаке?

— То есть в революционном колпаке. Я считаю, что это был первый образ товарища Сталина в литературе, за много лет до его рождения.

А такой революционер, как Чернышевский, возьмите его последние работы. Евгений Плимак их очень интересно исследует и считает, что Чернышевский предостерегал от чрезмерных революционных иллюзий. Он говорил о прелестных молодых людях, которые делают революцию, которые прекрасны в день восстания и сразу после него, но ему жалко их на второй день. Потому что там многое будет по-другому, многое изменится — Рахметовым придется уйти. У него был термин: начнется «ленивое время».

— Интересный термин.

— Достоевский — «Бесы». Уже ближе к революции Блок — «Возмездие».

От Радищева до Блока: русская литература чувствует это движение революции — иногда хочет, иногда не хочет, но предостерегает: осторожнее! Опасно — опасность многовекового рабства. Меньше крови. Больше свободы «до того».

Я считаю: разобраться в этом — важный был бы урок.

— Сдержанность нашей власти сейчас по отношению к тем, кто противостоит перестройке — управленческому, бюрократическому слою, аппарату (продукту застоя), — попытка мирным путем решить дело. Что это? Извлеченные из прошлого уроки? Или тут другие причины?

— Я думаю: и то, и другое. Уроки в том смысле, что метод вырубки бьет и по вырубящему. Кое-чему история учит. Эгоистическая мудрость! Я вообще очень верю в эгоизм и боюсь чистых идеалов.

Эгоизм власти. Власть понимает, что ей выгодно действовать минимально кровавыми путями, минимально вырубать. Конечно, какие-то отрицательные явления будут крепче держаться при этом, но, если мы вырубим, опять разольется идея насилия, крови. И, несмотря на ближайший эффект, в конечном итоге будет проигрыш.

— Мне кажется, М. С. Горбачев отчетливо проводит сейчас эту идею: не надо образа «врага перестройки». Кое-кому видится в этом половинчатость, нерешительность, а здесь...

— Тут вступает второй момент, который меня весьма интересует. Надо определить характер нашей революции.

## РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

— Откровенно говоря, это революция сверху. Понятно, она стимулирует движение снизу, без которого ничего не выйдет, но все-таки революция сверху.

— А бывает революция сверху?

— Бывает. Это особенность России.

— Да возможно ли такое сочетание: революция сверху? Если сверху, то почему революция?

— Всякое крупное историческое движение имеет два направления: от масс к верхам и сверху вниз. Даже во французской революции 1789 года, которая была типичной революцией снизу, массы поднимались, все-таки видно, какую роль играли Париж, конвент, движение сверху вниз.

Когда мы говорим о революции сверху, конечно, имеется в виду не сто процентов сверху, а то, что движение сверху преобладает. Это тема моей большой работы, которая должна, надеюсь, вскоре выйти. Я так и назвал — «Революция сверху в России».

Но этот термин употребляли и Герцен, и другие.

— О чем вы пишете в этой работе?

— Я говорю об особенностях российской истории, идущих из глубины веков: я вижу две существенные особенности российской истории.

Одна — сравнительно малая буржуазность. В былые века отсутствие или недостаток развитого капитализма, буржуазии. Но сейчас даже не об этом разговор.

Вторая особенность: огромная роль государства. Как нигде. И слабость противовеса государственной силе. На Западе короли были тоже дай бог: Генрих VIII, например, Людовик XI. Но их мощь отчасти уравновешивалась парламентами, местным самоуправлением, судами.

У нас так сложилось — не будем сейчас лезть в глубокую древность, — что мощнейшее централизованное государство не имело противовесов. Иван Грозный был по характеру примерно равен Генриху VIII, в том числе каждый имел по много жен, и причем Генрих VIII расправлялся с ними даже круче, чем Иван IV. Но парламент был, суд был, буржуазия — мешали ему еще

сильнее «разгуляться». А Ивану Грозному почти никто не мешал — мешали, конечно, но меньше. То есть соотношение сил было в пользу государства.

А раз так, раз сложилось централизованное государство, то крупнейшие преобразования в стране — и положительные, и отрицательные — диктовались действием сверху. Пример — Иван Грозный, на которого Сталин так ориентировался. Резкое закрепощение крестьян и ликвидация всякой демократии, самоуправления на местах, которые в древности были.

Проходит два века. Петр Великий. Кто-то пошутил: «Если бы Петр Великий собирал голоса своих подданных, то за свои реформы собрал бы, может, процента два».

Народ был против. Дворянство: царь действовал в его интересах, но оно в значительной степени его не понимало. Тем не менее, опираясь на какую-то группу активного дворянства, провел огромный переворот во всех сферах жизни. Сейчас не буду оценивать — там были положительные, отрицательные стороны. Но действительно Россию вздернули на дыбы, пошло мощное развитее. В общем, это была революция сверху. Очень резкая и противоречивая. Окно в Европу открыл и одновременно крепостное право усилил. Ввел элементы свободы — личная свобода дворянства идет от Петра, но действовал палкой, дубинкой, зажимал демократию.

Я бы сказал: от Петра идет историческая линия и на Сталина, и на Горбачева, если хотите.

И это была революция сверху. Россия изменилась после Петра. Изменилась и разделилась очень сильно.

Верхи, дворянство, государство отделились от низов: парики носили, язык другой, все больше французский.

Иван Грозный, Петр Великий — с их именами связаны крупнейшие перемены. Попытки крупных реформ были у Екатерины, у Александра Первого (Сперанский, например).

— Декабристы — тоже попытка?

— В каком-то смысле да. Казалось бы, революция снизу, но ведь они к народу не обращались. Идея была: взять власть в Петербурге, поставить себя на место старой власти и провести революцию сверху. Потом они, конечно, хотели активизировать народ.

— Не дожидаясь смерти правителя, взять власть, а потом «устроить перестройку»?

— Совершенно точно: перестройку по линии демократии и экономики.

Наконец, крупнейшее событие, которое имеет много с нами аналогий, — это реформы 1860 годов. Проведенные сверху. Другое дело, что было и сильное течение снизу: боялись крестьянства. Крымская война... Но в общем-то власть — Александр Второй и ряд прогрессивных деятелей, министров, далеко мыслящих, преодолевающая сопротивление крепостников, провели ряд реформ, именно ряд, хотя мы почему-то делаем упор на крестьянской реформе.

Крестьянская реформа — это перемена экономической структуры, земская реформа — это самоуправление, судебная реформа, университетская реформа, реформа печати, военная реформа. То есть реформы в сфере экономики и политики.

— Как их назвать?

— Мы всегда привыкли их ругать.

— Они были недостаточны, да?

Реформы могли быть лучше?

— Да, но они могли быть и хуже. Могли крестьянам и не дать землю. Но слабость самодержавия и слабость дворянства в том, что начатые реформы не продолжали. Дали — и сразу начали что-то отбирать обратно. Но худобно, все-таки примерно сорок лет эти реформы определяли российскую действительность. И если бы мы могли точно знать, что наши сегодняшние реформы будут на полвека определять нашу жизнь, это было бы прекрасно!

1905 год... Конечно, революция снизу — могучая. Ее подавили. Попытка

же Столыпина — это попытка реформ сверху. Экономической, политической. Все это я говорю к тому, что в дореволюционной российской истории мы видим много примеров революционных перемен, начинавшихся сверху. Удачных и неудачных.

Скажем, реформы 1860 годов, мне кажется, особенно похожи — по витку спирали — на то, что у нас происходит. Их считают неудачными, а мне представляются, в общем, удачными. Непосредственными, но удачными.

— А если взять советское время?

— Еще Ленин писал, что в наследство нам досталось могучее государство. Многие изменилось, иная стала страна, но роль государства сохранилась. История имеет некую «историческую генетику». Все-таки роль государства осталась. И многие иллюзии, многие элементы массового сознания от прошлого времени: Сталин, например, воспользовался многовековыми царистскими иллюзиями — это несомненно.

1921 год: сверху огромный переворот, первая перестройка — нэп.

Затем в 1929–1930 годах — сталинская контрреволюция, остановка движения, поворот — и все тоже сверху.

Дальше вторая перестройка — Хрущев. Также ведь сверху. Можно говорить о половинчатости, непоследовательности, но это было крупное движение.

Мы говорим: революция. Можно говорить: коренная ломка. Где проходит разница между коренными реформами и революцией, трудно сказать.

Много лет назад в нашей теории появилось положение, что революция может быть и бескровной. Говорилось применительно к Западу о возможности бескровных революций. Кровь не обязательна.

Так что за нынешней революцией сверху огромный исторический опыт. Многовековой. Были удачные моменты: удачный вариант Петра, 1861 года. В советские годы нэп. А рядом — пятый, «черный» вариант Сталина, Ивана Грозного.

Я нарочно беру разные исторические моменты, но сходство их в одном — сверху.

— Какой же отсюда следует общий вывод?

— Во-первых, есть повод и для оптимизма, и для пессимизма. Вариант сверху — не безнадежный. Бывали удачи. Во-вторых, надо подробно разбирать опыт как дореволюционных, так и советских ситуаций. Как все это делалось? Как расширять массовую базу? Каковы методы противодействия? Многие удивительно сходно: я читаю материалы, связанные с реформами 1860 годов, сопротивлением крепостников. Иногда буквально те же методы, что у сегодняшних консерваторов. Запугивали: будут беспорядки. Радуются ужасно, если где-то вспыхнуло: У нас Карабах — там была Польша. Даже готовы были спровоцировать иногда беспорядки. В Петербурге — знаменитые пожары: вполне возможно, что поджог, чтобы сказать: вот, смотрите!

Я пытался проанализировать в своей большой работе психологию таких противников перестройки.

Расширять массовую базу, знать противников перестройки. Расширять постепенно — это как спуск с горы. А сочувствующим, населению, интеллигенции не стоит слишком расстраиваться по поводу медленности и извилистости движения.

— По этой аналогии — спуск с горы — по мере движения и приближения к равнине, к массам, скорость увеличивается, нарастает и опасность катастрофы. Не так ли? Санки-то разгоняются.

— Но равнина близко.

— И тем не менее выход на равнину, скажем, встреча с массами — наиболее ответственная и тревожная ситуация.

— Я с вами согласен. Другое дело, что в XIX веке Александр вовсе не шел к массам, для него массами было прежде всего дворянство. Сегодня у нас под



массами понимаются более широкие слои.

Вы затронули важную вещь: у нас есть идеализация масс. Мы всегда учили в истории, что массы, все понимающие и тому подобное, движущая сила истории и т. д.

Даже Герцен, великий демократ, даже он говорил, что есть ситуации, когда власть лучше общества. Может быть, в каком-то смысле можно говорить об этом и сегодня. Во время революции сверху широкие круги зачастую более консервативны, чем верхи.

— То есть масса может быть более отсталой, чем руководство?

— Да. Но тут у руководства — два пути. Либо слиться с массой, пойти у нее на поводу, либо топнуть ногой, приказать, и масса пойдет куда надо. Но это тоже дурно.

— Чему здесь учит история?

— Опять вспомним Герцена, я его очень люблю. Он говорил: «Надо быть на шаг впереди своего хора, но никогда не на два шага».

На два шага — значит, хор тебя не слышит и не поймет, а вот на шаг впереди — то, что надо.

Я смотрю со стороны, как простой зритель, но одновременно с некоторым историческим опытом. И вижу: происходит переход от пассивно управляемых масс к активно управляемым массам.

Даже в период самого мощного подъема эпохи Хрущева — все-таки единогласие, все «за». Не рассуждали. Прежние наши руководители боялись масс. Сталин, даже Хрущев, тем более Брежнев... Масса, выглядит ли она как народ или Верховный Совет, должна механически штамповать.

Сейчас создалась ситуация, когда люди рассуждают. Партийная конференция — тому доказательство.

Но это не означает некоей полной свободы. И, кстати, осмелюсь сказать такую жесткую фразу: хорошо, что не означает.

Вдруг выясняется: есть огромный резерв в активизации людей. Разумеется, постепенный, потому что иначе мы будем похожи на человека, который обжился после долгой голодовки.

Управляемая, активная масса. Подход вырабатывается, у нас ведь не было такого опыта. Что было: либо подавление, либо единогласие!

#### БУНТ, НАПОЛНЕННЫЙ СМЫСЛОМ

— Раз уж мы заговорили о таких проблемах, то какие вы видите здесь аналогии?

— Я бы сказал, не аналогии, а вообще опыт.

— Можно ли считать нынешний конфликт в Нагорном Карабахе национальным? Есть точка зрения — я в какой-то степени ее разделяю, — что на поверхности он носит национальный характер, но внутреннее его содержание иное: борьба против феодальных принципов управления, подавления личности, против способов создания теневого, коррумпированного управления. Карабах, как говорится, попал под колеса.

— Я с вами согласен. Каждый пятый человек в Советском Союзе живет не в республике своей национальности. Но не везде же возникают такие движения, а очевидно, там, где ситуация обострена.

— Ну вот в Польше в прошлом веке — это было национальное движение?

— Всегда есть национальная оболочка, и всегда, как правило, есть социальная, демократическая сущность.

В Польше прошлого века прежде всего, конечно, национально-государственный, религиозный момент.

Возьмите Венгрию — острые события 1956 года. А после этого в течение трех десятилетий спокойствие: были решены многие социальные вопросы. Это не означает, конечно, что там все сегодня гарантировано, тем более что есть

Продолжение на стр. 28.



В прошлом учебном году в школах был отменен экзамен по истории СССР. По каким причинам — известно. Ну, думаю, наконец-то появятся честные и правдивые учебники. Первого сентября дочь принесла из школы «Историю СССР» (М., Просвещение, 1988) и говорит: «Полюбуйтесь, дорогие родители, на это чудо». Полюбовались. Страница 277: «Коммунисты под руководством выдающихся деятелей партии К. Е. Ворошилова, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина и других членов ЦК ВКП(б) отдавали все силы претворению в жизнь ленинских заветов. Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) с 1922 года был И. В. Сталин. Вместе с другими руководителями деятельности партии он активно боролся за реализацию планов строительства социализма. Как крупный теоретик и организатор, он многое сделал для укрепления партии, внес большой вклад в борьбу с различными антипартийными группами. Но в дальнейшем И. В. Сталин допустил ряд серьезных ошибок, которые были решительно осуждены партией».

Вот так-то, «крупный теоретик», «организатор», ну, были «ошибки», у кого их не бывает... А миллионы безвинных жертв? А лагеря? А беззаконие, возведенное в закон? А идеология обольщения целого народа? А ложь, которая извращала саму идею социализма? Этого не было? Или это не для учебника?

Читаем дальше. Страница 278: «...это привело к активизации другой, так называемой правой, антиле-

нинской группировки, которую возглавили Бухарин, Рыков и Томский. Правые оппозиционеры выступились высоким темпам индустриализации, выступали против ленинского курса на коллективизацию... Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в ноябре 1929 года, признал несовместимой с пребыванием в партии пропаганду взглядов правых капитулянтов».

Их что, просто исключили из партии? Или все-таки расстреляли? Ведь мы и наши дети знаем, что не было никаких группировок, что эти «дела» сфабрикованы по приказу Сталина. И есть сообщение специальной партийной комиссии, и вся наша пресса писала, что Бухарин, Рыков, Томский и другие коммунисты из ленинской гвардии ни в чем перед ленинской партией и народом не виновны. И наши дети читали решения комиссии об их реабилитации.

Так чему же учит этот, с позволения сказать, «учебник истории»? Тому, что «...в середине 20-х годов были расширены полномочия Советов»? Тогда почему сейчас, семьдесят лет спустя, мы боремся за то, чтобы вернуть власть Советам, то есть народу?

Как видим, не учит эта книга только одному — правде. До каких же пор будут обольщать наших детей и что им отвечать на уроках истории? Неужели по учебнику?

И. А. ЗАДЕРКОВСКИЙ,  
художник-оформитель,  
член КПСС  
с 1979 года  
В. А. ЗАДЕРКОВСКАЯ,  
воспитатель  
детского сада  
Брестская область

## ЧЕМУ УЧИТ УЧЕБНИК ИСТОРИИ? ● О ТОМ, КАК ПОВЫСИЛИ ЦЕНЫ ● РАЗМЫШЛЕНИЯ ОФИЦЕРА ●

В редакцию пришло письмо из Чимкентской области от К. Джураева. В конверте оказались статья А. Минкина «Зараза убийственная», опубликованная в № 13 за этот год, и два приказа по совхозу-техникуму «Пахтаарал».

В «огоньковской» статье оказались подчеркнуты слова: «В печати уже шла речь о бутифосе — очень ядовитом дефолианте, которым опыляют хлопок... Наивный читатель летом 1986 года прочел о страшном яде, а уже осенью узнал, что его применение запрещено. Придется огорчить читателя. Бутифос запретили, но только после того, как весь наличный запас вбухали в узбекскую землю. Но все же запретили? Да. Только радоваться нечему. Запретили-то бутифос, а не дефолиацию».

А вот приказ № 226 от 21 августа, подписанный директором совхоза-техникума «Пахтаарал» А. Анабаевым и заверенный печатью, «О дефолиации хлопчатника урожая 1988 года». В пункте четвертом читаем: «Вся ответственность в работе с дефолиантом бутифос возлагается на первого руководителя и старшего агронома отделения». В пункте седьмом: «Обрабатываемые бутифосом участки должны быть удалены от жилых помещений и ферм не менее чем на 600 м». Приказ № 230 от 3 сентября дополнительно уточняет, уже по отделениям совхоза, — какие и сколько посевов хлопчатника необходимо обработать бутифосом.

Многие годы бутифос пагубно сказывался на здоровье и жизни поколений, но его применение было разрешено и поэтому не могло караться законом. Но теперь запрещено. Редакция напоминает, что применение этого дефолианта является преступлением.

### ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА НЕОТРЫВНА ОТ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ  
ИНТЕРВЬЮ  
С БЫВШИМ ГЛАВНЫМ  
РЕДАКТОРОМ «ОГОНЯКА»  
А. СОФРОНОВЫМ  
В ОКТЯБРЬСКОМ НОМЕРЕ  
ЕЖЕМЕСЯЧНИКА  
«ЖУРНАЛИСТ»

## И СНОВА О КУЛЬТУРЕ ПОЛЕМИКИ

В октябре в номере ежесеместника «Журналист» опубликовано интервью с бывшим главным редактором «Огонька» А. Софроновым.

Сегодня, в пору, когда консолидационные процессы столь важны, тон и характер интервью представляются странными. Зачем сегодня унижать редактора, ушедшего в отставку, напоминаниями о временах, когда нераскупаемый «Огонек» в изобилии лежал в каждом киоске и проблем подписки на него по этой причине не существовало? Так ведь можно бы порассуждать о судьбе пьес и поэм уважаемого бывшего редактора «Огонька», посетовать на то, что их стали

меньше ставить и издавать, выискивая и в этом знамение времени. Зачем?

Времена действительно изменились, но ведь можно было бы говорить и о человеке, который не хочет поступаться принципами. К тому же сколько раз у нас в стране интерес к призрачному вспыхивал с новой силой; всякое случалось.

Многие считают А. Софронова одним из главных творцов эпохи застоя в литературе. Но тактично ли, как фактически это делает «Журналист», напоминать именно сейчас о его поведении при травле писателей А. Твардовского, Б. Пастернака. Бывший главный редактор «Огонька» имел право на собственное мнение, и вынуждать его возвращаться к прошедшему, сочинять объяснение поступкам, широко известным и давно объясненным, по меньшей мере жестоко.

Также труднообъяснимо включение в беседу супруги А. Софронова. Таким образом, определенно возрождается слух, что, не работая в журнале, она принимала живейшее участие в редактировании «Огонька». В конце концов уже много месяцев уважаемая супруга бывшего главного редактора журнал не посещает. Тем более был ли смысл реанимировать разговоры о том, что бывало, когда она посещала редакцию? Станным кажется нам и избрание в качестве автора интервью журналиста П. Демидова, который претендовал на место в нашей редакции, по ряду причин не поступил к нам работать и сейчас может быть воспринят кем-то из читателей как человек, подготовивший указанный интервью по договоренности с нынешней редакцией «Огонька». Со всей определенностью заявляем, что это не так.

Понимая и приветствуя интерес «Журналиста» к тому, что происходит в отечественной литературе, искреннее желание в этом разобраться, нельзя не удивляться публикации, возрождающей нездоровый интерес к здоровым процессам.

Отдел морали и писем



В № 33 «Огонька» меня потрясло письмо рядового Макарова.

Я тоже офицер, тоже отдаю своим подчиненным массу приказаний в час, сталкиваясь с личной и семейной жизнью подчиненных и тоже устал, устал от офицерского хамства, устал от десятков друг друга исключаящих приказаний, устал успокаивать (увы, не решая ничего толком) подчиненного, у которого на «гражданке»... Я каждодневно вижу все это. Я стараюсь не быть хамом, не «мусорить» приказами, со всей возможной для меня оперативностью решать личные вопросы подчиненных.

Рядовой Макаров, послушай меня. Много ли ты видел таких офицеров? Мало. Много ли они могут изменить? Мало. Где же выход?

А ты бы пошел в училище, чтобы стать офицером? Нет. Так откуда же нам взяться, хорошим, понимающим солдат офицерам?

Вопрос риторический. Неоткуда. Офицер — это «арматура» армии, ее становой хребет. По сути. А на деле? Офицеры — это в подавляющем большинстве случаев школьники, которые пришли поступать и поступили в училище: а) потому, что папа — военный, б) потому, что так и не решили, куда поступать. А что? Платят офицерам неплохо, одежда для работы казенная, пенсия в 45 лет, обеспечение — где через продсклад, где через «свой» магазинчик-военторг, в котором ты в «офицерской» очереди за дефицитом. А что личный состав воспитывать надо, наряды нести, жить, где приказуют, — ну, так это ерунда, личный состав приказом, да «губой», да уставом задавлю, погоном поприжму, к нарядам привьюкну, дубинку (или стек) заведу дежурных гонять. Зато все остальное хорошо. Но все хорошо быть не может.

А ты, рядовой, устал от хамства... Господи, как же это горько и страшно признаваться самому себе, что ты со своей порядочностью, совестью, впечатлительностью, каким-никаким тактом — дурак, белая ворона! И служить тебе там, куда другие отпихнут, и не ви-

деть тебе ничего, кроме глаз своих моряков. Зато они честно и прямо отражают тебя и видят главное — ты живешь по совести. Они не поднимут тебя по служебному трапу, не снимут с тебя клеймо бесперспективного, но они тебя никогда не предадут, они запомнят тебя. А ради этого стоит жить.

Так что, рядовой Макаров, не хочешь быть офицером — дело твое. Но быть хорошим человеком надо. И в армии тоже.

И пока вы, рядовые, не пойдете в офицеры (чтобы был выбор), все будет по-старому: «дедовщина», тоска, ожидание конца «срока» и, как ты считаешь, выброшенные из миллионов молодых жизней два или три прекрасных года.

Вот тебе мой ответ. Думай.

**Б. ПЕТУХОВ,**  
офицер ВМФ

Хочу предложить тему: о чести трудовых коллективов. Из передачи городского радио и газеты «Вечерний Ленинград» узнала, что объединение «Позитрон», выпускающее переносные цветные телевизоры «Электроника», берет с покупателей еще одну, правда, добровольную, плату — за гарантию. Хотя, как известно, предприятие обязано гарантировать бесплатно хорошее качество своей продукции на определенное время.

Теперь же надо заплатить 13 рублей в год, чтобы спокойно наслаждаться телепередачами. Выйдет аппарат из строя, в течение одного-двух дней к вам придет представитель завода, исправит, что надо, а то и заменит дефицитную деталь. Такая же гарантия на три года стоит уже 68 рублей. Как объявили по радио, эти деньги идут на премирование хорошо работающих и на другие нужды коллектива. А утверждению о том, что 70 процентов потенциальных покупателей подерживает такое предложение, удивляться нечего: покупатель взят за горло — чтобы избежать мытарств с ремонтом, и не такие деньги заплатишь.

Повышать качество телевизоров, улучшать их гарантийное обслужи-

вание — для этого ведь надо приложить немалые усилия, а тут все просто: взял с покупателя лишние деньги, успокоил его, и вроде бы все довольны, и рабочие с премиями, и покупатель обнадешен. А на деле самовольно повысили цену.

Через ваш журнал хочу сделать «Позитрону» предложение: уж коли там действительно пекутся о благополучии покупателей, а заодно и дорожат честью своего коллектива, пусть введут эту услугу бесплатно, как и положено настоящей гарантии.

**Е. П. НЕЗГОВОРОВА,**  
учительница,  
член КПСС с 1962 года  
Ленинград

Недавно смотрела в программе «Время» репортаж о нашей Калуге. Наконец-то нам показали прилавки, ломящиеся от изобилия мяса и колбас. Только бы еще сообщили адрес того магазина, в котором все есть.

Все продукты мы уже почти тридцать лет покупаем в Москве. В местных магазинах хоть шаром покати. Исчезли даже пряники, печенье и конфеты. А если и появляются, то моментально расхватываются.

Если и есть где изобилие, так это в коммерческих магазинах. Но по таким ценам, как там, могут покупать не все. Зарплаты нашей семьи (270 рублей на четверых) на это не хватает.

Так зачем устраивать показуху на всю страну? А то ведь получается: сколько лет живем и не знаем, что у нас все есть, по неведению в Москву катаемся.

**Н. В. КУЗНЕЦОВА**  
Калуга

Глубокоуважаемый литературный критик Татьяна Иванова! Обязательно прочтите в журнале «Простор» в № 7—9 за нынешний год роман московского писателя Владимира Успенского «Тайный советник вождя», который, как сообщил по казахстанскому телевидению автор, не принял к публикации даже «Наши современники».

Такой апологетики Сталина, сталинизма и уничтожения русской, ленинской интеллигенции мы еще нигде не читали.

Видимо, не случайно этот роман был привезен именно в Казахстан, где так сильна кунаевщина, а с нею и сталинщина.

Что касается фактов, то вот лишь один. Вы знали, например, что Яша Джугашвили был любовником жены своего отца? Не знали? Прочтите, узнаете еще много, много интересного.

**Т. Я. ИЛЬИНА, И. И. ГОЛЯК, врачи,**  
и еще пять подписей  
Алма-Ата

Правомерно ли открытие кооперативных туалетов при железнодорожных, авиа- и морских вокзалах? А в Батуми, например, и на городских рынках? Думаю, что туалеты должны содержать те ведомства, в зданиях которых они находятся. Ибо это часть сервиса, который вы оплачиваете.

Летом нынешнего года проезжал через Сочи и вынужден был просидеть на вокзале около 14 часов. Невольно наблюдал одну семью, состоящую из двух взрослых и троих детей от четырех до одиннадцати лет. Они ждали того же поезда, что и я, и для них кооперативный туалет превратился в бедствие. По моим подсчетам, они израсходовали на него около трех рублей. Не справедливее ли все-таки открывать кооперативный туалет не вместо общественного, а наряду с ним?

**Ю. М. ОСИПЕНКО,**  
ветеран войны и труда  
Поти



Наш адрес:  
101456,  
Москва,  
Бумажный проезд, 14.

## ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?..

Тираж у «Журналиста» небольшой, есть опасение, что многие просто не узнают о примечательном событии в современной периодике. Вот мы и доводим о нем до сведения наших читателей.

Итак, знаете ли вы, чьи стихи хвалил Пастернак? Кто был в дружбе с ним? Кто открыто возмущался, когда поэта травил? Поэт, драматург и публицист Анатолий Владимирович Софронов.

Кто «всегда высоко ставил как поэта, как личность» Ахматову? Софронов.

Кто испытывал «потребность в большей гласности, в большей социальной остроте» еще задолго до перестройки? Софронов.

Об этом и о многом другом можно узнать из семейного интервью, которое дали журналу «Журналист» супруги Софроновы.

Можно ли, например, считать направленным против Твардовского печально известное «Письмо одиннадцати», которое при Софронове было опубликовано в «Огоньке»? Ни в коем случае! Софронов восклицает: «А что иное, не же ли фальсификация, свистопляска вокруг «Письма одиннадцати»?! Его супруга уточняет: «А в итоге свели все только к судьбе Твардовского, хотя

в основе полемики и борьбы лежат проблемы национальные» (?).

Называя в числе близких ему по духу писателей Пастернака и Ахматову и сопереживая к тому же с Зощенко, Софронов почему-то забывает о таких своих друзьях, тоже писателях, как, например, Рашидов и Кочетов. Рашидова он, оказывается, считает преступником, а Кочетова, похоже, вообще не помнит. Кстати, в своем интервью Софронов о многом забывает, например, о кампании против космополитизма. Он что, тогда тоже страдал и сопереживал, боролся против нее?

Дальше — больше. Оказывается, в свое время Софронов пострадал от... Берии. «Сотрудники ЦК», — сообщает он, — намекали мне тогда, что все пошло от Берии...» Обижал его, вспоминает Софронов, и секретарь ЦК КПСС Зиминин.

В обиде Софронов и на Симонова. За то, что тот назвал его в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Знамя», «литературным палачом». В интервью он возмущается: «Баснословные вещи приходится читать ныне часто, в том числе и о себе... может, и продиктовал он в микрофон пассаж о «литературном палаче», может быть...»

Много не нравится сегодня и супруге Софронова, она горько сетует: «Это сейчас куда ни ткнешь — попадешь

в преступника. От Сталина до Туманова...», «Конечно, надо бы подать в суд за подобную клевету, да времени жалко».

Так хочется Софронову предстать в этом интервью «прогрессистом», но натура, как говорится, берет свое. О романе Рыбакова «Дети Арбата» он категорически заявляет: «Я подобные романы не приемлю... Мы с Рыбаковым жили как будто в разное время и в разных странах... (По-разному мы оба жили, Анатолий Владимирович. — Ред.)... Мне этот роман не понравился по сути своей». Видимо, желая хоть что-то противопоставить «неприемлемому» роману, Софронов сообщает, что пишет сейчас роман «Дети Тихого Дона».

Добрый словом вспоминает Софронов журнал «Огонек» в ту пору, когда он был его главным редактором, и критикует нынешний «Огонек», упрекает

его, в частности, в отсутствии «массовости» (?). Вспоминая старый «Огонек», он говорит: «Сколько писательских имен — многонациональных — мы тогда открыли». Подхватив на лету эту его мысль, корреспондент иллюстрирует ее: «Лично я, например, помню на страницах «Огонька» и Георгия Маркова, и Михаила Алексеева, и Анатолия Иванова, и Юрия Бондарева, Петра Проскурина».

Интервью это, на наш взгляд, заставляет по-новому переписать некоторые страницы нашей истории, литературы и журналистики. Поэтому на него надо обратить внимание. Такого же мнения придерживается и редакция «Журналиста», в своем вступлении к беседе она отмечает, что интервью «может вызвать широкий общественный интерес». С этим утверждением нельзя не согласиться!

В указанном интервью упомянута подписанная моим именем заметка в журнале «Политическое самообразование» за 1982 год, в котором преувеличена роль книг Л. И. Брежнева. Ничего не имея в пору опубликования мемуаров бывшего главы советской державы против самих мемуаров, я тем не менее не писал ерунды, опубликованной в указанном журнале под моим именем. Тогда же я дал телеграмму в редакцию о невозможности признать статью своей. Очевидно, мы имеем дело с фактом, когда сами воспоминания мог сочинить необязательно тот, чье имя стояло на обложке, а рецензию — необязательно тот, кем ее подписали. В политической истерике, разбушевавшейся в пору издания «Книг века», в потоке творческих конференций и специальных номеров газет и журналов воспользовались моим именем, что весьма прискорбно. Утешает меня лишь то, что мне впервые напомнили об этой заметке лишь теперь, а также факт, что сочинение неведомого специалиста не может повредить никому, кроме меня.

**Виталий КОРОТИЧ**



В № 25 за июнь с. г. «Огонек» в своей новой рубрике «Азбука гласности» опубликовал письмо от 14 февраля 1966 года 25 видных деятелей советской науки, литературы и искусства, высказавшихся против происходивших тогда попыток частичной или косвенной реабилитации Сталина. Известно, что к этому письму, адресованному Л. И. Брежневу, присоединились еще 13 известных в нашей стране деятелей, направивших новое письмо в Президиум ЦК КПСС. Среди них были А. Алиханов, В. Дудинцев, И. Ильинский, В. Мурадели, С. Смирнов, Г. Чухрай, И. Эренбург и другие. Однако Л. И. Брежнев и его соратники из «первого пика застоя» двинулись дальше, создавая атмосферу, способствующую оправданию сталинского произвола, его административно-командной системы, барско-бюрократических методов управления страной, партией и каждым отдельным коллективом. Это необходимо было делать им и для того, чтобы прикрыть собственные произвол, коррупцию, казнокрадство, взяточничество. В год празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина у Кремлевской стены по указанию Брежнева был поставлен памятник на могиле Сталина. Выраженная в названных выше письмах надежда, что «пересмотра решений XX и XXII съездов по вопросу о культе личности не произойдет», гасла. В стране все больше насаждался новый культ и новый произвол.

А ведь было достаточно времени для того, чтобы одуматься и изменить политику. К этому призывало и письмо детей коммунистов, необоснованно репрессированных Сталиным. Идея его написания появилась в тот же период, когда родились письма 25 и 13 известных деятелей. Текст доверили подготовить мне, подписи собирали под письмом Петр Якир и я. Всего подписано было три экземпляра. Один был передан в ЦК КПСС, один был передан мной историку Рою Александровичу Медведеву, который работал тогда над книгой «Перед судом истории», и один экземпляр остался у П. И. Якира. Насколько мне известно, два последних подписанных экземпляра были изъяты при обысках у Р. А. Медведева и П. И. Якира. Основной же экземпляр, подписанный 42 товарищами, остался в ЦК КПСС. В то время я и П. И. Якир почти еженедельно звонили в секретариат Центрального Комитета партии, хотели верить, что правда восторжествует и идеи XX и XXII съездов партии победят. Приблизительно через полтора-два месяца после передачи письма в ЦК КПСС нам дали разъяснения, что с письмом ознакомлены все секретари ЦК партии и ответ нам придет. Однако ни в мой адрес, указанный как обратный, ни в адрес кого-либо из подписавших ответа из ЦК КПСС не поступило, а в стране все шире проходила кампания по «восстановлению политической репутации» Сталина и его методов управления страной и партией.

Но могло быть и хуже. Уверен, что наше письмо, направленное в ЦК КПСС, как и другие письма по аналогичным вопросам создавали определенные препятствия на пути возрождения сталинизма, служили формированию общественного сознания и подготавливали именно то время, которое мы сегодня называем перестройкой. По-разному сложилась судьба 42 товарищей, которые поставили свои подписи под названным письмом. Некоторых из них уже нет в живых. У меня сохранился лишь машинописный текст нашего письма, который передаю редакции «Огонька». Надеюсь, что оно может быть опубликовано и принесет пользу нашей истории и изучающим ее новым поколениям родины Октябрьской Революции.

7 августа 1988 г.

С уважением  
Л. ПЕТРОВСКИЙ,  
член КПСС с 1962 г.

## ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

От оставшихся в живых детей коммунистов,  
необоснованно репрессированных Сталиным  
24 сентября 1967 г.

В настоящее время с трибун, в печати, по радио и телевидению пропагандируются «заслуги» Сталина. Фактически это является политическим пересмотром постановлений XX и XXII съездов КПСС.

Нас это тревожит. И не только потому, что наши родные и мы сами, как и миллионы других людей, стали жертвами созданной Сталиным машины преступлений. Нам тяжело сознавать, что в одобрение произвола в свое время были втянуты жестоко обманутые массы.

Это не должно повториться. Возрождение прошлого ставит под удар идеи коммунизма, дискредитирует нашу систему, возводит в закономерность гибель миллионов невинных людей.

Любые попытки обелить черные дела Сталина таят в себе опасность повторения страшной трагедии нашей партии, всего нашего народа и коммунистического движения в целом.

Трагические события в Китае еще раз обязывают всех нас выработать гарантии от повторения таких катастроф. Только полная правда о всех преступлениях Сталина и его окружения способна породить то движение, те чувства и то общественное негодование, которые уничтожат все последствия культа личности Сталина и сделают невозможным повторение новых культов и нового произвола.

Как можно после всего пережитого нашим народом и всем международным коммунистическим движением восхвалять Сталина? Это мешает нашему движению вперед, ослабляет наши ряды, подрывает наши силы, делает невозможным достижение коммунизма.

В празднование 50-летия Октября мы должны войти под партийными знаменами, на которых начертано: бессмертное имя Ленина, широчайшая демократия, коллективное руководство, общественное самоуправление. Такие знамена явятся лучшей памятью людям, которых погубила адская машина культа личности. До сих пор еще на одних лежит неправомерное клеймо, имена других предаются забвению. История вернет их партии и народу.

Обещанный XXII съездом КПСС монумент жертвам произвола должен быть воздвигнут на грани полувекового существования Советского государства. В дни праздника борцы за мировой Октябрь будут с нами. Число их бесчисленно: от выдающихся руководителей партии до рядовых солдат революции. Имени же деспота не место на знаменах партии.

Мы просим учесть все сказанное и рассматривать наше письмо как составную часть борьбы за коммунизм. Надеемся, что это письмо поможет предупредить непоправимую ошибку.

П. Якир, Л. Петровский, А. Антонов-Овсеенко, Ю. Ларин-Бухарин, Ю. Вавилов, И. Пятницкий, Н. Енукидзе, А. Бокий, С. Радек, И. Шляпникова, А. Гастев, Ю. Айхенвальд, М. Иванов (Калинин), З. Серебрякова, Г. Акулов, С. Станкова (Осинская-Оболенская), В. Терлин, Г. Полещук (Муралова), С. Федорова, В. Шмидт, Г. Крапивянский, Т. Баева, И. Якир, А. Всесвятская, Ю. Сапронов, Ж. Зонберг, В. Блюмфельд, Н. Починщиков, Н. Попов, Н. Демченко, В. Шварцштейн, Ю. Ким, Г. Троицкая, А. Димзе-Берзин, Т. Смилга-Полуян, Л. Завадский, С. Светлов, А. Берзин, Л. Богораз, К. Белоцкий, С. Генкин, Ю. Живлюк.

## «НЕУДОБНЫЙ» КОМСОРГ

«Политическую зрелость» Юрия Раптанова пришлось отстаивать всем миром.

Накануне XIX партийной конференции произошло событие, встряхнувшее Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Началось с объявлений, появившихся в корпусах общежитий: «Товарищ! Если тебе не безразлична судьба перестройки...» А потом состоялся митинг. По инициативе Раптанова — секретаря комитета комсомола.

Митинг не был санкционирован, так же как и все сказанное на нем. Слушатели школы выразили свое отношение, в частности, к выборам делегатов на конференцию. Естественно, через час с небольшим уже заседал партком и подбирались формулировки. Комсомольскому вожаку немедленно воздали должное, указав на «политическую незрелость». По сути, за проявленную самостоятельность и нестандартный подход к делу общественно-политической важности.

Тогда по требованию Юрия создали «большой совет» — общее партийное собрание школы. И несмотря на тщательно подобранный в речи Г. С. Головачева, ректора ВКШ, «компромат» на Раптанова, оценка собрания была однозначной. Секретарь коми-

тета ВЛКСМ «реабилитирован», методы парткома и администрации осуждены.

Вспомнилось кстати: «Он уважать себя заставлял...» Так и было. Раптанов вступил на пост комсомольского секретаря, ненароком нарушив правила аппаратных игр. Год назад его избрали подавляющим большинством голосов, отклонив «согласованные» и «удобные» для администрации кандидатуры. Кому такое придется по душе! И не пришлось. Ощущил это на себе Раптанов не раз. Не случайно и в МГК комсомола не сочли нужным утверждать нового секретаря.

Чего добился Раптанов за год? Комитет комсомола стал той силой, с которой в школе вынуждены волей-неволей считаться. Авторитет в «низах» у секретаря бесспорный. Может быть, оттого, что сам он считает своим рабочим местом не кабинет, а общежитие, аудиторию, площадь...

Кстати, и Пушкинскую площадь тоже. Здесь появляется Юрий не случайно. Это его идеологическая работа: знать все, чем живет, что думает народ, спорить, доказывать, учиться слушать и слышать... Правда, так «работать» не всегда легко удается. И по причинам, не зависящим от него самого.

Юрий вспоминает такой эпизод:

— Как-то разгорелась интересная дискуссия о комсомоле. «Аппаратчикам» нет дела до молодежи! Комсомол — ненужная организация! Почему при поступлении в вуз учитывается членство в ВЛКСМ? Вопросы, мнения... Но вмешались люди с мегафонами. Один из них прокричал что-то в самое ухо стоящей неподалеку от меня девушке. Я не выдержал, отодвинул в сторону мегафон. Старший лейтенант закричал: «Убери руки, ты...» И сними комсомольский значок! Подошел еще один лейтенант, предупредил меня, что отвезут куда следует. К их удивлению, я согласился. Повели к стоявшей возле милицмейских машин группе старших офицеров. После долгих выяснений решили, что полезней заниматься дискуссией, а не разгоном. Часа два еще мы проговорили о комсомоле, о перестройке партийного руководства ВЛКСМ. Уверен, не без пользы для участников...

Да, без сомнения, Раптанов — комсомольский вождь из неуживчивых. Впрочем, это только если при мерять к нему стереотипы прошлых лет.

Игорь ВИРАБОВ



Мой отец, Николай Феоктистович Шубкин, беспартийный, много лет работал словесником на Алтае, преподавал русскую литературу еще в дореволюционных гимназиях, затем — в средних школах Барнаула. В 1937 году отец был репрессирован органами НКВД. На все наши запросы о его судьбе следовал стандартный ответ: «Десять лет без права переписки». В 1956 году я получил справку президиума Алтайского краевого суда, где было сказано: «Постановление тройки УНКВД Алтайского края от 25 сентября 1937 г. в отношении Шубкина Николая Феоктистовича отменено и дело прекращено». А в мае 1955 года мне выдали свидетельство о смерти I-БЮ № 001605. В нем указывалось, что Шубкин Н. Ф. умер 19 марта 1944 года, а место смерти в свидетельстве просто прочеркнуто — вроде бы и нет такого места.

Специально следует сказать о дате смерти отца. В бесконечных очередях к разным окошечкам НКВД, где якобы давались справки о репрессированных, мы все, стоявшие там, были убеждены, что «десять лет без права переписки» означало расстрел. Можно ли тогда верить официальному свидетельству о смерти, где утверждается, что Шубкин Н. Ф. умер в 1944 году?

Видные советские демографы рассказывали мне о попытках, предпринимавшихся нашими доморощенными фальсификаторами истории, сталинистами; перебросить даты смерти расстрелянных на другие годы, в частности на военные годы, чтобы обелить Сталина, чтобы на 1937—1938 годы не приходилось слишком много погибших. А там, дескать, война все спишет.

Политический и нравственный долг органов, которые распоряжаются всеми соответствующими архивами и знают людей, непосредственно участвовавших в проведении массовых репрессий, — провести широкие расследования, чтобы дать наконец ответы на вопросы, которые волнуют миллионы советских людей. Означала ли формула «десять лет без права переписки» расстрел? Когда в действительности погибли наши родные и близкие, в том числе Николай Феоктистович Шубкин? Где их могилы?

Следовало бы обнародовать и фамилии всех, кто участвовал в тройках, вел следствие, исполнял приговоры. Они заслуживают уголовного наказания, но вряд ли нужны сейчас новые тысячи судебных процессов. Однако их имена должны быть названы тоже, а не только фамилии Вышинского, Ульриха, Матулевича, Рыкова, расправлявшихся с верхним эшелоном власти.

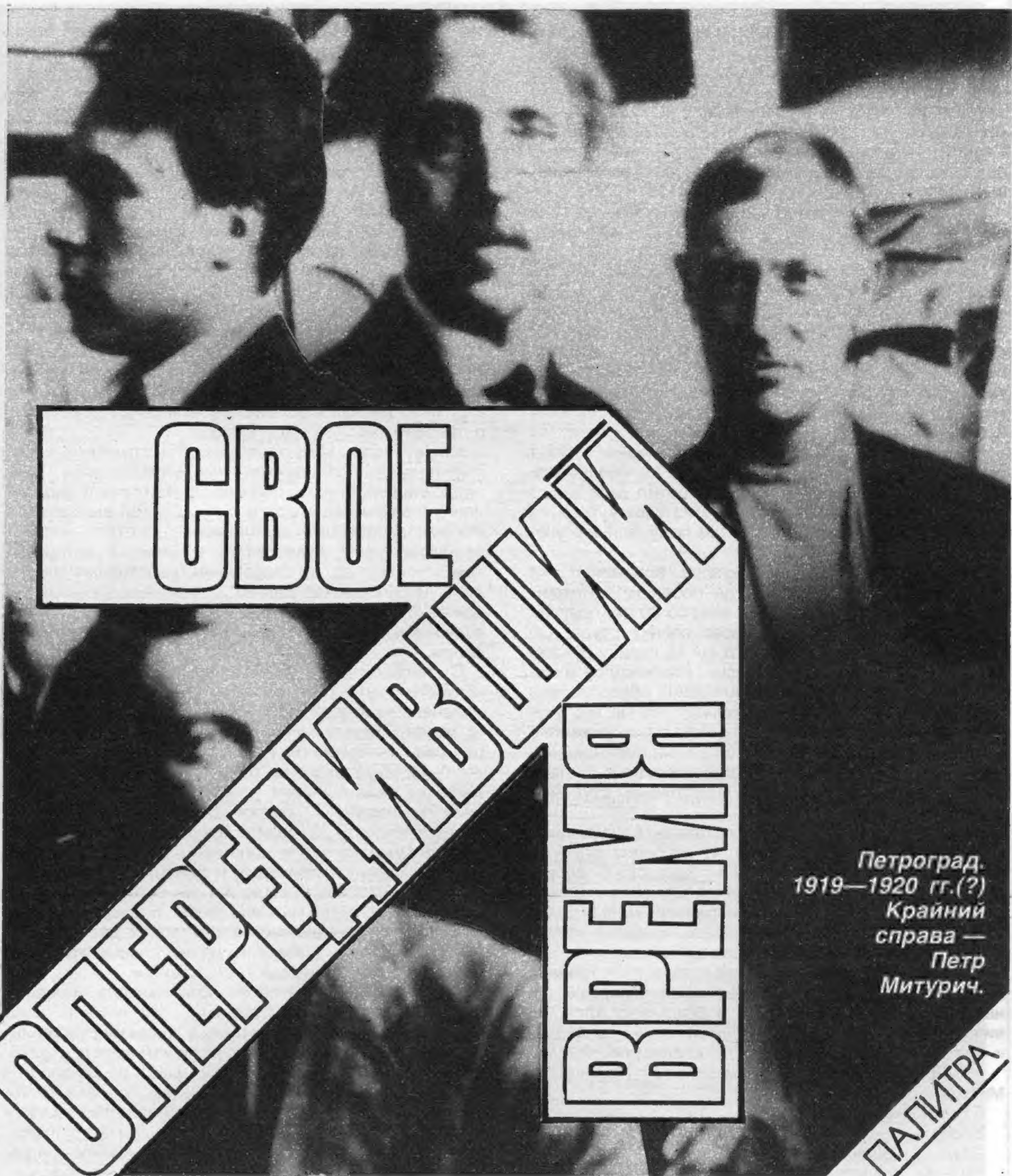
Следовало, наконец, назвать и цифры уничтоженных Сталиным и его подручными и в период коллективизации. Надо назвать и цифры уничтоженных, замученных в тюрьмах и лагерях в 1937—1938 годах, когда погибли не только десятки людей из политического руководства, о которых сейчас время от времени сообщает печать, но и миллионы рабочих, крестьян, интеллигенции, партийных и беспартийных.

Восстановить справедливость в отношении их, их родных и близких, десятилетиями подвергавшихся преследованиям, унижениям, дискриминации, — наш нравственный, гражданский долг.

И последнее. Говоря о мемориале следовало бы поддержать миллионы советских людей, требующих сооружения не только в Москве, но и в других городах — во всех местах массовых расстрелов и захоронений — мемориалов жертвам сталинского террора как вечного напоминания о возмездии, о том, что действительно никто не забыт и ничто не забыто.

**В. ШУБКИН,**  
доктор философских наук,  
профессор

Москва



Петроград.  
1919—1920 гг. (?)  
Крайний  
справа —  
Петр  
Митурич.

ПАЛИТРА

Май МИТУРИЧ

**Т**ем, кто знал Петра Васильевича Митурича не близко, облик его мог казаться противоречивым: убежденный, можно даже сказать, воинствующий реалист, своим учителем называл Велимира Хлебникова. Колочий, беспощадный полемист, он был трогательно нежным к друзьям, близким. «Не было ребенка, не было существа такого на свете, которое бы я так нежно, так страстно любил...» — записал он, вспоминая о болезни Хлебникова. Человек неукротимого гражданского темперамента, интересовавшийся всем на свете, в искусстве своем сознательно ограничил круг «доступных ему» сюжетов и тем. Живя исключительно искусством, свой инструментарий умещал в железной коробочке из-под фабровских карандашей, небольшом, идеально чистом этюднике. Цена художественную мысль (а воплощение пусть будет возможно проще), недолюбливал сложные техники, но создал великолепные серии в литографии, преподавал на отделении офорта. Умел радоваться тому, что вряд ли порадовало бы другого, — например, тому, что жил на девятом этаже без лифта («Никто попусту не придет») или тому, что за всю жизнь износил лишь три костюма. «Быть художником — все равно, что двигаться на Северный полюс, — надо экономить все ресурсы», — было любимым его призывом в трудные годы.

Петр Васильевич родился в 1887 году в Петербурге. Отец его, Василий Петрович, оставил было военную службу для литературного поприща, но не преуспел и снова вступил в службу. Детство Петра прошло в крепости Осовец, где отец его был комендантом артиллерии.

Живой характер отца скрашивал монотонность гарнизонной жизни. В доме были книги, появлялись запретные революционные издания, альбомы репродукций. Любимым был Мейсонье. Василий Петрович мечтал сконструировать гигантский коробчатый

змея, способный поднять в небо солдата — корректировщика артиллерийской стрельбы. Сохранился рисунок — портрет военного, свидетельствующий не только о прилежании, но и о способностях Василия Петровича к рисованию. Но по семейной традиции сын Петр был определен в кадеты, в Псковский корпус. Семья от века была служилой, но Петр Васильевич мечтал стать художником и считал счастливым день, когда его исключили из корпуса за связь и знакомство с политическими деятелями и революционной литературой — сочинениями Маркса, Ленина, «Искрой» и др. На следующий год он поступил в Киевское художественное училище, а затем в Петербургскую Академию художеств. Попав сразу после Академии на военную службу, Петр Васильевич надолго оказался оторванным от художественной жизни первых послереволюционных лет.

Переломным для художника оказался 1922 год, когда по увольнении из армии Петр Васильевич сблизился с Велимиром Хлебниковым, которым был увлечен еще до первого с ним знакомства в 1916 году. Спасаясь от голода и безденежья, Митурич предложил истощенному и больному Хлебникову поехать с ним в деревню «подкормиться». Но, едва добравшись до места, Хлебников слег. Недостатки местной медицины усугубили положение, и 28 июня 1922 года Велимир Хлебников скончался в деревне Санталово. Тяжелой, незаживающей травмой осталась для Митурича кончина Хлебникова, безвременная и трагичная.

1922 год оказался переломным и в личной жизни — Митурич расходится с женой. Решая вопрос о том, как быть с рукописным наследием Хлебникова, Петр Васильевич списался с семьей поэта и вскоре познакомился с его сестрой — художницей Верой Хлебниковой, которая впоследствии стала его женой.

Когда ехали в Санталово, всего недели на две, Хлебников отказался расстаться с рукописями. «Рукописи предлагаю оставить в Даевом пер., где они,



конечно, будут в полной сохранности до его скорого возвращения. Велимир категорически не соглашался: он их нес в Персии, на Кавказе, донес до Москвы и тут не желает с ними расставаться. Я понял его чисто физические труды, которые совершил он уже для того, чтобы донести свои мысли людям» — вспоминал Митурич. Ответственность за судьбу наследия Хлебникова оказалась нелегким бременем, ощутимо повлиявшим на жизненный путь и Веры Владимировны и Петра Васильевича.

В отличие от переменивой кочевой жизни до 1922 года московский период (1923—1956) не богат внешними событиями.

Приглашенный в 1923 году преподавать во ВХУТЕМАС, Митурич впервые обрел собственное жилье в доме № 21 по бывшей Мясницкой, ныне улице Кирова. Но в сложившемся московском художественном кругу «своим» не был. А независимость, резкость суждений скорее порождали недоброжелателей, чем друзей. Немало тревог доставляла полемика вокруг Хлебникова, его изданий. Суровым был и быт...

Но занятия во ВХУТЕМАСе шли успешно, и Вера Владимировна писала: «...Петя очень переволновался со своими выпускниками, перепортил себе много крови и потерял много сил. Зато из всех курсов из четырех заграничных поездок три получили его ученики...»

Один из учеников, П. Г. Захаров, вспоминал: «И очень полюбили мы его, когда поближе с Петром Васильевичем познакомимся. Нам по 20 лет, ему 36. Мы на переменке скачем через спинку стула. Он подошел, говорит: «Что же это вы за спинку руками держите? Ну-ка расступитесь». Разбежался и перемаяхнул... Вокруг Петра Васильевича образовалась очень дружная, внутренне спаянная группа его учеников, часто посещавшая его дома. Наше уважение и любовь были ему наградой. Это единственное, чем мы могли его отблагодарить, плохо обутое и одетое, вечно голодные, но очень счастливые студенты ВХУТЕМАСа 20-х годов».

Многие ученики навсегда остались ближайшими друзьями Петра Васильевича. И особенно близким другом стал Павел Григорьевич Захаров. С добродушным юмором Захаров пытался смягчить высокий пыл учителя, мирить его с ветряными мельницами, но, увы, это редко кому удавалось. В шутку их так и называли — Дон Кихот и Санчо Панса.

В начале тридцатых годов переехали из Астрахани в Москву престарелые родители Веры Владимировны — Екатерина Николаевна и Владимир Алексеевич Хлебниковы. С увеличением семьи возросли и бытовые трудности, порой до крайности.

«3.VIII.1932. Акт описи имущества. Недоимщик Митурич.

Стол 1 — оценка 30 р.  
Кровать 1 — оценка 30 р.  
Стул 1 — оценка 5 р.»

На акте приписка Митурича: «Ни стола, ни стула, ни кровати не имею. Описано имущество В. А. Хлебникова». Действительно, до приезда стариков Хлебниковых «мебель» в доме отца была сколочена им самим из фанерных ящиков.

Круг интересов и занятий Петра Васильевича был бы очерчен неполно, если не упомянуть его изобретательскую деятельность. «Делился с ним своими изобретательскими делами, хотел объяснить принцип волнового полета... Я чувствовал родство своей технической мысли с его философией о мироздании и движении...» — вспоминает о своих встречах с Хлебниковым Петр Васильевич. «Начало научного интереса к авиации» он датирует 1914 годом.

В 1933 году Митурич встречается с Г. М. Кржижановским, который направил его к другому ученому, профессору А. Миловичу: «Дорогой коллега! Очень прошу Вас не отказать в консультации по изысканиям тов. Митурича. Мне кажется, что здесь есть нечто весьма интересное. А так как я считаю Вас по этой части Архимедом, то и обращаюсь к Вам. Большой, большой привет. Г. Кржижановский. 15.X.33.»

В памяти большинства Петр Митурич остался прежде всего рисовальщиком. Но, считая рисунок лишь частью наиболее полного средства художественного выражения — живописи, Петр Васильевич при первой возможности брался за краски. Именно в живописи был особенно требователен и строг, в первую очередь к самому себе. Бывало, целые периоды испуганной работы уничтожал, не удовлетворенный «звучанием» пространственных цветовых характеристик.

«В рисунке я укрепился давно. Приблизительно с 1915 г. стал давать зрелые в художественном отношении вещи. Порвав с Академией, сблизился с «левыми» корпорациями изодела, но постоянно терпел там утеснения, т. к. всюду они состояли в большинстве из модернистов. Так было в «Мире искусств», так обстояло дело в «4-х искусствах», а в более левых организациях еще хуже и озорнее». — писал Петр Васильевич о начале своего творческого пути, о поисках места в искусстве.

Неизменно почитая предшественников — от Рокотова, Шубина до Борисова-Мусатова и Врубеля, которого, по собственному признанию, «боготворил», Петр Васильевич остро интересовался и «новой живописью». Но не учениками, подражателями, а принявшими вызов, готовыми к соревнованию соперниками ощущали себя художники круга Митурича по отношению к «Парижу». «Я искал в образах наблюдаемого мира новые характеристики, которых не усматривал ни в чьей современной живописи. Если у меня выходило нечто виденное, то я отмечал, как не творческое, ученическое ощущение...»

«Французов» обсуждали ревниво, как равных. Восхищались достижениями, но не спускали и промахов. Вера Хлебникова несколько лет училась живописи в Париже, в Италии. Была дружна с Ван Донгеном, Витти, преподававшим в Академии, которую она посещала. «Сегодня получил Вашу картину, дорогая Вера Владимировна... В ней все так глубоко настоящее, что даже Париж прощает за его влияния...» Эти строки из письма к В. Хлебниковой свидетельствуют о трезвом взгляде на «Париж».

Может быть, кому-то покажется странным сопоставление с «французами» при сложившейся ныне иерархии известности. Но можно заметить и определенную закономерность, в силу которой выходцы из России, работавшие за границей, обретали несравненно большую известность в мире, а вслед за тем и у нас, чем их сверстники, работавшие на родине. И сегодня мы узнаем имена иных забытых художников лишь после того, как они попадают в зарубежные монографии. «Нет пророка в отечестве своем...»

С первых выступлений на выставках «Мира искусств» 1915 года работы Петра Митурича были замечены критикой, приобретены в собрания Русского музея, Третьяковской галереи. И ограничить Митурич свои интересы рисунком, в котором достижения его были общепризнаны, наверное, судьба его сложила бы академически благополучно. Но гражданский темперамент, острое ощущение своей доли ответственности за судьбы искусства в новом обществе побуждали его к полемике.

Рассуждая, он приходит к убеждению: «Чувство красоты и научное чувство истины есть одно и то же чувство природы». «Изгибы форм, пропорции и взаимное расположение частей, светосила, светотень — все определяется чувством, равносильным тому, которое владеет цветовой гармонией...»

Одна из рукописей за ее объемистость прозвана была «трактатом». В рукописи этой немало было расхождений с общепринятыми в то время суждениями. Местами недоставало ясности изложения, несмотря на то, что он много раз показывал ее друзьям — художникам, искусствоведам. Затем снова и снова переписывал, стремясь к большей понятности. Эту рукопись Митурич читал и своим студентам в институте повышения квалификации художников-графиков, где преподавал после ВХУТЕМАСа, не подозревая о собиравшейся грозе.

«13 января 1937 г. Приказ № 51 по институту повышения квалификации художников книги и графиков.

В первых числах декабря 1936 года дирекции института было сообщено, что преподаватель дисциплины рисунка 4-й группы отделения ордена художник Митурич П. В. в часы, отведенные ему для преподавания рисунка, занимается чтением перед группой своего «трактата» о живописи. Произведенным дирекцией расследованием факт чтения Митуричем на группе вышеуказанного трактата подтвердился, при этом установлено, что прочитанный материал является по содержанию своему реакционно-идеалистическим.

Приказываю немедленно освободить художника Митурича П. В. от занимаемой должности».

Тучи сгустились, когда в газете «Советское искусство» появилась статья «Карлик и Солнце». «...Жалкий карлик! В своем «космическом» ослеплении и гнев он сначала хотел дополнить до солнца и погасить его отравленной слюной... В институте необходимо объяснить студентам истинный смысл этого произведения «чистой теории», разъяснить, как от будто бы «невинных» формалистических упражнений в теории и практике художник может прийти к позициям фашизма».

И грянул гром, когда журнал «Творчество» в переодике под заголовком «Врагов народа, предателей родины разоблачать и уничтожать» в ряду тяжких преступлений упомянул и «антисоветское выступление Митурича в Московском институте повышения квалификации графиков...». Состоялось следствие. Парадоксально, но следственные органы оказались объективнее коллег — художников и критиков — и не усмотрели в рассуждениях Митурича политических мотивировок.

Однако ярлык формалиста отбросил на Митурича долгую тень забвения, протянувшуюся до конца его дней. Работы его исчезли со стен музеев, с художественных выставок, лишился он и скромного, но основного источника доходов — издательских заказов.

Судьба Митурича не была исключением — А. Т. Матвеев, Павел Кузнецов, М. С. Сарьян, В. А. Фаворский, В. В. Лебедев — кто только из крупных художников не испытывал трудностей, не носил ярлык формалиста.

Но — пришла беда — открывай ворота. Художественные неурядицы померкли рядом с семейным горем. После тяжелой болезни в начале 1941 года скончалась жена — Вера Хлебникова. Денег не было вовсе. Чтобы купить гроб, пришлось взять ссуду в Художественном фонде. А скоро и всеобщее бедствие — война.

Перешагнувший призывной возраст, Митурич вне очереди дежурил на крыше, благо жили почти на чердаке. По тревоге надевал шлем и кольчугу, которые дважды спасли его от ранения градом сыпавшихся осколками зенитных снарядов. (Кольчугу эту и шлем нашел я на свалке, куда их выбросили наследники жившего в том же доме Архипова.) Насколько зажигалок упали-таки на дом, и Петр Васильевич, выковыривая бомбу, вонзившуюся в деревянную балку перекрытия, получил ожоги. А когда немцы подошли к Москве, тяжелой дилеммой встал для него вопрос об эвакуации. О себе он не думал, но как быть с рукописями Хлебникова, живописью, всем тем, что сохранить для общества считал он первейшим своим долгом? Груз был непосильным, а рассчитывать на стороннюю помощь в превратностях эвакуационного передвижения было трудно. Тем более что речь шла о наследии забытого тогда поэта. И веря в судьбу, в справедливость, он остался в Москве часовым при бесценном для него грузе. Тщательно все упаковав, составил расписание, что следует спасать в первую очередь в случае бомбежки, пожара. Москва устояла, и ни один листок рукописей не был утрачен.

С 1942 года я был в армии, но однажды оказался в командировке в Москве. Спасаясь от холода, отец соорудил в комнате шалашик из бумаги и фанеры, в котором уместился столик и стул. Там и работал, обогреваясь электроплиткой. Помню, показал он тогда великолепный лист «Кавалерийская атака в горах», созданный под впечатлением сводки Совинформбюро, — черная и красная тушь. К сожалению, судьба этого рисунка теперь неизвестна. Как рад был он встрече, мешочку скопленной мною солдатской махорки. И как горько было уходить от него, такого бесконечно одинокого тогда.

Разумеется, были у Митурича и сторонники, друзья. Но война разметала кого на фронт, кого — в эвакуацию. Прервались ленинградские связи. Многим, кто оставался в Москве, тоже приходилось туговато, но они поддерживали Петра Васильевича, как могли. А более всех Павел Захаров помог Петру Васильевичу пережить суровые времена. Тянулася к нему и молодежь, и каждый, кто хоть раз побывал на девятом этаже, надолго запомнил встречу.

Именно в это время в полной мере проявилась цельность его натуры, духовная стойкость. «Суровый был человек Митурич, скупой и требовательный в искусстве, даже испуганный, ненавидел он уничтожающе и остро; что любил, любил упрямо, коленопреклоненно, фанатически». Эта, если и не исчерпывающая в глазах близких, все же удивительно меткая характеристика Н. Н. Пунина, относившаяся к 1915 году, оказалась верной и для всей жизни Митурича.

Еще один документ свидетельствует о скудости быта трудных лет: «21 мая 1946 г. В нарсуд 1-го участка Щербаковского р-на. Истец: Московское отд. Художественного фонда СССР по делу № 4510 с ответчиком Митурич Петром Васильевичем.

Исковое заявление.

Ввиду невозвращения ответчиком полученной им ссуды в сумме 300 р., срок кот. истек 3 мая 1944 г. ... взыскать с ответчика в нашу пользу 300 р. и расходы по судопроцессу 5 руб.

Ввиду бесспорности дела...

Директор

Моск. отд. Худ. фонда СССР Комаров А. Г.»

И приписка рукой Петра Васильевича: «По этому документу Худ. фонд взыскивает с меня деньги, выданные в 1941 г. на похороны Веры Хлебниковой». И снова опись имущества. Рисунки при описи ценностями не считались. И тогда отец расстался с единственной «ценностью» — кольчугой и шлемом, выручавшими его во время бомбежек.

В доме отца я сымальства оказался невольным слушателем едва ли не каждодневных горячих бесед об искусстве, в которых осмысление реализма было и основной проблемой, и высшим критерием. Выставки, время вернули невольным «формалистам» доброе имя, однако темные пятна потускневших, но не смытых ярлыков и сегодня сбивают с толку тех, до кого доходят лишь глухие отголоски минувших событий, когда реализм ассоциировался с некой силой, направленной против хороших художников. Не ради прежних обид, но для правильного понимания непреходящих художественных ценностей, сохраненных





**П. В. МИТУРИЧ. 1887—1956.**  
ХВАЛЫНСК. СЕЛЬСКАЯ УЛИЦА. 1929.

в суровой, подчас неравной борьбе для нас предшественниками. Для правильного понимания не застойной, но всеми помыслами устремленной в будущее культурной традиции должны мы знать и о драматических событиях в искусстве тех лет, событиях, о которых до сих пор знаем куда меньше, чем о событиях в биологической науке. Недопониманием значения преемственности можно объяснить и настойчивое представление о том, что, к примеру, «семидесятник» вправе и даже должен делать все «нарочно, наперекор традиции 60-х», «восьмидесятник» противопоставляется «семидесятнику» и так далее. Как может сохраняться связь с корнями, с истоками, если каждые десять лет все должно переворачиваться вверх тормашками, а некие аисты приносить «новые» эстетические нормы? Откуда? Горше любых невзгод, обид и несправедливостей было бы для наших предшественников видеть гонки в беличьем колесе, которые сулит подобный взгляд на движение искусства.

Первая большая ретроспективная выставка Петра Митурича состоялась в 1958 году, после его кончины. Тогда он был показан совместно с Л. А. Бруни



**ГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.**  
(Звездная азбука.)  
Цикл пространственных элементов.





**П. В. МИТУРИЧ.**  
СУДАК. ВИД С ГОРЫ АЛЧАК. 1937.

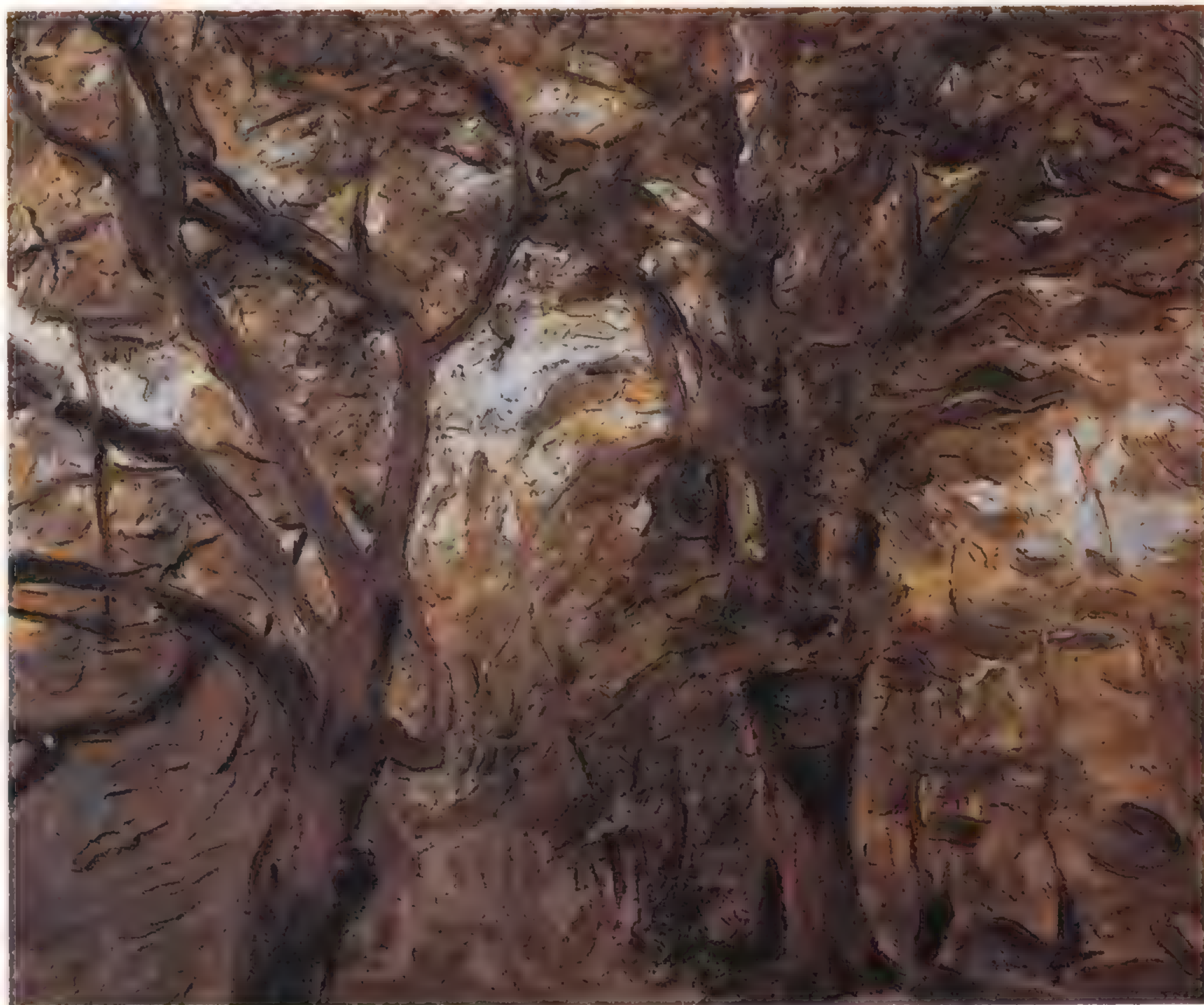
и И. П. Купреяновым, также долгое время скрытыми от широкой публики. Последующие выставки Митурича в Ленинграде, Минске, Львове, в Государственной Третьяковской галерее в Москве возродили его репутацию глубокого и строгого реалиста и в то же время художника, во многом опередившего свое время.

Написанная под впечатлением первой для него встречи с искусством П. В. Митурича, статья Е. А. Кибрика и сегодня остается одной из наиболее глубоких и точных характеристик творчества художника:

«На выставке Митурича меня поразило то, что я увидел нечто удивительно завершенное, отсталлизовавшееся, результат цельной, сложившейся и ясно выраженной системы взглядов на искусство рисунка... его искусство не имеет ничего общего с фотографическим копированием, которое мы часто принимаем за реализм, а всегда поражает проникновением в законы построения живой формы, именно это позволяет мне говорить о нем как о реалисте, неуклонно познающем окружающий мир...

И в области техники рисунка, а еще больше в области понимания задачи реалистического рисунка — строгого вкуса, проникновения в пластический смысл предметов, художественного построения пространства — ценность творческого наследия Митурича».

**ХВАЛЫНСК. В САДУ ЯБЛОНИ. 1928.**





# ТЭЗА С НАШЕГО ДВОРА

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ \*

**М**оряк возвратился первым. Это он научил бабу Маню кричать «полундра!». Маня с утра до вечера сидела на улице у подъезда, на высокой табуретке и парила ноги в тазике, подливая в него кипяток из большого чайника. Она беседовала со своей подругой, которая таким же способом размягчала подагру на другой стороне улицы. Они вели диалог, перекрикиваясь через проезжую часть. Моряк говорил Мане, что в этой позе она похожа на морского наблюдателя, и, заглядывая в тазик, интересовался:

— Не штормит?

Баба Маня была врожденным наблюдателем. Разговаривая, она никогда не теряла бдительности и всегда первой замечала очередного демобилизованного, выныривала из тазика, оставляя мокрые следы, торопливо шлепала по асфальту распаренными ногами, похожими на опухшие ласты. Пыхтя, врывалась во двор и сотрясала стены громоподобным воплем «полундра!». У Мани был шляпинский бас, казалось, что она состоит из одного горла. Но это было не так: у нее был еще нос, большой, любопытный, которым она вынюхивала дворовые секреты.

Как только раздавался Манин вопль, во дворе все замирало в нетерпеливом ожидании: кто? Во всех окнах появлялись лица, в основном женские, перекошенные от волнения, — каждая ждала своего: мужа, сына, отца... Когда бывший солдат появлялся во дворе и его узнавали, раздавался восторженный хор радостных приветствий, но, по установившемуся ритуалу, никто не подходил, все ждали, когда из парадного выбежит женщина — жена, или мать, или дочь — и бросится ему на шею. И только после этого вокруг прибывшего сжималось кольцо соседней, женщины, смеясь и всхлипывая, обнимали его, мужчины с размаху хлопали по плечам. Одного такого удара было бы достаточно, чтобы вызвать небольшое землетрясение в Японии, но здесь, в нашем дворе, так проявляли искреннюю радость, и солдат улыбался, незаметно потирая опухшие плечи. Это было счастливое лето возвращения фронтовиков, своего рода компенсация за годы тоски, тревоги и ожидания, счастливое для тех, кто вновь увидел друг друга, и нестерпимо горькое для недождавшихся.

Нашему двору повезло, все мужчины вернулись: кто посылел, кто прихрамывал, кто был еще в гипсе, — но живые и охмелевшие от жизни. Только Тэзин муж Леша все еще не возвращался, и от него не было никаких известий.

Тереза, или, как ее называли, Тэза, была любимцей двора: статная, длинноногая, с красивым смуглым лицом и с роскошными черными волосами, которые не помещались ни под шляпкой, ни под косынкой, всегда развевались на ветру и жили своей самостоятельной жизнью. Тэза играла с мальчишками в чурки-палки, учила девочек подбрасывать на веревке металлическую катушку (эта игра называлась волнующим словом «дьяболо»), таскала воду всем одиноким старичкам и старушкам, легко взлетая с полными ведрами на четвертый этаж; лихо отплясывала гопак, лезгинку и фрейлехс... Мы, пацаны, тихо обожали ее, ребята постарше вздыхали по ней бессонными ночами, а взрослые мужчины останавливались и долго смотрели ей вслед. И не только смотрели — некоторые пытались познакомиться, поухаживать, сделать подарки. Но она так отшвартовывала этих ухажеров, что они готовы были провалиться сквозь землю и, наверное, проваливались, потому что мы их больше никогда в нашем дворе не видели. У Тэзы был такой острый язык, что если бы она два раза лизнула кактус, он был бы побрит наголо.

До войны Тэза и Леша работали в цирке, подбирали ногами разные предметы: шары, кубы, цилиндры, перекидывая их друг другу. Этот номер на-

зывался «антипод» и пользовался успехом. Леша был старше Тэзы; когда женился на ней, ему уже перевалило за тридцать, а Тэза только подбиралась к двадцати. Они познакомились летом и летом же поженились. Их любовь была яркой и жаркой, как июльское одесское солнце. Через год после свадьбы родилась девочка Маринка, которую они возили с собой на гастроли. Девочка росла за кулисами, среди клоунов, акробатов и дрессированных лошадей. Родители уже стали потихоньку приобщать ее к своей профессии, но тут на их семейное счастье свалилась война. Леша ушел добровольцем, а Тэза с дочкой и бабой Маней были эвакуированы, жили в Сибири, в Татарии, на Кавказе, все ближе и ближе подбиралась к Одессе. Когда город освободили, они сразу возвратились домой. В цирке формировались бригады, Тэзе предложили выступать самостоятельно, но она отказалась до Лешиного возвращения. А пока работала ассистенткой у иллюзиониста, в свободные часы бегала на толкучку и на сэкономленный хлеб выменивала яркие шары и цилиндры — готовила реквизит для будущего выступления.

А Леша не писал и не возвращался. Первые месяцы соседки участливо спрашивали у Тэзы, нет ли от него известий, а потом перестали и, только глядя ей вслед, вздыхали сочувственно. И вот однажды...

В теплое октябрьское воскресенье двор был заполнен: курили, беседовали, развешивали белье, вытряхивали коврики. Баба Маня, сидевшая на своем наблюдательном пункте, вбежала во двор, точнее, влетела, взмахивая ногами-ластами, открыла рот, хотела закричать но, запыхавшись, не успела. Во двор вкатился Леша на маленькой деревянной тележке, руками отталкиваясь от тротуара. У него не было обеих ног, они были отрезаны до колен, одинаково, симметрично, как будто он аккуратно положил их на рельсы и по ним проехал трамвай. Все обомлело и замерло. Никто не знал, как себя вести, что говорить. Кто-то пытался улыбнуться, но вымученная улыбка превращалась в гримасу. Люди молча расступались, давая ему дорогу. Сделав приветственный жест, Леша подбежал к своему парадному, привычно отжавшись на руках, запрыгнул на крыльцо и скрылся внутри. Несколько секунд слышался звон колесиков о ступеньки, потом он затих и донесся стук в дверь, за которой сейчас находилась Тэза. И тут без призыва, без сигнала, по какому-то общему порыву все исчезли, двор опустел, раскрытые окна захлопнулись. Наступило ожидание, тревожное и сжатое, как пружина затвора перед выстрелом. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Двор был тих и безлюден, окна задранны, как перед штормом. Но из-за каждой занавески, из-за каждой шторки за входом в парадное следили десятки глаз. Наконец, раздался общий коллективный вздох облегчения и, как будто от выдохнутого воздуха, все окна распахнулись. Из подъезда вышла Тэза в своем самом нарядном платье, с красной лентой в непокорных волосах. И выехал Леша, уже умытый, причесанный, переодетый в новую рубашку с блестками, которую она выменяла на толкучке для его будущих выступлений.

Довоенный Леша был очень высок: несмотря на свою длинноноготь, Тэза доставала ему только до плеча. Теперь было наоборот: укороченный Леша стал на голову ее ниже. Но Тэза как будто этого и не заметила: она шла счастливая, гордая, с высоко поднятой головой, держа за Лешу, как за свою самую дорогую добычу, а ее волосы победно развевались на ветру, как черный пиратский флаг. И двор сразу наполнился, зашумел, закипел. Лешу обнимали, целовали, хлопали по плечу, конечно, более сдержанно, чем обычно. И почему-то на этот раз обнимали и целовали Тэзу, не меньше, чем Лешу, а если по правде, то даже чуточку больше.

Так началась новая жизнь Лешы и Тэзы. Леша стал сапожничать. Сперва он чинил обувь только соседям, но постепенно клиентура расширилась, к нему потянулись со всей улицы. Он сидел в комнате у открытого окна, на подоконнике были разложены ин-



струменты, гвозди, куски кожи. Клиенты подходили к окну, сдавали рваную обувь, получали починенную, угощали мастера папиросами, курили, шутили, беседовали.

Тэза по возвращении Лешы сразу ушла из цирка и устроилась в театральной кассе распространительницей билетов. С утра до вечера она бегала по учреждениям, расхваливала местных артистов, угощала покупателей билетами, взывала к одесскому патриотизму. Когда же ожидался гастролеры, но об их приезде еще никому не было известно, Тэза по секрету сообщала эту новость бабе Мане, и через минуту об этом знал весь двор. У Тэзино окна выстраивалась очередь. Леша отодвигал в сторону инструменты, освобождал часть подоконника. Тэза раскладывала там пачки билетов, садилась рядом, и они работали бок о бок: он стучал молотком, она звенела ножницами.

В цирке они с тех пор ни разу не были. И не вспоминали о нем, во всяком случае, вслух. Жили они в маленькой трехкомнатной квартире, занимали просторную светлую комнату, но проходную. К ней примыкали две комнатухи. В одной жил Лешин старший брат Жора, в другой — баба Маня. Леша называл ее главным звонарем их семейства: отец бабы Мани, часовщик, оставил в наследство дочери с десяток часов, стенных и настольных. Все они были с боем, звонили каждые полчаса. Но поскольку показывали разное время, то звон стоял непрерывный. С утра Маня покидала свою музыкальную шкатулку, садилась перед домом, парила ноги в тазике и шляпинским басом поругивала проезжающие машины, которые мешали ей перекрикиваться с собеседницей напротив.

— Эти ноги, чтоб они сгорели!.. Они мене так крутят, так крутят! — жаловалась она зятю.

— Не надо было ходить с Мойсеем через море, — отшучивался Леша, постукивая молотком. Но через пару дней вручал ей «тигровую мазь», добытую у своих клиентов-медиков, от которой баба Маня будет бегать, «как хищница».

Свободное от тазика время Маня проводила в туалете, откуда ее было очень трудно выдворить, хотя Леша крупно написал на двери туалета: «Регламент!» На кухню она выбегала в сиреневых трико до колен и в синей мужской футболке, как объясняла окружающим, «по-домашнему». Травмированный этим видом, Леша купил и подарил ей красные французские рейтузы. Рейтузы Мане очень понравились, она натянула их на трико и гордо расхаживала по квартире. Леша говорил, что в этих красных рейтузах баба Маня может шагать впереди первомайской демонстрации вместо флага.

Сперва в нашем дворе стоял мусорный ящик, большой, как особняк. Потом его разломали, а мусор стали выбрасывать в специальную машину, которая к концу дня подъезжала к дому; шофер звонил

\* Повесть публикуется в «Библиотеке «Огонек» в 1989 году.





в колокольчик, давая знать о своем прибытии, и к машине тянулась цепочка женщин с мусорными ведрами. Баба Маня с ведром наготове уже полдня напряженно поджидала мусоросборник, как охотник поджидает добычу: дитя очередей, она и здесь хотела быть первой. Сразу после обеда начинала интересоваться:

— Смиттё не звонило?

Однажды она перепутала: у дома остановился автобус и шофер поднял крышку капота, чтобы проверить работу двигателя. Раскрытый капот напоминал пасть мусоросборника, и Маня, подбежав, вытряхнула туда содержимое мусорного ведра. Онемевшему от этой наглости водителю спокойно объяснила: «Так надо» — и ушла, счастливая, что опять была первой. Шофер еще долго не мог прийти в себя, а двигатель обиженно отплевывался картофельными очистками и шелухой от яиц.

Наш двор жил, как большая многонациональная семья. В те времена соседей никогда не интересовало, кто есть кто... Да и, честно говоря, определить это было трудно: певучие голоса, подогретые темпераменты, активная жестикуляция, ироничность, общительность — эти общие качества группировали всех обитателей нашего двора в единую национальность — одесситы. А жили там, кроме русских и украинцев, молдаване, евреи, армяне, турки, болгары... Но это я узнал уже через много лет, после тех событий, которые потрясли и всколыхнули наш двор, когда вдруг все стали активно интересоваться, у кого что записано в пятой графе паспорта...

Прошло несколько лет. За эти годы Леша опять вырос: встал на протезы и довольно быстро научил-

Рисунок  
Левона  
ХАЧАТРЯНА



ся ходить — сказала цирковая закуска. У него теперь была своя будка на углу улицы, он уходил туда с утра, весь день стучал молотком, а к вечеру возвращался, частенько пошатываясь.

— Зачем ты пьешь?! — чиховстила его теща — Марина, неси секач — сейчас будет кровь на стенах! Леша слушал ее и улыбался, не выражая ни страха, ни раскаяния.

Тэза знала, почему он стал попивать: напротив его будки установили большой щит цирковой рекламы, на котором залестрели яркие афиши. Знала, но не подавала виду, что знает, и тоже боролась с его слабостью.

— Если не перестанешь пить, я уйду от тебя.

— Если будешь уходить, возьми меня с собой, — отвечал Леша, погружая ладонь в ее уже начинающую сесть, но по-прежнему пышную гриву.

— Показательные молодожены! — дразнил их Лешин брат Жора.

Жора работал в торговле. Всю жизнь занимался какими-то махинациями, постоянно находился под следствием, сидел в тюрьме, выходил и снова заводил каким-либо магазином или столовой.

— Ты же когда-нибудь сядешь навсегда, — урезонивал его Леша. — Неужели не можешь жить честно?

— Не могу — мне нужно много денег.

— Зачем?

— На черный день.

— Ты собираешься жениться на негритянке?

Вопрос был не случаен: Жора обожал жениться, устраивал пышные свадьбы, праздновал рождение каждого очередного ребенка, затем разочаровывался, разводился, снова влюблялся и снова гудел на свадьбе. Подосланные мамами табуны его детей толпились под его окном, требуя алиментов. Скрываться от них Жоре удавалось только в тюрьме.

Перед каждой новой женитьбой Жора срочно приводил в порядок свою вставную челюсть, как будто собирался кусать новобрачную. Он бегал к стоматологу Невинных и требовал, чтобы тот «подравнил» ему зубы. Невинных втыкал Жоре в рот сверло своей портативной бормашины и с грохотом орудовал там, как отбойным молотком в штреке. Увлечшись, он стачивал остатки Жориных зубов и поспешно мастерил новую челюсть, беря дополнительную плату за срочность.

Жора стеснялся своих вставных зубов и в первую брачную ночь, ложась в постель и гася ночник, незаметно вынимал челюсть изо рта и прятал ее в свою туфлю. Однажды он перепутал — положил челюсть в туфлю новобрачной. Встав первой, та ее надела, и челюсть впиалась ей в ногу. Жена забила в истерику, дрыгая ногой, пыталась стряхнуть зубы. Это выглядело так неэстетично, что Жора с ней немедленно развелся.

Жорина семейная жизнь состояла из вечных медовых месяцев, поэтому он был худым и синим, как петух-профессионал. Он любил толстых женщин. Каждая его последующая любовь перевешивала предыдущую килограммов на десять. Сейчас, опять будучи в разводе, он ухаживал за дамой из соседнего подъезда. Его новая пассия была солисткой филармонии — Мэри Алая. Ее амплуа — «латино-армянские» песни, которые она исполняла на каком-то жутком южном языке, страстно покусывая микрофон. Вклад Мэри Алой в эстрадное искусство был очень весом: намного больше центнера. Мэри постоянно сидела на какой-нибудь особой диете, отчего еще больше толстела.

— Это удивительная женщина, — млел от восторга Жора. — Ничего не ест, а поправляется.

— Пусть срочно передаст свой опыт нашим животноводам, — с самым серьезным видом советовал Леша.

Жора погибал от страсти, но женитьба откладывалась: певица жила в одной комнате с папой и мамой, к ней перейти он не мог, а в его комнатухе она не помещалась.

— Найти бы Мариночке жениха с жилплощадью, тогда Леша и Тэза перешли бы в мою комнату, а мы с Мэриной жили бы в проходной, — строил маниловские планы Жора.

Но выдать Марину замуж было не так-то просто. Нескладная, угловатая, она не очень притягивала к себе мужские взгляды. В довершение всего у Марины был вечный, непроходящий насморк. Ей вырезали и гланды, и аденоиды, но она все равно гундосила, будто в каждую ноздрю ей забили по пробке. Леша настоял, чтобы дочку учили музыке — что это за одесский ребенок без скрипки! Но у Марины не было ни слуха, ни голоса, поэтому в музшколу ее ни за что не принимали. С большим трудом, за большие деньги удалось уговорить соседа Грабовского давать частные уроки. Грабовский играл в оркестре театра оперетты, откуда его периодически выгоняли за пьянство... Он был поляк, поэтому во дворе его величали «мусью». После первого же занятия с Мариной этот отчаянный шляхтич немедленно ринулся в запой.

Будет неправдой утверждать, что Марина не имела никаких талантов — у нее была одна, но пламен-

ная страсть: она обожала стирать. Стирала все, что попадало под руку: трусы, платья, костюмы, фуражки. Однажды под Новый год постирала свое зимнее пальто, которое сохло весь январь. Потом она прокипятила Тэзину сумку с деньгами, полученными за проданные билеты. Тэза весь день сушила рубли, пятерки и десятки, разглаживая их утюгом. Но поскольку Марина добавила в кипяток синьку, купюры приобрели цвет утопленников. С тех пор Тэза, ложась спать, прятала все свои вещи под подушку, иначе Марина их находила и стирала. И еще она любила выметать из комнаты мусор, а поскольку мусором считала все, что не было заперто от нее, то выметала и выбрасывала расчески, тапочки, футляры от очков.

Чтобы дать выход своей очистительной энергии, Марина по воскресеньям делала обход всех одиноких старичков и старушек. И там уже, на радость хозяевам, отводила душу: стирала, драила, кипятила... Она была заботливой девочкой, и соседи ее любили.

Леша обожал свое единственное дитя, она ему платила взаимностью: часами просиживала у него в будке, чистила отремонтированную обувь, наводя на нее марафет... По вечерам они вместе кормили бродячих собак, которых Марина таскала в дом, и расчесывали им свалявшуюся шерсть.

В нашем доме обожали животных. В каждой квартире жила или собака, или кошка, или канарейка. По утрам дети выносили во двор черепах, хомячков, морских свинок, чтобы они погрелись на солнышке.

Все бездомные собаки находили в нашем доме пристанище, все беременные кошки города считали наш двор своим родильным домом. Кошки рожали по два-три раза в год, размножались с космической скоростью, и через несколько лет пришлось регулировать их рождаемость: новорожденных котят топили, оставляя кошке маме одного котенка для утешения. Топила Галка-дебилка, уборщица из соседнего двора, которая брала «рупь за утоп». Ее презирали, но платили, потому что найти другого «утописта» не удавалось. По субботам Галка еще подрабатывала: ходила обмывать покойников. Соседки, опасаясь, что она «притащит какую-нибудь заразу», собирались этому воспрепятствовать, но Моряк их остановил:

— Скажите спасибо, что она еще не берет эту работу на дом!

Уже много лет во дворе жила добрая и умная дворняга Булочка, для которой в углу двора положили пласт войлока и соорудили над ним маленький навесик. Там же стояли две миски — персональная посуда Булочки. Ежедневно соседи подливали в эти миски молоко, подкладывали еду, подбрасывали лакомства. У Булочки был постоянный приходящий муж из соседнего двора — пес Шмурдяк. Супруги жили в согласии, никогда не облаивали друг друга, вместе гуляли, вместе выхаживали свое потомство. Булочка была серебристо-бежевого цвета, Шмурдяк — жгучий брюнет. Дети у них получались двухцветно-контрастными, в пятнах или в полоску, и их охотно разбирали жители нашей улицы. Существовал даже специальный список: кому — когда.

Однажды Булочка не могла разродиться, во дворе переживали, сочувствовали, но не знали, как помочь. По поручению соседей баба Маня побежала к профессору-гинекологу Глинкину, который жил напротив нашего дома. Был уже поздний вечер, недовольный Глинкин вышел в пижамах со стаканом чая в руке.

— Она так мучается! — взмолилась баба Маня. — Помогите ей родить!

— Я не акушер, — раздраженно ответил Глинкин. — И потом вы же видите: я пью чай.

— Профессор, вы уже ничего не пьете! — сказала баба Маня и всунула два своих пальца ему в стакан. Возмущенный этой наглостью, Глинкин закричал: — Убейтесь вы! Я никуда не пойду!

— Если вы не пойдете, я сейчас тут лягу и буду лежать всю жизнь, — спокойно сообщила Маня и начала медленно сгибать колени.

Перспектива всю жизнь видеть в своей передней лежащую бабу Маню потрясла Глинкина, и он согласился. Роды прошли благополучно, и щенки так понравились профессору, что он потребовал и себе одного.

Леша спешил дать дочери какую-нибудь профессию, мечтал поскорее выдать ее замуж. Все удивлялись, почему он так торопится, ведь Марина только что окончила школу.

— Пусть девочка попасется на травке — еще успеет запрячься в ярмо! — ворчала баба Маня.

Но Леша торопился не зря.

Однажды прибежал протрезвевший от испуга мусью Грабовский с криком:

— Там, в будке... ваш Леша онемел!

Тэза выронила из рук стакан и бросилась на улицу. Босая, полуодетая, она летела впереди своих волос, как большая, сильная птица на помощь своему птенцу. Но помочь ему уже было нельзя. Как потом выяснилось, все эти годы Леша жил с осколком

в голове. Врачи не решались на операцию, предвидя смертельный исход. Да и Леша отказался: «Сколько суждено, столько суждено». Каждый год его вызывали в военкомат на комиссию, делали рентген, следили за продвижением осколка.

— Чего они тебя дергают? — удивлялась Тэза.

— Проверяют, не выросли ли у меня ноги, — отшучивался Леша, в уме подсчитывая оставшиеся дни и спешил, спешил «пристроить» свою единственную дочь. Сейчас произошло то, что должно было произойти: осколок перерезал какой-то важный сосуд; случилось что-то вроде инсульта. Лешу парализовало, и он потерял речь.

— Остались считанные дни, — предупредил врач.

Об этом знал весь двор. Леша сидел в кресле у окна, на том же месте, где когда-то сапожничал, а у подоконника, как и тогда, толпились соседи, курили, шутили, развлекались. Только теперь вместо рваной обуви каждый приносил какое-нибудь лакомство и оставлял на подоконнике: дыню, персики, вареного цыпленка, фаршированную рыбу... Лешино окно напоминало витрину богатого гастронома с широким ассортиментом продуктов.

По вечерам, когда они оставались одни, Тэза садилась у его ног, клала ему голову на колени, брала его безжизненную ладонь и погружала в свои волосы. Так они подолгу сидели, молча прощаясь, и на Лешинем лице появлялось какое-то подобие счастливой улыбки.

— Вам не кажется, что он что-то хочет, а мы не понимаем? — тревожился Жора.

Баба Маня уже не парила ноги на тротуаре, — она часами дежурила возле Лешы и ежесекундно вливали в него «витамины», по-своему трактуя его невысказанные желания.

— Я знаю, чего он хочет, — сказала Тэза.

В шесть вечера к дому подъехала такси. Умытого и нарядного Лешу усадили в машину. Кроме Тэзы, с ним поехали Жора и Моряк, чтобы транспортировать его обратно.

Они подкатили к нарядно освещенному зданию цирка, где сегодня должна была состояться премьера нового представления. В нем участвовали известные цирковые артисты, которые начинали вместе с Лешей, хорошо знали и помнили его. Тэза предупредила и их, и дирекцию — Лешу уже ждали. Два униформиста вынесли ему стул, и на этом стуле Лешу внесли и усадили в первом ряду, а для его спутников были забронированы места рядом. Перед началом пролога шпехштаймейстер, торжественный и важный, как министр иностранных дел, объявил:

— Это представление его участники посвящают своему коллеге и другу, великолепному артисту цирка Алексею Москалеву, который сейчас находится здесь!

Зрители аплодировали, оркестр грянул марш, и на манеж высыпали акробаты, жонглеры, иллюзионисты... Началось традиционное шари-вари, артисты протанцовывали мимо Лешы, приветствовали его и исполняли фрагменты из своих номеров. Леша сидел, как на трибуне, и принимал этот яркий и красочный парад. Он не улыбался — улыбаться он уже не мог, — но из глаз его катились счастливые и благодарные слезы, первые слезы, которые Тэза увидела на щеках своего мужа.

Через два дня Леша умер.

Гроб стоял на столе. Леша лежал, накрытый простыней, опять укороченный, как подросток, как будто вернулся в детство. Баба Маня остановила все часы, звон прекратился, в квартире стало непривычно тихо. Пахло «Шипром»: Леша любил этот одеколон, всегда душился им, поэтому Тэза влила ему в гроб содержимое оставшегося флакона — запах «Шипра» стал запахом смерти. Соседи входили на носках, клали цветы у гроба, женщины всхлипывали, мужчины сжимали зубы, в углу тихо плакал Жора.

— Ой, Лешенька! Ой, зятчик!.. — стонала баба Маня.

Только Тэза была спокойной. Она стояла у изголовья, одной рукой обнимая рыдающую Марину, другой держась за гроб, молча, с сухими глазами, только поседевшие за эту ночь волосы вдруг утратили свою непокорность и безжизненно повисли над гробом белым флагом капитуляции...

Лешу похоронили на старом кладбище рядом с Тэзиным отцом — баба Маня «уступила» ему свое место. Над разрытой могилой Мэри Алая спела любимую песню Лешы:

— Эх, загулял, загулял, загулял

Парень молодой, молодой...

Моряк выстрелил из старой фронтовой ракетницы, — ракета взлетела, рассыпалась и растворилась в необъятном пространстве, как Лешина короткая жизнь.

Неделю после похорон Тэза не работала: с утра уезжала на кладбище, проводила там весь день и только поздно вечером возвращалась. Видели, как она сидит на скамеечке у Лешиней могилы и говорит, говорит, даже жестикулирует, беседуя с безответным мужем...



В один из дней нынешнего лета работников сберкассы Федоровского района Кустанайской области охватила легкая паника. Неожиданно один за другим вкладчики стали снимать свои вклады, причем крупные — по три, пять и даже десять тысяч рублей. Наличие в кассе быстро иссякла, заволновался банк: что происходит? Между тем желающих снять со счета свои деньги не убавлялось, и тут заметили некую странную закономерность. Все, кто требовал в тот день вернуть сбережения (на вполне законных, разумеется, основаниях), были из одного и того же колхоза «Путь к коммунизму», самого передового в районе. На личных вкладах колхозников этого хозяйства хранилось шесть миллионов рублей. Неужели так сразу заберут эти миллионы? И на что они их так срочно собираются тратить?

# АКЦИИ



Юрий ЛУШИН Фото Анатолия БОЧИНИНА

**Р**езонные возникали вопросы. Дело, впрочем, сугубо личное: как спросишь? Спросили, шутя, доярку Надежду Захаровну Малайчук, известную не только в районе, но и в области (она как раз снимала со своего счета шесть тысяч рублей):

— Должно быть, в ваш колхоз дефицит какой-то завезли?

— Может, и дефицит, — ответила она, — а деньги свои мы будем на акции менять, вернее, покупать будем акции.

— Зачем?

— Как это зачем? — растолковала доярка тоном бывалого биржевого маклера. — Дивиденды с акций будем получать.

— И что же, на все шесть тысяч эти самые акции?

— На все...

Да, дела. И слова какие-то не наши, не колхозно-крестьянские — дивиденды, акции, и вообще дело темное. Не пора ли спасать устои социализма?

На всякий случай выдачу денег временно приостановили, доложив районному начальству. Однако начальство повело себя тоже довольно странно. Во-первых, оно уже было в курсе необычного дела, начинавшегося в колхозе «Путь к коммунизму». Во-вторых, оно (не все, но кое-кто) тоже выразило желание обзавестись колхозными акциями, на что, впрочем, правление колхоза возразило, поскольку держателями акций могли быть по принятому уставу только члены колхоза (вступайте в кол-

хоз, предложили им, но ответа до сих пор не получили). Вот так стало известно, что в Банновке (центральной усадьбе колхоза) организовалось акционерное общество. Надо ли говорить, что такое известие не успокоило общественность, а скорее, наоборот, разогрело любопытство.

Известный конкурент Всесоюзного радио — станция ОБС (Одна Бабка Сказала) вдруг передала, что акционерам вообще можно не работать: сдал деньги, получил эти самые акции и считай себе дивиденды, то бишь доходы. Но это сколько же нужно сдать, чтобы... И чесали затылки крестьяне, обдумывали основательно, не торопясь, вдруг открывшиеся неведомые перспективы, подсчитывали свои финансы на сберегательных книжках, да и в потайных чулках наличность тоже, и... не спешили вступать в акционеры. То ли отпугивала их необыкновенная легкость получения даровых денег, то ли очень уж много было в их жизни разных новшеств, на поверку оказавшихся потом мыльными пузырями...

Я приехал в колхоз «Путь к коммунизму», когда в общество акционеров вступал девятый его член (из многих, многих сотен работающих), — председатель колхоза Анатолий Александрович Габун. Честно говоря, я был разочарован таким оборотом дела, однако сам Габун был полон оптимизма.

— Конечно, нас пока мало, — говорил он, — но колхозное акционерное общество делает первые шаги.

Очень многие обещали вступить в него, как только спадет немного на-

кал работ в полях. Другие пока выжидают, колеблются...

— Не потому ли вы решили агитировать личным примером? Кстати, каков ваш пай?

— Согласитесь, было бы странным, если бы председатель агитировал только словами. Поэтому я купил акций на две тысячи рублей.

— Расскажите о главной цели акционерного общества, — попросил я.

— Это непростой вопрос, — неожиданно задумался Габун. — Многие годы я размышляю над тем, как возратить человека к земле. Что предпринять, чтобы он болел за общее дело душой, как за свое? Ввели арендный подряд — дисциплина, производительность труда поднялись. Сейчас арендаторы все считают (затраты на механизмы, горючее, удобрения и т. д.), но, чего греха таить, так частенько норовят сосчитать, чтобы вся выгода им досталась, а колхоз при случае не прочь и обжечь. Я сильно надеюсь, что акционерное общество как-то порушит такую психологию. Ведь доходы (дивиденды) по акциям полностью зависят от рентабельности всего колхоза, значит, каждому акционеру выгодно радеть за общее дело, за успехи товарища... Это, если хотите, философская сторона вопроса. С другой, сугубо деловой стороны, выгода очевидна. Мы ведь с помощью акций пускаем в оборот деньги, лежавшие доселе мертвым грузом, без всякой пользы. Например, капитал первых акционеров составил около сорока тысяч рублей, которые тут же пошли на покупку и строительство шести жилых домов

с комплексом хозяйственных пристроек (коровник, гараж, склад, погреб и т. д.)...

— Дома для членов акционерного общества?

— Нет, совсем не обязательно. Другие акционеры, а они непременно вскоре появятся, помогут нам построить стадион, кулинарный магазин, хорошие асфальтовые дороги и т. п.

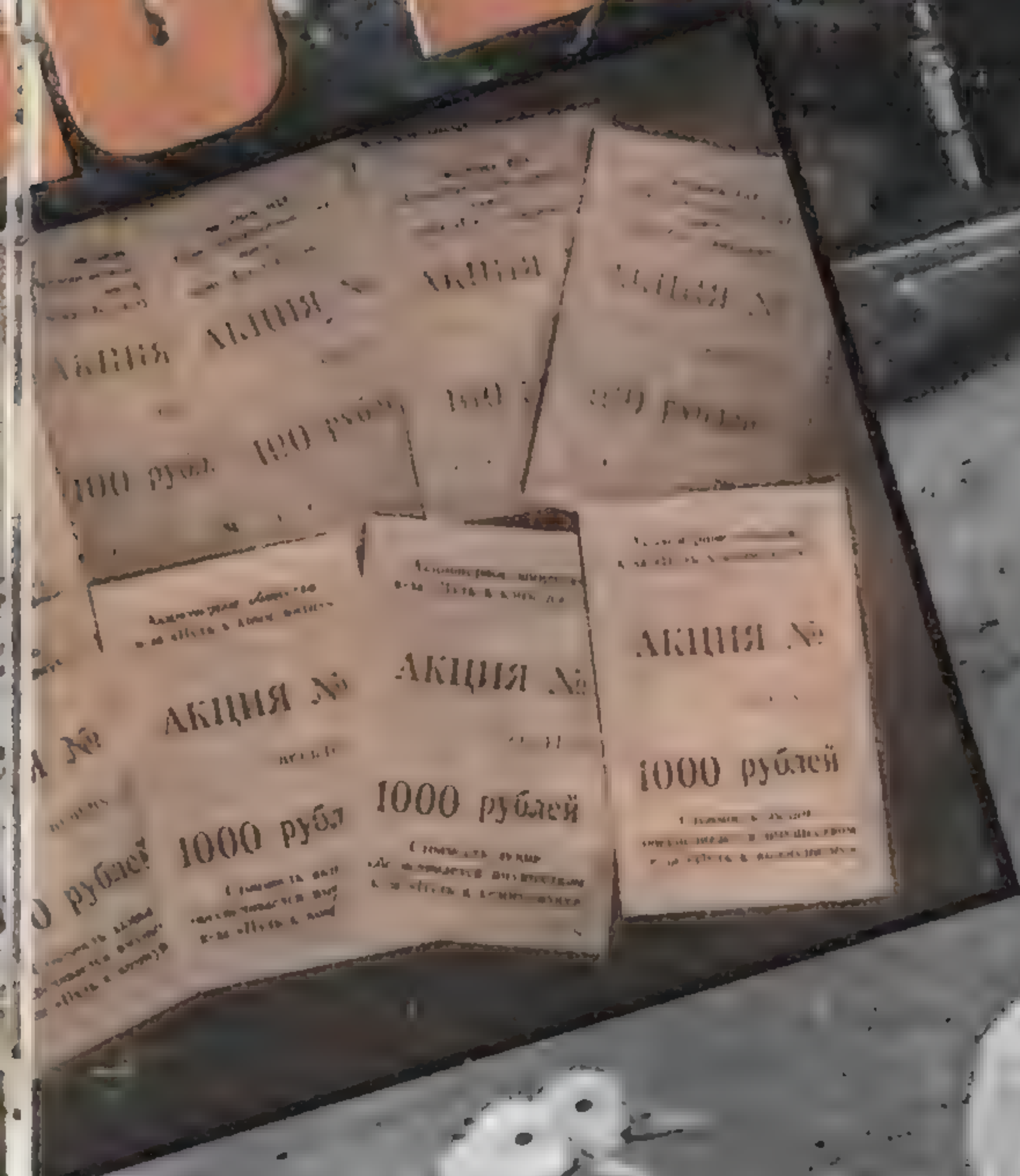
— Сами они, кстати, тоже не останутся внакладе, — добавил главный бухгалтер колхоза Семен Васильевич Нечитайло (тоже владелец акций на две тысячи рублей), — колхоз обязался выплачивать по акциям три процента годовых (напомню: сберкасса начисляет два и только по срочным вкладам три процента). Но это минимум, который установлен при достижении колхозом плановой рентабельности в сорок процентов. А у нас в разные годы рентабельность достигала и семидесяти, и более восьмидесяти процентов, значит, дивиденды по акциям тоже могут возрасти до семи, восьми и более процентов. Если перевести их в деньги, то получится, что владелец акций на десять тысяч рублей получит не триста, а семьсот, восемьсот рублей. Выгодно?

Выгодно-то выгодно, размышлял я, кто же откажется от сотен рублей? Только ведь это игра, хорошо и давно известная там, «за кордоном». Игра, которая может привести не только к успеху, но и к банкротству. Нынешняя весна, например, дарила радужные надежды на щедрый урожай, но июньская жестокая засуха их похоронила. Что соберут колхозники с 24 тысяч гектаров



# НЕРЫ З БАНКОВСКИ

ПЕРЕСТРОЙКА:  
ПРОВЕРКА ДЕЛОМ



зерновых? Хватило бы на фураж да на семена — и то хорошо. А что станет с колхозными акционерами, если хозяйство окончит год с убытками? Не станут ли они банкротами? Нет, оказывается, не станут и в любом случае свои три процента годовых (минимальные) получат. Впрочем, «Путь к коммунизму» ни разу не был убыточным, даже в неурожайные годы (а они случались неоднократно), рентабельность ему обеспечивало хорошо поставленное животноводство с прочной кормовой базой.

Стало быть, никакого риска, тем более, что принятый устав разрешает любому акционеру в любой момент обме-

нять акции на деньги. Почему же так быстро кончился ажиотаж у сберкасс? Держу в руках плотные бумажные прямоугольники зеленого, розового, голубого и желтого цветов — акции с номиналом в 50, 100, 500 и 1000 рублей. Их выпущено уже на два миллиона рублей, но продано пока, помните? Только на сорок тысяч. В чем же дело, почему при явной и всеобщей выгоде колхозники не записываются косяками в акционеры? Ответ на этот вопрос я найти так и не сумел. Председатель колхоза Анатолий Александрович Габун уверен, что к Новому году все акции непременно раскупят и придется выпускать новую партию. Разумеется, он своих сограждан знает гораздо лучше меня. Так что подождем новостей из колхоза.





# ГОСЗАКАЗ ИЛИ ПРИКАЗ?

ВПЕРВЫЕ  
ПОЯВИВШИСЬ, ГОСЗАКАЗ  
ВЫЗВАЛ СНАЧАЛА  
НЕДОУМЕННОЕ МОЛЧАНИЕ.  
ЗАТЕМ СТАЛИ РАЗДАВАТЬСЯ ГОЛОСА,  
ЧТО ЭТО НЕ ЗАКАЗ, А ПРИКАЗ.  
ЗА НЕКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ ДО ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ  
ШКВАЛ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСЗАКАЗА  
ДОСТИГ АПОГЕЯ, А НЕЗАДОЛГО ДО  
ЕЕ НАЧАЛА НАКАЛ СНИК,  
И НЕ СЛУЧАЙНО.



Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Павел БУНИЧ,  
член-корреспондент АН СССР

## И ПРОДАВЕЦ, И ПОКУПАТЕЛЬ

**К**аждый хозяйственник одновременно имел два лица: покупателя и продавца. Как продавец, он хотел свободно продавать. И выступал против связывающего его госзаказа. Однако вскоре хозяйственник понял, что нечего продавать, если негде купить сырье, материалы и пр. И он стеной встал за стопроцентный госзаказ, который при отсутствии рынка средств производства хоть как-то питает заводы и фабрики. Опасность лишиться снабжения пугает больше, чем лишение самостоятельности. Этот абсурдный феномен порождается также консерватизмом, нежеланием и неумением руководителей «игрушечного дела» искать сырье и заботиться о сбыте. Но легион таких руководителей составляют мечтающие о творчестве, более или менее запрограммированные советские Путиловы, которые, будем надеяться, и скажут решающее слово.

Есть и еще причина, ослабляющая интерес хозяйственников к критике госзаказа. Коль скоро он механически заменил прежнее госзадание, а поощрение предприятий подстроено под него, то от того, спустили им заказ или нет, ничего в их положении не меняется.

Роль подгоняющих всех под одну гребенку выполняют индивидуальные нормативы распределения доходов предприятий, которые, независимо от величины госзаказа, оставляют всем коллективам столько средств, сколько решено сверху. У лучших ресурсы отнимают, а находящимся на содержании общества добавляют. Доходит до того, что появляются извечные «государственные младенцы», чьи затраты превосходят результаты. Чем больше они работают, тем сильнее беднеет общество. Но без зарплаты никто не остается, фонды стимулирования те же, капитальные вложения выделяются по-старому. Подневольный труд не ведет к хорошим результатам. Перед родиной в вечном долгу. Хорошо еще, что социализм — это учет. Нечего собирать — собирайте собрания.

На партконференции госзаказы снова подвергались критике. В печати говорилось о нескольких вариантах их совершенствования, которые последовательно обсуждались и отклонялись Совмином. Наконец, появилось «Временное положение о порядке формирования госзаказов на 1989 и 1990 годы».

Новый госзаказ сделал шаг вперед по сравнению с прежним. Более конкретной стала его сфера: революционные сдвиги в научно-техническом прогрессе, внешние поставки по межправительственным соглашениям, поставки в госрезервы, предоставление льгот производителям товаров, продаваемых по социально низким ценам, снабжение оборонного сектора и т. д. Видимо, эта избирательность несколько умерит

прежнюю всезахватность госзаказа, приведет к тому, что у предприятий появится хоть какая-то свобода. Записано также, что госзаказ обеспечивается лимитами важнейших материально-технических ресурсов, строительно-монтажных и подрядных работ (свежо предание), сбытом (поживем — увидим). Вот что можно и должно сказать в пользу нового госзаказа. Для большего оптимизма вряд ли есть основания. Поэтому представляется сомнительной его оценка как кардинального, принципиально нового подхода, которую дает заместитель председателя Госплана СССР Л. Б. Вид («Экономическая газета», 1988, № 36). Шум по поводу нынешнего госзаказа подобен ятрогении — ущербу пациенту неосторожным словом врача, когда пациент — экономика, а врач — экономист. Захваливание госзаказа закрывает вопрос о нем как о бы решенный или предпринятый. Между тем надо, наоборот, ориентировать общественность на незамедлительную дискуссию относительно его перспективной концепции, на поиск адекватных ей практических подходов, чтобы во всеоружии войти в новую пятилетку и своевременно пройти действительно решающую фазу становления нового механизма централизованного регулирования экономики. Восторги по поводу госзаказа не отвечают даже названию положения, именуемого Временным, из-за того, что принято оно, видимо, без восторга, не от хорошей жизни, как компромисс, полумера, иначе оговорка о временности оказалась бы ненужной.

Дискуссия о госзаказе началась. Прозвучали немногие беспокойные голоса. Больше по частным вопросам. Похоже, что мы в той же ситуации, что была непосредственно перед партконференцией. Худо с позитивными рекомендациями, без которых критические, разрушительные силы не превращаются в производительные, обстановка накаляется, а что делать — неизвестно.

## СОСТОЯЛСЯ ЛИ ПРОРЫВ?

Обратимся к формулировкам сферы госзаказа. Среди них доминирует такая, как удовлетворение первоочередных потребностей общества. Эта формулировка довольно аморфна, широка, может охватить все, что угодно. Главное же в том, что социалистическое общество якобы не способно удовлетворять свои насущные нужды без внешнего давления на предприятия, что трудовые коллективы сами по себе не в состоянии чувствовать приоритеты и откликаться на них. Твердая уверенность в том, что без госзаказа не прожить, уходит корнями в командные методы, в слепую веру, будто только сверху видно все, а снизу — слепые, глухие и нечестные трудовые коллективы. Надежной видится лишь система предписаний, огромных центростремительных аккумуляций, общесоюзных фондов — сельскохозяйственной продукции, строительных материалов... Во многих странах разверстка и фонды отсутствуют, а товары присутствуют. Значит, существуют более эффективные механизмы производства и реализации



продукции, чем централизованные качки и перекачки.

Пройдемся по отдельным «полочкам» госзаказа, охватывающего всю добычу нефти. Сразу возникает вопрос — зачем принуждать производить всю нефть? Не надежнее ли заказывать нефть тогда, когда она нужна государству, а производителям невыгодна? А если невыгодна, то не пересмотреть ли цены? Пусть не сегодня, а завтра. Но надо объяснить людям, что, когда цены любых изделий будут достаточно стимулировать их производителей на хорошую работу, тогда они возьмут на себя роль «автопилота», а госзаказ резко «похудеет». В станкостроении госзаказ определяет около 15 процентов программы отрасли, в приборостроении — примерно 41 процент, в автомобильной промышленности — 21 процент. По энергетическому, подъемно-транспортному, полиграфическому машиностроению удельный вес госзаказа от 1 до 40 процентов. Такая пестрота больше отражает перетягивание каната между министерствами-заказчиками и производителями, Госпланом и Госснабом, чем четкие научные критерии. Особенно велик госзаказ на прод- и промтовары для народа, где, казалось бы, доля этого заказа должна быть минимальной. Госзаказ охватывает все производство сахара, растительного масла, муки, крупы, макаронных изделий, чая, пушины, картофеля, овощей, бахчевых, плодов, ягод, цитрусовых, комбикормов, сена, хлопка-волокна, льноволокна, шерсти, кожсырья. По Минлепрому он определяет выпуск товаров для детей, молодежи и лиц старшего возраста. Кто же остался вне влияния госзаказа? Только люди среднего возраста. В отраслях, выпускающих товары для народа помимо Минлепрома, госзаказ полностью охватывает сферу производства цветных телевизоров, стиральных машин, холодильников, мебели, электропылесосов, обоев, 80 процентов часов разных видов. Зато вне его влияния находятся легковые автомобили ВАЗа. Одновременно предприятия Минсельхозмаша, выпускающие малогабаритные тракторы и слесарно-механический инструмент для населения, получают госзаказ на 75—95 процентов своей общей программы. Количество бумаги для книг, журналов не планируется госзаказом, для газет же — планируется. Полностью охвачены госзаказом бытовые услуги: пошив и ремонт обуви, одежды, прачечные, бани... Госзаказ определяет весь товарооборот. Капитальное и жилищное строительство в 1989 году будет иметь госзаказ на 90 процентов мощности, в 1990 году — на 85 процентов. Госзаказ охватывает основные виды цементной, асбестовой промышленности, технического стекла. Доля госзаказа МПС — 60 процентов отпавлений грузов, по пассажирским перевозкам, гражданской авиации — 100 процентов, по автомобильному, речному и трубопроводному транспорту — 0. Министерству связи СССР госзаказ определяет прирост основных телефонов аппаратов (оказывается, бывают и не основные), по Министерству лесного хозяйства СССР — объем важнейших работ.

Создается впечатление, что меньше значения госзаказам придадут там, где есть другие рычаги добиться того же результата, но с небольшой разницей — без предоставления коллективам гарантий снабжения. Без заказа — формально, без обеспечения же — реально. Вот так улучшили состояние предприятий новым Положением! В разных отраслях набор скрытых форм давления на коллективы имеет неодинаковую силу, большее или меньшее удельное значение. Поэтому порой все надежды возлагают на госзаказ, кое-где на его эквиваленты под иными названиями. Что же это за рычаги?

Первый — это зависимое положение поставщиков, которые не могут отказать заказчикам в пределах своей специализации, особенно если хозяйственные связи с потребителями действуют

не менее двух лет. Так, одним госзаказом конечному производителю, выступающему заказчиком для предыдущих звеньев и поставщиков комплектующих изделий, можно связать руки десяткам предприятий. Это не отвечает равенству партнерских отношений. Если поставщик может улучшить продукцию, в которой нуждается новый потребитель, то действующая практика тянет к старому.

Второй рычаг — «давление» на предприятия контрольных цифр. По идее они индикативны, факультативны, являются информацией для размышления. Но министерства, по-прежнему отвечающие за отрасль в целом, навязывают эти цифры предприятиям, чтобы выйти на отраслевые задания. Закон о госпредприятии содержит для этого все необходимое и достаточное, ибо в нем говорится, что предприятия должны руководствоваться контрольными цифрами. Временное положение о порядке формирования госзаказов на 1989 и 1990 годы сделало послабление — контрольные цифры переведены в разряд ориентирующих. Но вот недавно опубликовали «Основные методические положения об аренде госпредприятий». В них говорится, что эти предприятия должны *руководствоваться* (курсив мой.— П. Б.) контрольными цифрами. Если позволительно столь сурово обращаться с самими «вольными» коллективами, то каково остальным?

И, наконец, привожу цитату из «Временного положения о госзаказе», которая длинна и скучна, хуже не придумаешь: «Вопросы, возникающие в ходе регулирования материально-технического обеспечения народного хозяйства по продукции, не включаемой в госзаказы, рассматриваются и решаются (курсив мой.— П. Б.): по продукции внутриминистерского потребления — соответствующими министерствами и ведомствами; по продукции, выпускаемой и используемой внутри народнохозяйственных комплексов, — соответствующими комплексами Госплана СССР, Госснаба СССР, ГКНТ СССР, а также постоянными органами Совета Министров СССР, Госстроения СССР и Госагропрома СССР; по продукции межкомплексного применения — соответствующими министерствами, ведомствами СССР, Советами Министров союзных республик, постоянными органами Совета Министров СССР совместно с Госпланом СССР и Госснабом СССР».

Изложим эту позицию короче и понятнее. Все, что не вошло в госзаказы, входит в компетенцию вышестоящих органов. Предприятия полностью лишаются права самостоятельно распоряжаться своей продукцией, а также связей с партнерами. Закона о госпредприятии, где говорится, что коллективы сами составляют свои планы, вроде бы и не существует. Часть этих планов «задают» госзаказы, часть — вышестоящие инстанции.

Почти везде суверенные права предприятий узурпируются не столько министерствами и ведомствами, сколько Госпланом СССР. Первым рассматривающим и решающим звеном по продукции внутрикомплексного производства и использования названы комплексы Госплана СССР, по продукции межотраслевого применения — тоже последнее слово за Госпланом СССР. И это якобы не госзаказ!

Иногда госзаказ выдается помимо Госплана. К примеру, Госагропрому СССР разрешено в виде исключения (по согласованию с Госпланом СССР) формировать госзаказы на продукцию сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности этого комплекса. Советы Министров союзных республик через республиканские министерства и ведомства также устанавливают госзаказы предприятиям республиканского хозяйства. Поэтому утверждение, что госзаказы формируются Госпланом СССР, недостаточно верное.

Из того же механизма обкрадывания прав предприятий следующая формулировка: «Возникающие между обще-

строительными и специализированными организациями министерств, входящих в состав строительного комплекса, разногласия по вопросам выполнения работ на этих объектах (входящих в госзаказы строителей) рассматриваются и *решаются* (курсив мой.— П. Б.) соответствующими министерствами и Госстроем СССР, а строительных министерств и ведомств, не входящих в строительный комплекс, — Госпланом СССР». Нравится это предприятиям или нет, выгодно им или убыточно — значения не имеет. Решено сверху, и все тут. Повинуйтесь, не рассуждая. Или рассуждайте, но повинуйтесь. Непросвещенная монархия заменена просвещенной.

Если к госзаказам Госплана добавить госзаказы Госагропрома, Советов Министров союзных республик, такие же заказы, только без приставки «гос», выдаваемые Госпланом, Госснабом, ГКНТ, министерствами и т. д., принудительный, априорно заданный характер прямых связей, прессинг контрольных цифр, то много ли остается определять самим предприятиям? Поэтому вряд ли можно считать убедительной информацию о том, что количество показателей на поставку продукции в виде госзаказа сокращено на будущий год в 6 раз («Экономическая газета», 1988, № 36, с. 4). Помимо того, что здесь учтен лишь формальный госзаказ Госплана СССР, эта цифра уводит от другой, более важной: объема госзаказа, который при малом числе позиций (укрупненных, агрегированных) может даже быть большим, чем при широкой номенклатуре изделий. Несколько ближе к жизни и дальше от пропаганды утверждение, что объем госзаказа за предстоящие два года снизится в 2—3 раза. Столь растянутая амплитуда предполагаемого уменьшения его доли не свойственна, однако, нашему «железному» Госплану, выступающему обычно с однозначными, а не расплывчатыми проектировками. В этом, возможно, сказалась недостаточная проработка вопроса о госзаказе с его стороны.

Госзаказы по поручению Госплана раздаются предприятиям министерствами-производителями. А почему не министерствами-заказчиками? Они делали бы эту работу заинтересованнее, экономичнее, вводили бы прямые, оперативные связи между заказчиками и подрядчиками.

#### АРХИМЕДОВ РЫЧАГ

Что же лежит в основе старых подходов к госзаказу, как «отойти от зла и сотворить благо»? Все зависит от хозрасчета, он — архимедов рычаг. Сделаем хозрасчет действенным, полным — коллективы без понукания чрезмерно большим госзаказом совершат максимум возможного. Зная, что благополучие зависит от труда, они не занижат планы. Наоборот, будут искать спрос, гоняться за каждым рублем покупателей. Это в современной экономике достижимо только при заблаговременном самообеспечении производителей сырьем, оборудованием и т. д., то есть при наличии договоров с поставщиками, иначе говоря — при напряженном плане.

Сейчас в госсекторе почти исключительно применяются две модели хозрасчета. Обе сохраняют индивидуальные нормативы распределения доходов и оставляют нас равнодушными к работе, инертными, вялыми. Все получают мало, но одинаково и гарантированно. Такая равноценность применяемых моделей ставит предприятие в положение буриданова осла, пребывающего в поиске между двумя одинаковыми решениями, с той разницей, что осла приходилось выбирать между двумя охапками сена, а предприятию — одно из двух зол.

В отличие от госсектора работники кооперации зарабатывают намного больше, хотя и не гарантированно. Уговаривать их трудиться, естественно, не приходится. Как бы перенести такое

отношение к труду на госсектор? Нашли выход — безнормативная модель хозрасчета. Здесь (за вычетом налогов обществу) доход целиком делит коллектив. Заработки не по прошлому году, как в госсекторе, а по настоящему, как в кооперативах. Средняя заработная плата не лимитируется, индивидуальная — регулируется умеренно прогрессивным налогом. Чтобы не допустить искусственной перекачки фондов производственного и социального развития в фонд оплаты труда, целесообразно, видимо, повысить налог на фонд оплаты по сравнению с отчислениями на социальные нужды и вовсе не облагать отчисления в производственную сферу. Все это вселит в человека силу Антея, экономически заинтересует и **вынудит** хорошо трудиться. Заинтересованность — очень мощный стимул.

Вся власть переходит к советам трудовых коллективов, которые все решают, отвечая за любые производственные вопросы и социальное развитие предприятий. Они вправе сказать: государство — это я. Одновременно спрavedлив лозунг «Вся власть Советам народных депутатов». Советам принадлежит решающее слово в определении территориального развития, охране природы, трудоустройстве населения, градостроительстве. Их интеграл — «Вся власть Советам».

Безнормативная модель хозрасчета в госсекторе приобретает арендную модификацию. Дело в том, что его основные фонды созданы за счет всего общества. Поэтому арендодателю же, естественно, принадлежат амортизационные отчисления, возмещающие утрачиваемую в ходе эксплуатации общественную стоимость, и какой-то процент на «капитал» от прибыли коллективов, что вместе образует арендную плату. Если ее не ввести, госпредприятия присвоят себе то, что создано не ими, возьмут прибыль, причитающуюся арендодателю. При бессрочной аренде (а таковая весьма перспективна в отношении целых предприятий) арендодатель оставляет амортизацию арендатору, перекладывая тем самым на него материальную ответственность за дальнейшее существование полученных в аренду объектов до их списания за полной экономической непригодностью.

Существует, правда, плата за фонды, которую госпредприятия передают в бюджет. Но она хуже арендной, ибо не включает амортизации, берется, как правило, в виде единого процента в течение многих лет, вместо того чтобы колебаться в зависимости от спроса и предложения на аренду. Взимается плата за фонды, независимо от того, созданы они из ресурсов всего общества, хозрасчетного коллектива или кредита, за который и так берется процент.

Кооперативы создают свои фонды за свой счет, справедливо оставляя себе амортизацию и прибыль на «капитал». Взяв те или иные объекты в аренду, кооперативы, бесспорно, оплачивают их. Арендная плата ставит госпредприятия и кооперативы в равные условия. Когда производственные фонды госпредприятий прирастают за их счет или арендованные у государства фонды выкупаются, тогда амортизация и прибыль на «капитал» также должны полностью оставаться коллективам.

Арендный подряд — высшая на сегодня форма хозрасчета всех предприятий. Поэтому целесообразно сразу переходить на него, непосредственно формировать экономическую систему социализма, пропуская либерализованную командную. Делать это сложнее, нежели идти по проторенному пути, но чем глубже преобразования, тем они быстрее происходят, алгебра революции «богаче» арифметики. Важно, чтобы арендные отношения возникали по мере их понимания и созрева-ния, а не «внедрялись» в административном восторге аврально и повально в буквальном смысле этого слова. Но не будем впадать в ложный оптимизм.



Есть люди, утратившие генную привычку хорошо трудиться, которых не просто и не быстро увлечь и вовлечь в активную жизнь. Это люди с неразвитыми потребностями, предпочитающие ничего не делать за 200 рублей в месяц, чем вкалывать за 500. Для них традиционный госсектор с выводиловкой желаннее кооперации и аренды. Феномен отлынивания от труда, «обмана» работы подневольными людьми в отличие от хозяйского к ней отношения укладывается в образ раскрестянивания. Атрофия интереса к производству не в меньшей мере разъедает гегемона, вызывая его трудовую апатию, депролетаризацию.

К сожалению, интерес хозрасчетного Гулливера не разбужен. Подрядные арендные коллективы — островки здоровья в океане болезни. Если в этих условиях коллективам дать волю, то предприятия, все равные перед планом, не пожалеют сил еще сильнее преуменьшить свои задания. Чтобы не допустить такого отката, не остается иного пути, кроме прессинга на предприятия разбухшим госзаказом, административно принуждающим их работать, как считает нужным государство, хотя бы на уровне прошлого года с некоторым приростом. По мере укрепления хозрасчета и распространения арендного подряда можно и даже нужно соответственно уменьшать госзаказ. Когда производитель хочет того же, что и потребитель, он — «третий лишний». А если где-то обнаружатся ножницы между ними, то что же — никто не мешает воспользоваться услугами госзаказа.

#### ГОСЗАКАЗЫ, СТИМУЛЫ И КОНКУРСЫ

В отличие от прежних новые госзаказы как-то стимулируются. Предприятиям с его большой долей намечено увеличивать оставляемую прибыль в пределах до 10 процентов за счет сокращения платежей в бюджет. Почему до 10 процентов? Почему в зависимости от доли госзаказа? Доля может быть низкой, но пригибающей вниз; высокой, но сравнительно не обременительной в финансовом отношении. Льгота отменяется при невыполнении госзаказа. На 0,01 процента так же, как и на 100 процентов. Она установлена только для предприятий обрабатывающей промышленности, выпускающих непродовольственные товары и подрядных строительных организаций, создающих производственные объекты. Топливо-сырьевые отрасли стимулируются лишь за сверхплановые госзаказы. Плановые, а это главная часть, выведены из механизма поощрения. Предприятия агропрома в «обойму» дополнительных вознаграждений вообще не попали. Раз госзаказ остается без стимулов, то он, естественно, навязывается. Сегодня у нас «конкурсы» за низкий план. «Конкурсов» за высокие заказы не было и нет.

Только тогда, когда заказы станут выгодными, личные интересы войдут в русло общественных, возникнет баланс интересов, а не реализация одних за счет других. Для приоритетной выгоды госзаказов существуют разные методы: повышение цен для предприятий-производителей (но не потребителей), льготное кредитование, налоговые, амортизационные, валютные, таможенные, снабженческие льготы, прямые дотации. Выбор методов должен определяться конкретной обстановкой. Тогда за госзаказами будут гоняться, предложения превзойдут спрос, возникнут конкурсы.

В отношении главного — установление госзаказа — «Положение» энтузиазма не рождает. Отклонения же от него приносят изготовителям ущерб, возмещаемый органами, выдававшими госзаказ: отраслевыми министерствами — за счет их централизованных фондов и резервов; Госпланом СССР, Госнабом СССР, совминами союзных республик — за счет соответствующих

бюджетов. Справедливее было бы возмещать ущерб не за счет тех, кто устанавливал госзаказ, а за счет принявших решение о его пересмотре.

#### ГОСЗАКАЗ И ДЕФИЦИТ

У предприятий слишком много денег. Ресурсов — мало. Цены на эти ресурсы старые, еще не пересмотренные. Если такие ресурсы будут свободно продаваться, то поступят, скорее, к тому, чья очередь ближе к дефициту, а не к тому, для кого это важнее. Если, положим, в нашей стране спрос превышает предложение, то выходит, что социализм превращается в государство учета и распределения. Сверхгосзаказ — гарантия возникновения и распределения лимитов. Лимиты ворвались и в сферу личного потребления. И та же власть владельцев дефицита, и то же злоупотребление ею. Коль скоро коллективам выдаются лимиты, то они обязывают к послушанию поставщиков и предопределяют поведение покупателей, даже если последним не спущен директивный госзаказ. В итоге на коллективы набрасывается поводок.

Сейчас везде обсуждается и осуждается наличие очередей. Некоторые специалисты считают, что причина очередей в плохой работе торговли. Это верно отчасти. Да, множество работников этой сферы припрятывает дефицит, усугубляя его и приумножая свои доходы. Да, режим торговли таков, что днем в магазинах сравнительно мало покупателей, зато в короткие часы перед закрытием — полно. Да, недостает современного торгового технологического оборудования, товаров в расфасованном виде, торговые площади не отвечают нормативам. Но уже последняя группа факторов лежит не на стороне торговли, а на стороне производства. Она же, что еще важнее, определяет общую величину и структуру товарной массы. Если размеры торговых площадей возрастут, а товарная масса останется прежней, то очереди распределятся на большее число магазинов и продавцов, которые после продажи дефицитных товаров начнут простаивать. Уж лучше тогда пооткрывать закрытые прежде отделы вино-водочных изделий, чем создавать работающие три часа в день новые торговые точки. Утверждение о том, что в очередях виновата главным образом торговля, напоминает новую всплышку экономического «романтизма», заключающуюся в попытке устранить алкоголизм путем сокращения продажи водки. Говорят (байка или правда), что в витрине какого-то кооператива под призывом «Сделай сам» поместили сахар и дрожжи. Пошли по новому назначению косметические средства, товары бытовой химии. Усмирить бурное море умельцев трудно. Тем более при высоких ценах на водку.

Лимиты, вероятно, останутся самым уязвимым местом в хозяйстве. Хотя сбережение материальных затрат в 1986—1987 годах составило всего 0,1 процента против 2 процентов по плану, лимиты на 1989—1990 годы являются следствием идеи перевыполнения пятилетнего плана по их экономии. Можно ли быть уверенным в осуществлении подобной идеи? Какие новые массовые силы окажутся способными воплотить ее в действие?

Как же вырвать питающий госзаказы корень лимитов? Сделать это в состоянии опять же хозрасчет, который сокращает сферу лимитирования. Потому в состоянии, что рождает предложение, заинтересовывает в экономии ресурсов и уменьшает на них спрос.

#### ГОСЗАКАЗ И ЦЕНЫ

Выше упоминалось, что цены на поступающие к предприятиям ресурсы не соответствуют ни их качеству, ни их количеству. Но прежде, чем ресурсы распределяются, они создаются. Неприемлемые цены, с точки зрения потребителей, ущербны и для производителей, дезориентируют их как неис-

правный компас. Разбухание госзаказа — способ введения предприятий в правильное русло по сравнению с действующими ценами, способ, особенно необходимый до реформы цен, потребует он и после, поскольку роль предстоящей реформы вряд ли следует преувеличивать. И после нее мы долго еще будем иметь претензии к ценам.

Какое ценообразование не нуждается в «костылях» госзаказа? Очевидно, то ценообразование, которое раскрывает шлюзы новому, пользующемуся спросом, которое ставит слагбаум перед старым, никому не нужным производством. Но многие товары кооперативного и государственного производства, на которые большой спрос, непрерывно дорожают. В этом ахиллесова пята проводимой экономической реформы. А что, если бы по мере дорожания увеличивались заработки народа — разве плохо? Надо бояться не высоких цен, перекрываемых ростом доходов на основе безнормативной модели хозрасчета, а низких цен при падающих доходах, которые сажают на мель жизненный уровень, парализуя к тому же интерес к выпуску хороших товаров и обрекая хозяйство на прозябание в мертвой зоне.

Когда за действия и бездействия отвечают сами предприятия, исключена их бюджетная и ведомственная уравниловка, тогда возможна аритмия доходов. Но лучше работать нестабильно эффективно, чем стабильно неэффективно. Вдобавок кардиограмму прибыли можно выровнять фондами риска, продажей внутренних лицензий, компенсирующих первоначально высокие издержки пионеров производства, кредитами, страхованием, ориентацией коллективов на несколько видов деятельности, в частности на революционные изменения одних продуктов и эволюционные — других. Самые радикальные экономические сдвиги, как и ныне, нуждаются в госзаказе.

Мы привыкли к тому, что цены устанавливаются централизованно. Эту уверенность подкрепляет и Госкомцен, защищающий не только фундамент социализма, но и свой собственный. Вспомним тем не менее, что в некоторых царствах, некоторых государствах, включая социалистические, действуют свободные, договорные цены. И ничего, жить можно — экономика не разваливается. Не подумайте ли и нам о позитивных свойствах саморегулирующегося ценностного механизма? Для начала апробировать его применительно к группе товаров, конечно, значителен. При исходном дефиците, в течение периода выхода на нормальную траекторию соотношения между спросом и предложением, они возрастут. Не глобально, а локально. Но локально и снизятся. Например, на продукты питания и изделия ширпотреба, масса которых благодаря настоящему хозрасчету станет больше, а продажа по уменьшенным ценам окажется подготовленной сокращением затрат. Если, однако, одновременно допустить свободу предприятий в распределении доходов, то поднимется и зарплата. Твердые оклады, пенсии, пособия, стипендии и т. д. надо своевременно корректировать на индекс розничных цен. Однако мы умеем повышать цены, а доходы оставлять прежними. Такой вариант при договорных ценах чреват наихудшими последствиями. И наш умудренный опытом читатель справедливо их опасается.

Хозрасчет же противостоит вымыванию малорентабельных товаров, ибо после насыщения рынка высокорентабельными изделиями выгода наращивается только за счет продажи менее доходных, на которые имеется спрос. Недолгий век и у товаров низкого качества. Придет избыток, примитивные изделия останутся на складах производителей, а их производители — на складах банкротов. Вернемся к росту заработков. Когда отовариваешься কিছুдышными товарами — стимулы практи-

чески безмолвствуют. В сочетании с выпуском самых привлекательных изделий они говорят в полный голос. Что и требовалось доказать, если воспользоваться любимым заключением Эвклида. Подчеркну еще раз слова о безнормативной арендной модели, предполагающей рост личных доходов трудящихся от роста производства и его эффективности, «отоваривание» нового спроса, а не механические централизованные надбавки к оплате труда, не подкрепленные дополнительными товарными ресурсами и чреватые односторонним увеличением спроса при прежнем предложении, ростом цен и проблем. На ту же величину, на которую вырастают цены, надо уменьшать госзаказ. А когда обществу нужны социально низкие цены, нет лучшего средства, чем применение госзаказа.

Экономисты ратуют за конкуренцию, демонализацию. Однако не обращают внимания на тот факт, что конкуренция при дефиците не ведет к снижению цен, практически парализуется тем, что рано или поздно все будет раскуплено и расхвачено по высоким ценам. Когда конкуренция действует на базисе известного перепроизводства, тогда снизивший цену обеспечит реализацию товара, а задержавший ее — нет. Выйти на такое перепроизводство позволит хозрасчет. Он первый стимул производить больше и лучше.

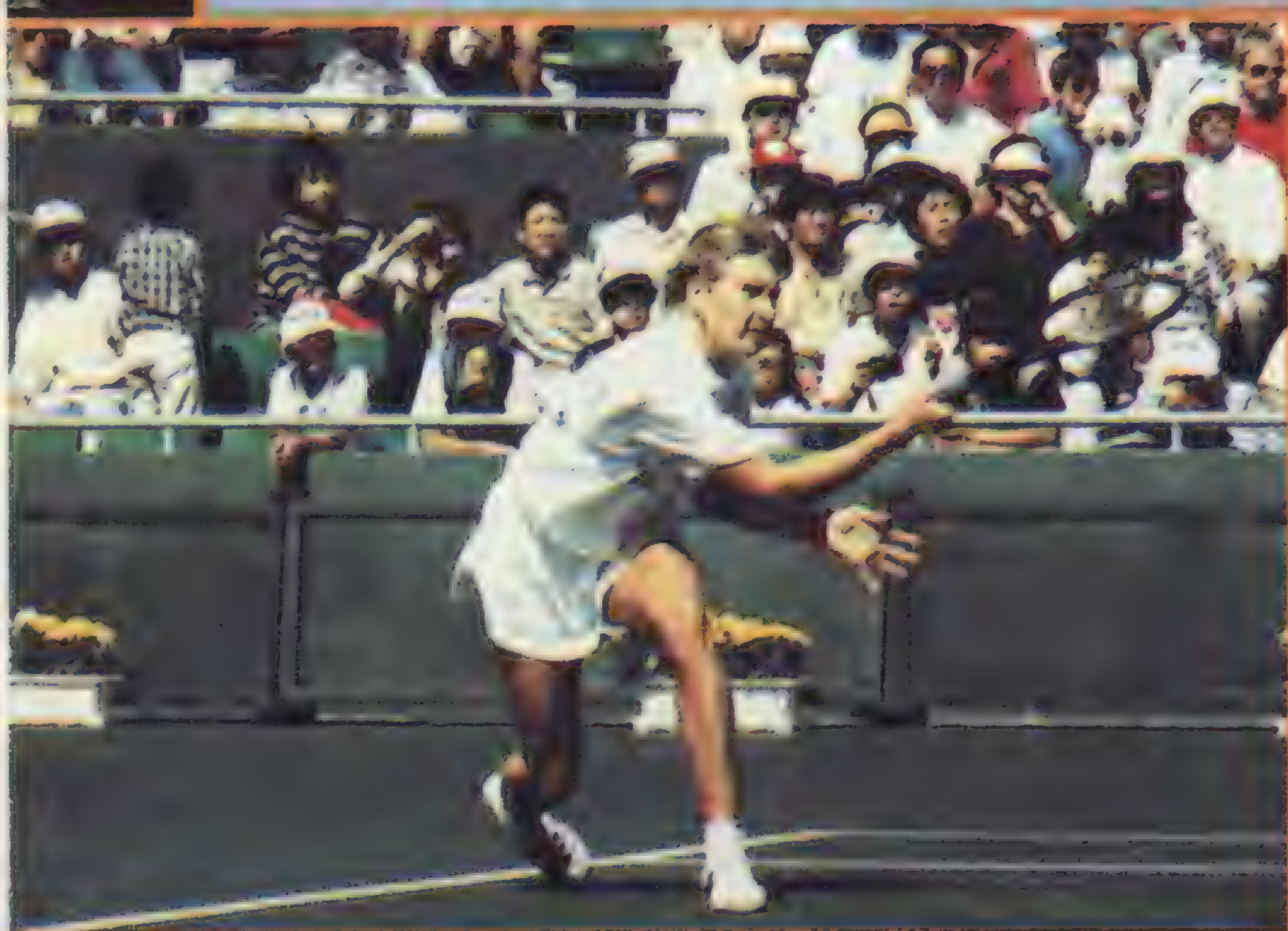
Конкуренции мешают разверсточные методы командной экономики. Хозрасчетной системе отвечает идеология труда, который только после «просвещения» рынком становится признанным, общественным. Командной модели соответствует прямая разверстка каждого товара от производителя к потребителю, выдаваемая за «непосредственно общественный» характер труда. Рубль автоматически оплачивает то, что еще требует экзамена и, возможно, никогда не сдаст его. Он не символ стоимости, а ее суррогат, не деньги, а приходно-расходный ордер. Разверстке не подчиняется только производство предметов личного потребления, которое в какой-то мере проверяется и отторгается нами как свободными покупателями, допускающими неповиновение властям. Споры нет: социализм как хозяйство управляемое, регулируемое, плановое стоит ближе к непосредственно общественному производству, нежели стихийное. И это не ритуальное заверение из ортодоксального политэкономического словаря. Отсутствие координации рождает диспропорции производства, капитальных вложений, разрывает товарооборот и денежные доходы населения. Госзаказ частично закрывает недопроизводство, но не целиком и не страхует от перепроизводства. Забыть о важности координационных институтов — перегиб в обратную сторону от сверхцентрализации, то есть более чем ошибка. Не зря кооператоры создают свои союзы. А предприятия в справедливом запале борьбы с субординацией зря выплескивают необходимые координационные инстанции.

Итак, нового в новом госзаказе меньше, чем старого, за исключением его действия в кооперации, всегда поощряемого, а посему добровольного. «В новизнах твоих старина нам слышится». Ситуация напоминает ту, когда старых клоунов понуждают к новым трюкам. Она не фатальна, чтобы ее благодарно принимать. Ущербный госзаказ должен быть разрушен. Фундаментальная предпосылка для этого — хозрасчет. Ему следует уделять самое большое внимание, смело и повсеместно развивать арендный подряд, вне очереди изыскивать средства для подготовки менеджеров, считая эти задачи не менее первоочередными, чем решение продовольственной, жилищной программ, а также выпуска непродовольственных товаров широкого потребления. Именно это приведет к реформе госзаказа — одной из определяющих реформ экономики. Срок выдержки документа уже превзошел срок выдержки общества.



Валентин ЮМАШЕВ  
Сергей ЖАБИН (фото)

# НА ОЛИМП!



ЧЕЛОВЕЧЕСТВО  
ВМЕСТЕ НЕ СОБИРАЕТСЯ.  
ВСЕ ЖИВУТ  
ПО СВОИМ ДОМАМ  
И СТРАНАМ,  
ИЗРЕДКА ВЫЕЗЖАЮТ  
КУДА-ТО  
В ГОСТИ  
ИЛИ ПО ДЕЛАМ,  
НО ЧТОБЫ ВМЕСТЕ  
И ОДНОВРЕМЕННО —  
НЕТ,  
КАК-ТО  
НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ...  
И ВСЕ ЖЕ РАЗ  
В ЧЕТЫРЕ ГОДА  
ЭТО УДИВИТЕЛЬНОЕ  
И ГРАНДИОЗНОЕ  
СОБЫТИЕ  
ПРОИСХОДИТ.  
ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.  
ПРАЗДНИК ПЛАНЕТЫ.





**Б**ольшее всего на Олимпийских играх меня поразили, удивили, потрясли (называйте, как хотите) не победы, не

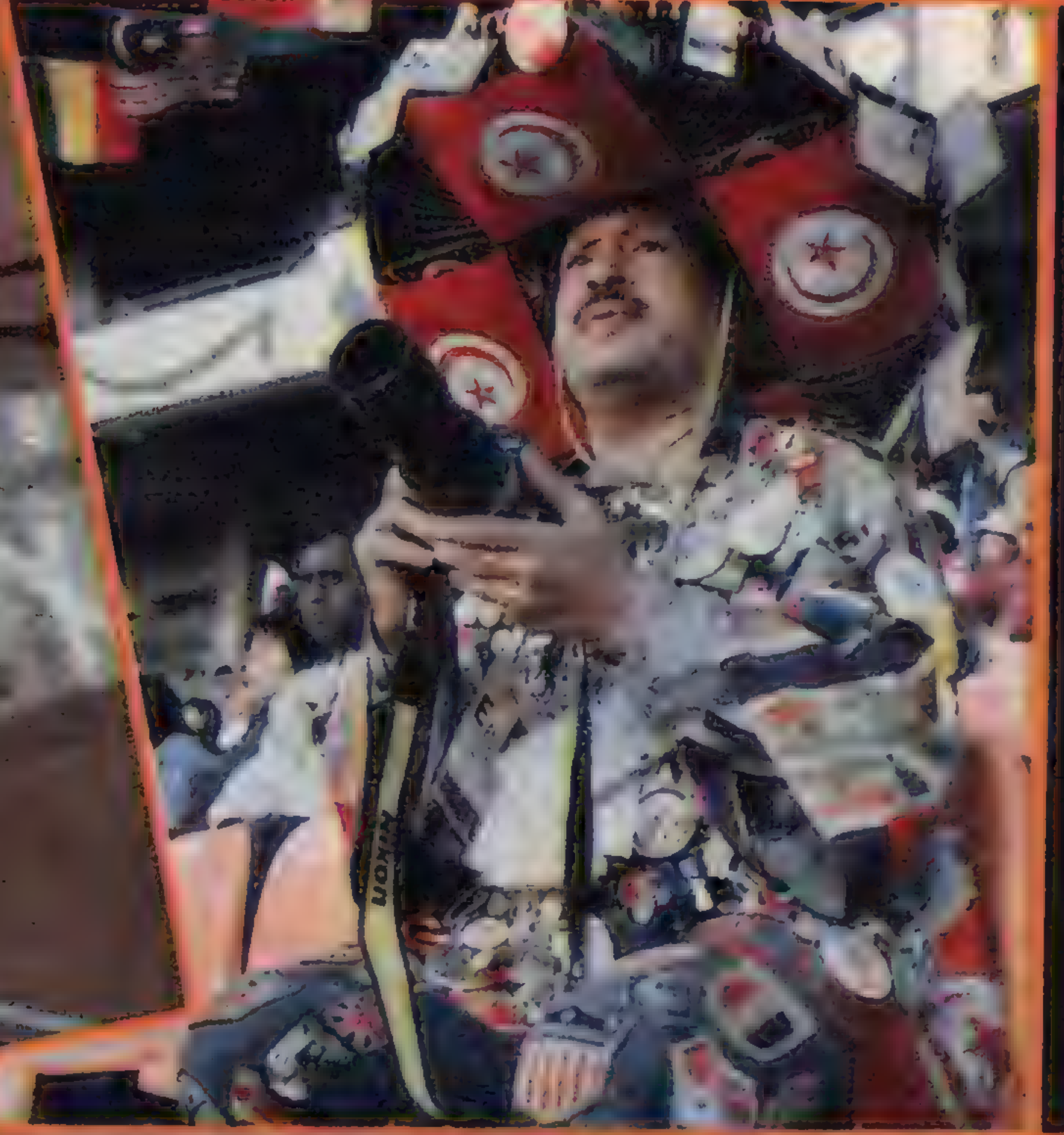
рекорды, не трагедии чемпионов, возвращающих свои медали из-за допингов, нет, именно это удивительное единение всего человечества.

По Сеулу бродили толпы черных, белых, желтых, разных людей со всех уголков планеты, они говорили на десятках языков и диалектов и в большинстве своем друг друга не понимали, и все же все улыбались, обнимались, целовались, потому что никакой язык был не нужен. Все понятно было без слов, общение шло на ощущениях, эмоциях. Тут, на улицах, забывались все победы и поражения, здесь хотелось одного: радоваться, что мы вместе, что нас так много, что нам так потрясающе здорово!

Продолжение на стр. 26—27









# СОРОК ЛЕТ

КАЖЕТСЯ, ЗА ВРЕМЯ ПРОЖИТОЕ ЕРЕМЕНКО В КИНО, ВСЕ В ЕГО СУДЬБЕ СЛОЖИЛОСЬ ГЛАДКО. УЧЕБА, РАННЕЕ ПРИЗНАНИЕ, РОЛЬ ЖЮЛЬЕНА СОРЕЛЯ — РЕДКО КОМУ ВЫПАДАЕТ СЧАСТЬЕ НА ВЗЛЕТЕ АКТЕРСКОЙ ЖИЗНИ ПОЛУЧИТЬ ТАКУЮ РОЛЬ. РЕГУЛЯРНЫЕ ПРИГЛАШЕНИЯ НА СЪЕМКИ. ВСЕ СПОКОЙНО — БЕЗ ЯВНЫХ ВЗЛЕТОВ И ПАДЕНИЙ. УСТОЯВШАЯСЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ. СОГЛАСИТЕСЬ, НЕ ОЧЕНЬ МОДНО ДЛЯ НАШЕГО, ТАКОГО КОНФЛИКТНОГО ВРЕМЕНИ, ПОЛНОГО ОТРЕЧЕНИЙ И САМООТРЕЧЕНИЙ, ЛЮЗДНИХ РАСКАЯНИЙ И ОТКРОВЕНИЙ. И ВСЕ ЖЕ ВСПОМНИТЕ, ЕЩЕ ДО НАЧАЛА «НОВОЙ ЭРЫ» БЫЛИ КАРТИНЫ «СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР», «ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» И МНОГИЕ ДРУГИЕ ФИЛЬМЫ, В КОТОРЫХ ЕРЕМЕНКО ЛЕГКИМ ХАРАКТЕР СЕГОДНЯШНЕГО, ТАК НУЖНОГО НАМ УПРЯМОГО, СЛОЖНОГО, КОНФЛИКТНОГО ЧЕЛОВЕКА. СОРОК ЛЕТ... ВРЕМЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИТОГОВ.





# И ТРИДЦАТЬ РОЛЕЙ

РАМПА



ействительно, это тот возраст, — говорит Николай Еременко, — когда человек воистину серьезно задумывается: как жить дальше? Счастье, что актерская профессия бесконечна.

Ей можно учиться до конца жизни, и в этом ее прелесть. Если ты все еще стараешься познать ее, а не поучать других, тогда она, может быть, будет какое-то время к тебе благосклонна. Но когда артист встает в позу мастера, тут в его творческой судьбе начинаются первые многоточия... Назовем это недоговоренностями, снижением уровня, как хотите. Самое важное для артиста — точно знать свое место, ни в коем случае не заблуждаться по поводу собственной персоны. Внутренняя самооценка должна быть абсолютно верной. Если она вдруг когда-то, где-то совпадает с оценкой зрительской, — это, наверное, и есть та самая творческая удача, о которой так много говорят.

— **Вы довольны своей актерской судьбой?**

— Знаете, по поводу таких смазливых мальчиков, каким был я, существует стереотипное представление: они якобы спиваются или распадаются как личность, или теряют к себе и к жизни интерес. Короче, что-то с ними должно обязательно произойти плохое. Мне хочется доказать обратное. Особенно, когда вдруг слышу удивленный возглас: «Ба, да ты еще снимаешься?..»

— **За свою жизнь вы сыграли роли самые разнообразные — от Жюльена Сореля до механика Веремева в пресловутых «Пиратах XX века». Как вы сами определили свое амплуа?**

— Всю жизнь режиссеры тянули меня на мелодраматические роли, на героев-любовников, прекрасных принцев, но после Стендаля все уже вторично — и по уровню чувств, и по уровню литературы. Однажды «Советский экран» определил меня как лирического героя-любownika, чем поверг в глубокое уныние. Удивительно, как иногда критики не замечают серьезных работ. До боли становится обидно. Например, роль, сыгранную мною в кинофильме «Солнечный ветер». Кстати, недавно было опубликовано предсмертное письмо Игнатия Дворецкого, где он, в частности, говорит об этом фильме. Зрители просят показать картину еще раз по телевидению. Она вышла, как теперь говорят, в «доперестроечный период», и, может быть, нам выпадет возможность посмотреть ее уже из другого времени, другими глазами.

— **Вы заговорили о критике. Как вы к ней относитесь?**

— Пресса порой (возвращаясь к нашему разговору о самооценке) сбивает ориентиры и в плохую, и в хорошую сторону. Раньше меня безудержно хвалили. Теперь хотят обидеть именно за то, что долго хвалили. Пора ругнуть. Да и критикуют так, как за пятку собачка кусает, — ни за что ни про что и больно. Давайте говорить по существу, а кусать не надо. Впрочем, критика не входит в сферу моих профессиональных интересов. Меня, признаюсь, раздражают

теоретизирующие артисты — они занимаются не своим делом. Наше дело — играть и решать все споры там, на экране.

— **Возвращаясь к разговору об амплуа, я хотела бы все же уточнить: наверняка с возрастом характер предлагаемых ролей меняется?**

— Я столько сыграл за свою жизнь, что кино начало пропускать меня по второму кругу, тем более пока я не постарел окончательно. Мне часто предлагают то, что я в той или иной степени уже сделал и что могу сыграть без особого напряжения, на одной «технике». Это и скучно, и неинтересно, и опасно. Но все же мне кажется, что с возрастом я буду становиться... социальнее, что ли? Помните, раньше, когда актера спрашивали: «Кого бы вы мечтали сыграть?», он не задумываясь должен был отвечать: «Нашего современника». Так вот, я на полном серьезе, без каких бы то ни было оттенков подострастия, иронии или жеманства, могу сказать: «Да, я хочу сыграть нашего современника». Наступило такое время.

— **Вы учились в мастерской у Сергея Аполлинарьевича Герасимова. В каких ролях он вас видел, к чему готовил?**

— Время учебы во ВГИКе — это было пиршество ролей. «Дети мои», — говорил нам Герасимов, — вы счастливы сейчас не только потому, что все у вас впереди, что перед вами лежат самые широкие перспективы жизни. Но и оттого, что вы можете играть все, что хотите. Вся мировая классика у ваших ног. Играйте кого угодно — гамлетов, отелл, дездемон, вешайтесь, стреляйтесь — все, кроме контрреволюции и порнографии, вам разрешено. Выйдя из стен института, вы не будете играть то, что хотите, но то, что вам дадут. Чего я только не играл тогда! Но за всем этим «игровым» хаосом чувствовалась твердая рука Герасимова. Он следил за мной внимательно и вдруг на втором курсе предложил начать репетировать в «Красном и черном».

— **Вы знали Герасимова до ВГИКа?**

— Мой отец снимался у него в картине «Люди и звери». Эта работа произвела на него неизгладимое впечатление — отец считает, что прошел вторую актерскую школу у Герасимова. Я не мог не запомнить восторгов отца и заочно полюбил этого режиссера, хотя впервые мы встретились лишь на вступительных экзаменах...

Я читал на экзаменах любимого, как выяснилось позже, поэта Сергея Аполлинарьевича — Николая Заболоцкого, и притом любимое его стихотворение «Гроза». Герасимов поднял брови и спросил: «Ты сам все это любишь, мальчик? Ну, прочти, прочти». Я прочел. Хотя теперь сомневаюсь, понимал ли я до конца своими мальчишескими мозгами всю глубину этого произведения. Но видимо, Герасимова подкупил уже сам выбор...

— **Давайте коснемся «больного» вопроса — о бесправии актеров. Давно известно, что артист, человек творческий, подневолен. Он, как правило, не может сам выбрать себе тему, а чаще всего вынужден лишь**

**отталкиваться от предложенного материала.**

— Что говорить, если даже такие артисты, как Нонна Мордюкова, не имеют права заказать себе роль и годами сидят без дела. Все та же бесхозяйственность! Но и мы, артисты, тоже виноваты в своих бедах. Мы одиночки. В одиночку маемся от своих ошибок, гордимся удачами. Единственное, что нас может объединить в некую актерскую гильдию, — это материальные, экономические интересы.

— **Сейчас много разговоров ведется по поводу того, что киноартисты мало зарабатывают. Вы часто снимаетесь ради заработка?**

— Мне кажется, лучше как-то подзаработать в паузах между съемками. Например, где-то выступить перед зрителями. Но никак не на съемочной площадке. Для меня это вопрос, решенный раз и навсегда.

Но, с другой стороны, у меня уже прошел тот период розового очарования кинематографом, когда я считал, что сниматься надо только у хороших режиссеров и только в хороших фильмах. Это могут себе позволить театральные артисты — у них за спиной есть тыл. А киноартисту приходится решать творческие задачи иными способами. Если я буду сидеть и ждать гениальной роли, я просто-напросто пропаду как артист. Поэтому многие роли, которые называют «проходными», я называю этюдами. Меня в таком случае не интересует режиссер, сценарий, даже конечный результат картины — успех или неуспех — мне безразличен. Я пробую нечто — неизвестно что, — зная: мне в будущем пригодится.

— **Что вас не устраивает в сегодняшнем кинематографе?**

— Всеобщее «безрежиссурье». Многие режиссеры не любят и не умеют, да и не хотят работать с актерами. Киносъемки превращаются в коллективное творчество. Считаю это спекуляцией на профессиональной честности актеров, на их профессиональном долге...

— **В последнее время многие актеры сменили профессию, подав-**

**шись в режиссеры. Не хотите и вы попробовать свои силы?**

— Меня не устраивает уровень актерской режиссуры (не говорю, конечно, о Михалкове и Губенко), а я не чувствую в себе сил подняться выше этого уровня.

— **Вы тщеславны?**

— Думаю, что нет. Всегда радуюсь успехам своих друзей. Я абсолютно независтлив. Обожаю артистов — эту необычную, сложную, неоднородную породу людей.

— **Актер за свою жизнь создает такое количество характеров, ему столько раз приходится бывать в чужой шкуре, что, наверное, он сам порой спрашивает себя: а какой же я на самом деле?**

— Нет, я думаю, наоборот, от артиста, от его личности что-то берется, привносится в роль. Но полное проникновение в роль не может не дать тебе чего-то как человеку. Другое дело — повадка, манера себя вести. После «Красного и черного» я год не мог нигде сниматься. За что бы ни брался, везде получался Жюльен Сорель. Я стригся, отращивал усы, чтобы как-то стереть, выветрить из себя этот образ. После Меншикова в «Юности Петра» у меня появилась кошачья манера двигаться...

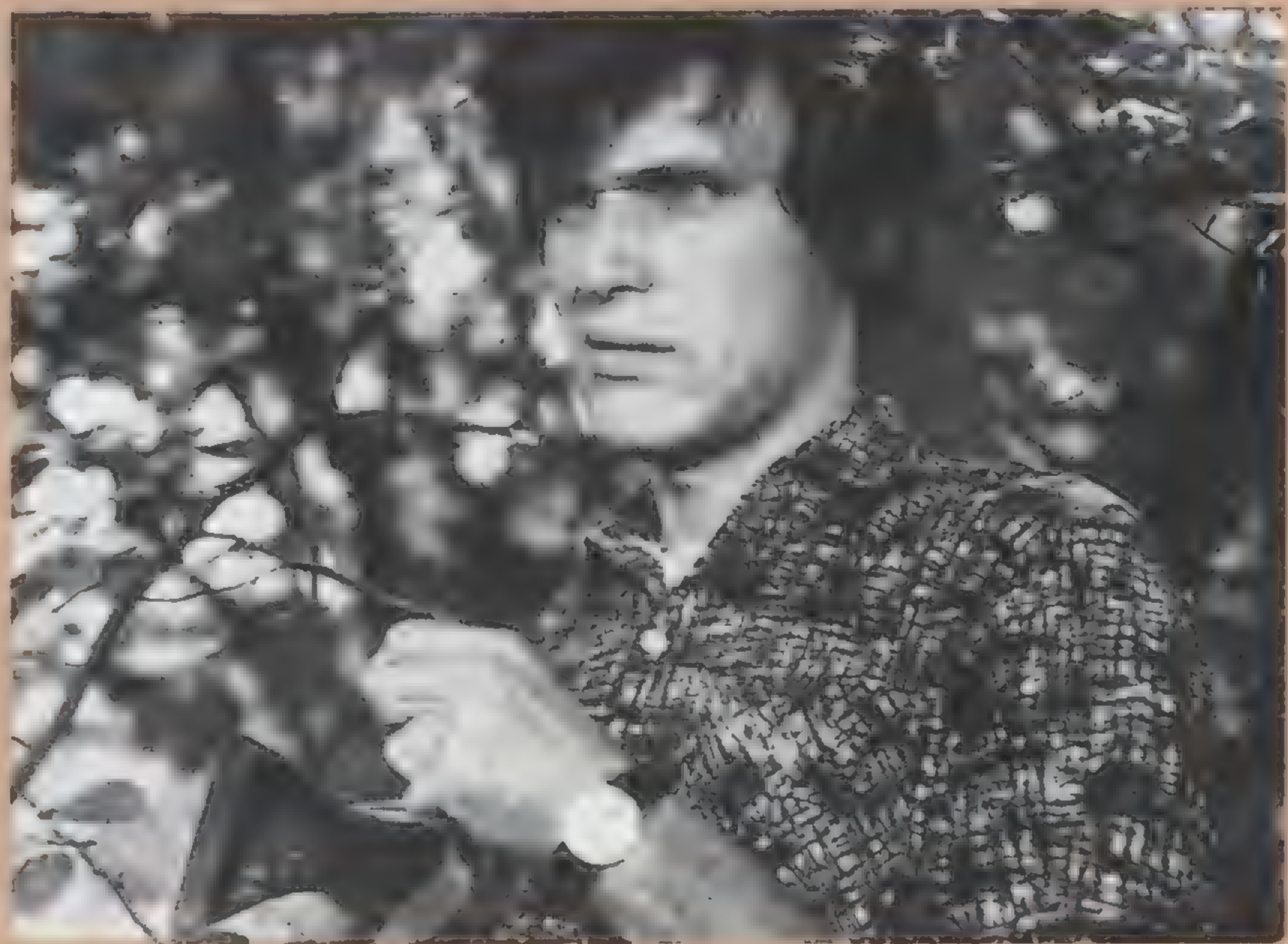
— **Чем отличается хороший артист от плохого?**

— Знаете, как у нас говорят? У плохого артиста три штампа, а у хорошего — тридцать три.

— **Вам мешает популярность?**

— Один артист сказал: «Она мне мешала жить тогда, когда ее не было». Творчество без славы невозможно. Да и, наверное, бессмысленно. Его можно сравнить разве что с наркотиком, к которому, раз попробовав, привязываешься на всю жизнь. Печальное сравнение, но верное. Люди часто не могут развязаться с этой профессией, даже если хотят. И погибают, когда у них ничего не получается. Если человек хотя бы однажды узнает, что такое счастье от созданного тобой, — он будет ждать всю жизнь этого счастья.

Беседу вела Оксана ПОЛОНСКАЯ



Кадр из фильма «У озера».



# СКОЛЬКО ПАВОД

ВОДА,  
КОГДА ЕЕ  
СЛИШКОМ МНОГО,  
СТАНОВИТСЯ НЕ БЛАГОМ,  
А БЕДСТВИЕМ. НО...  
САМА ЛИ ВОДА  
В ЭТОМ  
ВИНОВАТА?

Марк ШТЕЙНБОК  
Фото автора

**К**атастрофический паводок, случившийся три года назад, разорил Бурятию на несколько десятков миллионов рублей. В этом году под водой вновь оказалась значительная часть республики. Паводок начался в конце июня, но и в сентябре продолжали поступать сообщения о новых затопленных территориях, с каждым днем рос ущерб, нанесенный стихией.

Из вертолета, в котором мы летим на обследование разрушенных мостов и дорог, Баргузинская долина напоминает школьный глобус с океанами, материками, островами и горными хребтами.

— Каков ущерб от нынешнего наводнения? — спрашиваю председателя республиканской паводковой комиссии. Евгений Авксентьевич Тарасюк про-

тягивает мне сводку, из которой видно, что ущерб по 16 пострадавшим районам превысил 32 миллиона рублей.

— Я только что вернулся из Москвы, — говорит Тарасюк. — Нам выделили деньги, удалось добыть цемент, шифер, радиаторы...

Чувствуется, что зампред Совмина республики результатами своего вояжа доволен.

Обращаюсь к секретарю обкома партии Феликсу Викентьевичу Ходаковскому.

— Представьте, что Баргузинскую долину отдали в аренду хорошему хозяину. У него будут такие же потери от наводнений?

— Сложный вопрос, — задумывается Ходаковский. — Может быть, он вообще не трогал бы пойму. Ловил бы рыбу, стрелял зверя, скот держал бы только на незатапливаемой территории... Мы пошли по другому пути. Теперь ясно, что надо что-то с долиной делать: укрепить берега или углубить русло Баргузина, или построить в верховье плотину? К сожалению, в Бурятии наводнениями, как проблемой, никто не занимается.

— Что будем с долиной делать, Вандан Бадмаевич? — спрашивает Ходаковский у первого секретаря Баргузинского райкома партии Базарова, сидящего рядом в вертолете. — Который раз вас топит, сколько ущерба терпим!

— Топит нас, потому что леса по склонам хребтов вырубил! И рельеф у нас особый, как бы в створе находимся. Шаман-камень Баргузин подпирает. Тут группа крупных ученых приезжала. Шесть баранов съели, все решали, что можно сделать. Так ничего и не придумали...

В какой мере ущерб от наводнений предопределен стихией и что зависит от человека, проясняется после разговора с начальником отдела гидрологии Бурятской гидрометобсерватории Робертом Павловичем Головиным.

— Основная причина столь высоких потерь от наводнений — бесхозяйственность, — считает он. — Посмотрите: что в основном страдает при паводках? Внутрихозяйственные дороги, дамбы, мосты, построенные абы как, без соблюдения строительных норм и правил. Именно они регулярно затаплива-



# СТОИТ ОК



ются и разрушаются. Мосты не рассчитаны на пропуск максимальных расходов воды при паводках. В местах, заведомо подверженных затоплению; без надлежащих инженерных укреплений построены склады химических удобрений, угольные склады, нефтебазы, фермы, кошары... Построены там, где их не должно быть! Во время паводка они тоже под водой. И это в бассейне Байкала! О соблюдении водного кодекса РСФСР и правительственных постановлений по Байкалу и говорить не приходится. Сколько потерь из-за того, что не обращают внимания на рекомендации и предупреждения гидрологов! Гибнет скот, стоят в воде стога сена, которые вовремя не вывезли с полей, затоплены по самые окна сотни домов на садовых участках, места для которых были отведены неправильно. Эта картина повторяется от наводнения к наводнению. Все стараемся сэкономить, сделать подешевле, а в результате терпим многомиллионные убытки. И никто за это персонально не отвечает. Все списывают на стихию! Нет уж, пусть ущерб виновные компенсируют из своего кармана, а не из казны.



**Сегодня у значительной части молодежи к комсомолу отношение в лучшем случае равнодушное...**

**Когда вас выбрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ — хотя мне лично представляется, что вас скорее назначили, — с вашим назначением связывались определенные надежды: умен, образован, молод (вам сейчас 35 лет!), энергичен, обаятелен, что немаловажно, прошел все ступени роста в комсомоле, следовательно, знает в комсомоле и все хорошее, и все плохое. Судя по вашему образованию, у вас есть исторический подход к оценке тех или иных явлений. Подготовка к XX съезду ВЛКСМ да и сам съезд... в общем, все это вселяло надежду. Было много интересных предложений, и многим казалось, что вот-вот они начнут реализовываться. Но потом наступил как бы спад. Почему?**

**Молодежное движение — кирпичик в общей системе, его нельзя оттуда вынуть. В лучшем случае можно перекрасить, чтобы не выделялся. Ваши предшественники, каждый по-своему, призывали, поучали, обнадеживали, проводили слеты, съезды, заслушивали дозированную критику снизу, внимали критике сверху, клялись в верности идеям, но сами подчас были заняты тем, чтобы сохранить равновесие и не испортить ни с кем отношений.**

— Я думал над этими вопросами. К счастью, мы преодолели то время, когда постановка подобных вопросов вызывала не только удивление, но и чуть ли не обвинения в антисоветизме. Когда вы говорили, что мне многое не удастся, что я не смогу, я с этим согласен. Мне, подчеркиваю, одному мне не удастся. И даже секретарям и членам бюро — а нас двадцать восемь человек — не удастся. Не удастся до тех пор, пока этим не займутся все. Ну, если не все, то большая часть. Сейчас членов ВЛКСМ 36,8 миллиона, на несколько миллионов меньше, чем тридцать лет назад. В уменьшении численности комсомола не вижу трагедии. Наоборот, это значит, что внутри нашей организации начали действовать механизмы самоочищения. Идет процесс ее оздоровления. Моя точка зрения с вашей, судя по всему, по многим позициям сильно расходится. Я оптимист, и, поверьте, не в силу своих служебных обязанностей. Назначили меня или выбрали — это вопрос к тем, кто за меня голосовал на пленуме и на съезде. Перед тем, как стать первым секретарем, я был членом бюро ЦК ВЛКСМ. Не мне обсуждать, почему выбор остановился на моей кандидатуре. Хотя я за то, чтобы избирали не из одной кандидатуры, а из трех, шести, семи. Мы к этому идем. Но вернемся к основному вопросу: одна организация или много?

Если мы рассмотрим международное молодежное движение, то там есть разные формы. В Польше четыре союза молодежи, на Кубе — союз молодых коммунистов и студенческая федерация.

Сейчас готовится Закон о молодежи. Опять же многое зависит от тех, кто представляет интересы молодежи, объединенной в союз. Понимаю, от нас многое зависит, но мы порой просто не умеем пользоваться теми правами, которые у нас есть. У нас какая беда? Мы в известной степени монополисты: одна молодежная организация. И, естественно, как любая монополия, мы не застрахованы от застоя, от консерватизма, от бюрократизма. Если опасность вовремя не заметить, то и создается ситуация, которая возникла в свое время в комсомоле.

Если говорить о взглядах на комсомол, о прогнозах на молодежное движение, то я не возьму на себя смелость определить, кого больше — пессимистов или оптимистов. Понимаете меня?

**— Вполне понимаю и даже улавливаю подтекст: больше пессимистов.**

— Да нет, я говорю без подтекста,

говорю то, что думаю, в чем уверен. Предположим, комсомол распускается. Но, согласитесь, своя организация молодежи все равно потребуется. Возникает вопрос: какую создавать новую? Сделать несколько? Создавать федерацию? Я не готов сейчас ответить, будет ли это лучше. Поэтому давайте не уходить от жизни, рассуждать здраво. Любая партия стремится к созданию своей молодежной организации для того, чтобы через эту организацию влиять на молодое поколение. Но эта организация должна быть самостоятельной в выборе своего актива, в использовании средств, в отработке форм и методов реализации тех или иных директив. Я согласен, что нужно радикально перестроить молодежное движение в стране. Но вопрос прежде всего должен касаться содержания работы. В зависимости от этого можно вести и разговор о ее формах.

Мы передали права приема и исключения и вообще все основные права первичным организациям. Теперь они могут абсолютно свободно, без всякого давления сверху выбирать своих лидеров. 30 процентов первичных комсомольских организаций выбирали лидеров из нескольких кандидатов. Наверняка где-то пытались лишь имитировать этот процесс. Но мы ведем борьбу с попытками выдвигать по анкетным данным, номенклатурным спискам.

Финансовая самостоятельность. Большая часть средств должна оставаться у тех, кто их заработал, а не стекаться в ЦК комсомола. Средства, полученные в ЦК от комсомольских поступлений, идут на содержание туристических баз, домов отдыха, издательскую деятельность, зарплату освобожденным комсомольским работникам.

Много говорят о сокращении бюрократического аппарата. Сокращать надо, но как? Определить количество процентов и спустить разрядку, чтобы потом отпараторовать: сократили! Это ничего не даст. Пусть райкомы комсомола сами решают, какой им нужен штат. Если они решат, что на полученные деньги им необходимо содержать двух-трех организаторов, — пожалуйста, пусть так и поступают. Если решат, что деньги надо направить на строительство спортивной площадки или оказать помощь детскому дому, — опять же их дело. Конечно, надо установить потолок, ибо найдется человек, который захочет расходовать все деньги на содержание аппарата.

Не лучше ли вместо комсомола создать федерацию? А почему бы не сформулировать вопрос так: и комсомол, и федерация. Сколько людей должно быть в комсомоле? Не знаю. Я знаю только, что в нашей организации много людей случайных. Но я категорически против какой-либо чистки. Люди в комсомоле не сами по себе стали пассивными, и сейчас включаются постепенно механизмы самоочищения, когда непосредственно в первичных организациях решают: кому быть в комсомоле, кому нет, кого принимать, а кому отказать. Став первым секретарем ЦК комсомола, признаюсь, я не представлял до конца, с какими сложностями придется столкнуться.

Мы долго думали, как решать студенческие проблемы. Студенты — интеллектуальный потенциал общества, самая энергичная и самая критически настроенная группа. Всесоюзный студенческий совет, на мой взгляд, весьма эффективный орган. Необходимо подумать над тем, чтобы предоставить ему право делегировать своих представителей в ЦК ВЛКСМ.

Что касается неформальных объединений, то никто не мешает быть членом ВЛКСМ и одновременно членом того или иного объединения по интересам. Если, конечно, это не противоречит Уставу ВЛКСМ. Если противоречит, то пусть молодой человек делает выбор, где ему быть. Но, насколько мне известно, 99 процентов неформальных объединений ни в чем не противоречат Уставу.

В прошедшее после съезда комсомола время мы занимались незаметной политической работой. Если сравнить это с кораблем, который уже устарел и обветшал, то можно взять банки с краской, перекрасить корпус корабля, на борту крупно написать: «Перестройка. Демократизация. Гласность», — и пусть себе плывет, а все будут кричать «Ура!». Но мы отдаем себе отчет, что на корабле есть машинное отделение, рубка, капитанский мостик, и нужно переделать все именно там, а перекрасить корабль — это навести внешний лоск, сделать косметический ремонт. И я утверждаю, что мы начали серьезное дело; трудиться нам еще и трудиться. А делать одну или несколько молодежных организаций? Давайте подождем, жизнь подскажет.

Мне кажется, что всем комитетам комсомола надо опуститься до понимания человека, а человеку подняться до понимания коренных интересов молодежи. Я говорю о широте взгляда — видеть не только себя в организации, но и организацию в целом.

**— Вы сказали, что не знали, с чем столкнетесь, придя в ЦК комсомола. Может, это оговорка?**

— Нет, это не оговорка. Многое мне действительно представлялось чуть иначе.

Считаю, что должны быть свои подразделения в Госплане, в Бюро по социальному развитию Совета Министров СССР, которые бы специально содействовали решению специфических молодежных проблем, посредством целевого планирования, выделения необходимых фондов, ресурсов.

На мой взгляд, неплохая идея — соответственно финансировать социальные инициативы молодежи. Чтобы можно было оперативно помогать по линии МЖК или тем, кто занимается научно-техническим творчеством, а также молодежным театрам, студиям, музыкальным коллективам. Будет ли это государственный фонд молодежи, инновационный банк или что-то другое, покажет практика. Мы в этом направлении активно работаем.

**— Виктор Иванович, нередко в институтах, на фабриках, заводах, когда решаются те или иные вопросы, касающиеся молодежи, то обсуждают их администрация, партком, профком... А комсомол делает то, что ему прикажут. И еще. Сегодня все испытывают дефицит внимания. Появились телефоны доверия: если тебе плохо, позвони, тебе постараются помочь. А ведь есть Союз молодежи, где тебя должны понять, помочь тебе. Но если в церкви тебе готовы отпустить грехи, то здесь за грехи выговор получишь. Я говорю о доверии, искренности. А в комсомоле зачастую каждый — особенно это касается актива — добивается льгот для себя.**

— Во многом это действительно так, хотя в данном правиле значительно больше исключений. Я против каких-либо льгот, связанных с членством в ВЛКСМ. Касается ли это поступления в вуз, получения квартиры, решения вопроса о премии за хорошую работу, трудоустройства комсомольских активистов, зарубежных поездок.

Я, например, против даже характеристик, в том числе и комсомольских. За всю жизнь мне не приходилось читать ни одной характеристики, давшей реальное представление о человеке.

В то же время я хочу, чтобы членство в ВЛКСМ всегда характеризовало человека. Значит, он, этот человек, хочет быть честнее, искреннее, стремится быть требовательнее к себе. Это, если угодно, своего рода обет: человек хочет довести себя до определенных нравственных эталонов.

**— Виктор Иванович, я слышал, что ваш сын достиг комсомольского возраста, но в комсомол не вступил?**

— Все верно. У меня двое детей: младшему девять лет, старшему — че-

тырнадцать. Он пока в комсомол не вступил.

**— Говорят, что у вас с ним сложные отношения. У учителей в школе к нему претензии. А он, мол, я сын первого секретаря ЦК комсомола.**

— Моему сыну не повезло. Я прихожу домой поздно, а уезжаю рано. И так каждый день. А еще командировки. Обсуждать мои семейные проблемы вряд ли сейчас имеет смысл. Поймите меня правильно: у сына своя жизнь. Конечно, я хочу, чтобы из него вырос честный, искренний, добрый, благородный человек. Очень хочу!

Если получает двойку или замечание по поведению сын рабочего, инженера, учителя или врача, то на это никто не обращает особого внимания. В школе всегда есть и прилежные, и трудные дети. Но если сын какого-нибудь знаменитого актера, писателя, политического деятеля нарушает дисциплину, не успевает по каким-либо предметам, то его все начинают корить, указывать пальцем: ты сын такого-то, а сам... Здесь все не так просто. Впрочем, давайте перейдем к другому вопросу.

**— Армейские проблемы молодежи... Нередки случаи потери уважения к человеку, унижения чести и достоинства, дедовщины...**

— Я служил в армии год после института. И, как всякий сугубо штатский человек, хотел быстрее вернуться к привычным делам. Не скрою, меня тяготили и дисциплина, и специфика воинской службы. Помню, старшина нас убеждал: «Вам не нравится Устав гарнизонной караульной службы? Это ваше право, но имейте в виду: он написан кровью!» В полной мере я осознал истину этих слов во время встреч с солдатами и офицерами на передовой в Афганистане.

Со времени моей службы в армии прошло одиннадцать лет. И я не могу сказать, что то был год, вычеркнутый из жизни, что он мне ничего не дал. Я увидел еще одну грань, еще одну сторону жизни. В армии я получил физическую закалку, научился сходить с людьми. И считаю, что в армии, как и в комсомоле, как в любой другой организации, многое зависит от тебя самого. Если же говорить об унижении человеческого достоинства, о дедовщине, то с этим надо активно бороться.

**— Виктор Иванович, у комсомола своя печать, есть молодежные редакции на телевидении и радио. Молодежная редакция вообще, как мне кажется, стала работать намного интереснее: один «Взгляд» чего стоит! Мне кажется, комсомольские работники недооценивают телевидение и мало используют.**

— Согласен. Правда, вспоминаю, как после одного интервью во «Взгляде» мы получили злые письма: мол, всех надо снять с работы и в первую очередь секретарей ЦК комсомола Мироненко, Швецову, Орджоникидзе. И это только потому, что мы наконец-то появились на экране. Выход на телевидение для меня, как первого секретаря, непрост. Когда я говорю от себя лично, высказываю личное мнение, люди это воспринимают как позицию ЦК комсомола. А у нас сейчас все решения принимаются коллегиально.

Конечно, мы могли бы активнее использовать свои возможности в «Комсомольской правде» и в других органах печати.

**— Как оплачивается труд комсомольских работников?**

— Заработная плата секретаря в районном комитете комсомола двести двадцать рублей. Один раз в году, когда секретарь идет в отпуск, ему дают еще дополнительно месячный оклад. Машина в райкоме комсомола, как правило, одна — и та разваленная. Секретари республиканского ЦК комсомола в среднем получают триста тридцать рублей. Бывает, хотим взять на работу хорошего человека, а он отказывается. Он — шахтер, горный инженер, зарабатывает шестьсот—семьсот рублей. Но





Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

если уйдет на комсомольскую работу, потеряет в зарплате в два-три раза.

— **А какая у вас зарплата?**

— У меня шестьсот пятьдесят рублей. Возьмите мою рабочую неделю, суммируйте ее часы и разделите. Рабочий день с семи утра до одиннадцати вечера. Субботы исключены начисто. Как правило, воскресенья стараюсь провести с семьей, однако и это не всегда удается.

— **Жена вас не видит дома?**

— Иногда видит.

— **А кто она по профессии?**

— Преподаватель английского языка в школе.

— **А как, на ваш взгляд, надо бороться с карьеризмом в комсомоле?**

— Это, пожалуй, один из самых сложных вопросов. Карьерист просто «прет». Ну как перед ним поставить шлагбаум? Человек почувствовал в себе организационные навыки, вкус к общественной работе — это хорошо. Думаю, что с введением настоящей выборности мы сможем отчасти избавиться от карьеристов. Демократизм и гласность здесь могут многое сделать.

— **Вот уже почти два года вы — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Что, на ваш взгляд, вам не удалось сделать? Когда вы остались в кабинете, один на один с собой, наверное, у вас было особое психологическое состояние. Как я понимаю, вы составляли свою программу, что будете делать, как действовать, в чем особенность вашего стиля, за что и как вы будете бороться? У вас есть своя программа?**

— Есть. Тогда у нас не было выборов таких, как мы их проводим сегодня. Но уже тогда мне было ясно, что это пред-

ложение нужно внести на пленум ЦК ВЛКСМ и постараться его отстоять. Помню, оказавшись один на один в кабинете, я сел за стол, взял блокнот — он и сейчас всегда под рукой — и кое-что стал для себя записывать... Вы чуть некорректно поставили вопрос: что мне не удалось сделать? Мне не удалось сделать значительно больше, чем удалось. Причина? Наверное, я был недостаточно настойчив и энергичен. Возможно, я не представлял до конца объема проблем, с которыми придется столкнуться.

Поэтому далеко не все, что я наметал, удалось реализовать. Очень многое удалось сделать вместе с секретарем ЦК Иосифом Орджоникидзе. Он человек удивительно энергичный, работоспособный. Акционерное общество «Игрушка», система научно-технического творчества, центры МЖК в Москве и в стране — это наши плюсы. Удалось вместе с товарищами изменить механизм внутренней демократии, решить ряд финансовых вопросов. Удалось найти, как мне кажется, поддержку в аппарате, привлечь мыслящих, интересных, энергичных людей. Интересно было с докладом на XX съезде комсомола. Мы тогда впервые вынесли на пленум весь доклад. Многие, помню, говорили: вы с ума сошли, этот доклад никогда и никто не пропустит. Был спор, но удалось же, удалось!

Что не удалось. Не удалось довести многие, достаточно простые идеи, о которых шла речь на съезде, до уровня областного звена, района. Пока не удалось переломить у части людей, с которыми работаю, их представление о комсомоле. Мне не удалось обострить в Центральном Комитете партии вопрос о партийном руководстве комсомолом. На местах возникает много сложностей.

Вмешательство обкома партии в дела молодежной газеты, как это было в Амурской области, где возник сложный конфликт. Больше доверия комсомолу на деле, а не на словах. Больше поддержки и веры.

— **Сколько часты ваши встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС?**

— На различных мероприятиях, на заседаниях Политбюро эти встречи происходят. Правда, они не часты, но это связано с тем, что возникающие проблемы, которые требуют поддержки партийных органов, решаются на уровне секретарей, заведующих Отделами ЦК КПСС, и эту помощь мы постоянно получаем.

С Михаилом Сергеевичем Горбачевым мы обстоятельно обсуждали наиболее принципиальные вопросы, касающиеся молодежи. Постановка этих задач была поддержана делегатами конференции и нашла отражение в ее решениях. А в целом, я считаю, что не следует обращаться к Генеральному секретарю ЦК КПСС, чтобы лишь засвидетельствовать свое присутствие. Меняется стиль. Нет приказа, реальная самостоятельность, больше обсуждений, больше доверия, больше веры в эксперимент.

— **Какие газеты вы читаете?**

— «Известия», «Правду», «Комсомольскую правду», «Московские новости», «Литературную газету», «Советскую культуру», «Собеседник». Ну и все, что бывает интересного в других изданиях. Помощник подбирает, отмечает, что необходимо прочесть. Все, что относится к молодежным проблемам, я читаю.

— **Театр, кино, телевидение?**

— Кино... очень мало. По телевидению смотрю программу «Время», стараюсь посмотреть «Взгляд». Видел спек-

такли в театре у Олега Табакова. Радуюсь возможности побывать в Большом театре. У меня была удивительная пора во время XXVII съезда партии. Перестали выпивать, застолье по вечерам прекратилось, и за семь-восемь дней мне удалось многое посмотреть в театрах.

— **Вы человек совсем не пьющий?**

— Сказать, чтобы совсем — это будет не слишком искренне. Иногда бывает. Но, вы знаете, это занимает слишком много времени. Не сам процесс, а то, что с ним связано: гости, разговоры. Тратить на это четыре часа — зачем? Тяги выпить, чтобы расслабиться, я не испытываю.

— **Вы человек государственный, и сами себе в некотором роде не принадлежите. В какой степени вы ощущаете это?**

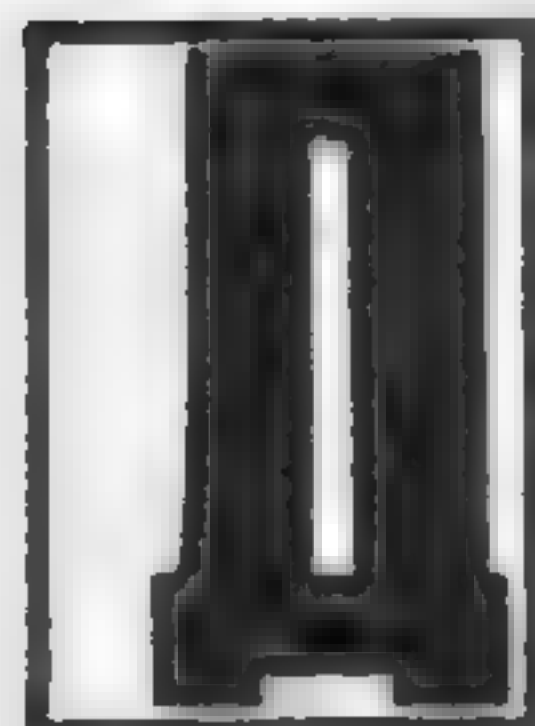
— Я последние три года просто ощущаю свободу. Я не оглядываюсь, говорю то, что думаю.

— **А если вам высказывают точку зрения, резко отличающуюся от вашей, вы поддаетесь убеждению, вас можно переубедить?**

— Сознаюсь, поначалу меня это злит. Порой я себя виню, что слишком резко реагирую и сразу пытаюсь доказывать свою правоту. Много раз говорил себе: подожди, успокойся, пусть пройдет время, нужно все осмыслить, а потом уже принимать или отвергать. Борюсь с собой. У меня было много ситуаций, когда под воздействием коллег я менял свою точку зрения. Но бывает, что я упорно стою на своем. Есть у меня мнение, и буду его отстаивать, доказывать, переубеждать. Нужно уметь добиваться своего, доводить начатое до конца.

Беседу вел  
Владимир ШАХИДЖАНЫН.





Два месяца прошло с того позднего сентябрьского вечера, когда передо мной впервые легла стопка листов, слегка тронутых желтизной времени, и я прочитал первую фразу: «Октябрь 1964 года».

Так начинались записки Сергея Никитича Хрущева «Пенсионер союзного значения», опубликованные в №№ 40—43 «Огонька».

Минуло всего два месяца, но как странно изменилось восприятие происходящих событий, как плотно вошла в день сегодняшний судьба давно умершего человека, как всколыхнула она мысли и чувства множества людей! Да и могло ли быть иначе? Ведь большинство из нас отчетливо помнят этот поворотный момент нашей истории. Но только теперь явился на свет дряблый клубок американо-советских разговоров, полупонятных намеков, встреч как бы незначай, вечерних моционов под пальмами, междусобойчиков, сплетшихся в мелкаячистую сеть политических интриг...

Тогда, перевернув последнюю страницу этого повествования, я невольно ощутил себя в том дне, когда отец и брат в неурочное время вдруг появились дома, с одинаково странным выражением на лицах, буквально столкнувшись первой фразой: «Хрущева сняли». Сегодня мне трудно закончить ее надлежащим знаком — вопросительным, восклицательным, а то и многозначительным оттоком: слишком много интонационных оттенков прозвучало в ней. Кажется, и радость освобождения от нескончаемых славословий на каждом углу; кажется, и усталость от громких обещаний, так и оставшихся обещаниями, и сожаление о том, что было так смело начато и так привычно закончено. Как будто слышался и неуверенный вопрос: а что же дальше? И новые робкие надежды на явившегося преемника. И сочувствие... Сочувствие человеку, так драматично завершившему свою уникальную политическую судьбу.

В тот день мне было двенадцать — последняя минута детства — и историческая информация, содержащаяся в этом полувопросе-полувопросе, растаяла в пространстве комнаты вместе со звуком их слившихся голосов. Да и что могло отозваться во мне от произнесенной фамилии Хрущева, кроме анекдотов, рассказанных в школьной уборной?.. Мог ли я предположить, что через двадцать четыре года мне предстоит коснуться последней — самой трагической — главы его жизни? Мог ли я знать, что почти через четверть века так громко, так настойчиво и тревожно прозвучит этот звонок из прошлого?..

Но он прозвучал. Прозвучал не только в смысле переносном, как предупреждение нам, сегодняшним.

6 октября 1988 года на столе зазвонил телефон.

— Это «Огонек»? — осведомился неведомый абонент, обнаружив фрикативное «г» и все остальные признаки украинского или южнорусского говора.

— Да.

— У вас тут... напечатан дневник Сергея Хрущева... Мне сказали... по этому номеру звонить... — собеседник мой говорил с какой-то легкой неуверенностью и как бы извиняясь.

— А что случилось?

— Да вот... Упомянули меня там...

— Так что ж из того? Плохо что ли упомянули?

— Да нет... Вроде ничего... — с легким сомнением ответил он. — Только фамилию маленько... неправильно указали...

Я огорчился: ведь самая малая неточность, естественно, подрывала доверие ко всему остальному, особенно если учесть фамилии действующих лиц «Пенсионера...», широко известные по сей день.

— Сильно переврали? — осведомился я.

— Да не так чтоб сильно... — он помолчал. — Не Го-олюков, а Га-алюков...

Тут уж замолчать пришла моя очередь. И надолго.

И Сергей Хрущев, и я допускали, что главный герой этого повествования жив. Но хотя, как считалось, его не преследовали, возможность эта казалась столь ничтожно малой, что мы даже не предпринимали никаких попыток разыскать его: прошло почти 25 лет, а ведь он и тогда был не слишком молод. И вдруг этот звонок.

— Василий Иванович? — еще не веря, уточнил я.

— Так точно! — обрадовался он.

— Так вы живы?

— Так точно!

— А сколько же вам лет? — осведомился я, ожидая услышать цифру со многими нолями.

— С марта семьдесят шестой пошел.

Это действительно был он — Василий Иванович, только не Го-, а Галюков, человек, назвавший двадцать четыре года назад имена участников сговора против главы государства! Сговора успешного.

И тут я невольно подумал, как же должен быть благодарен памяти человека, которого он пытался уберечь, сам Василий Иванович. Ведь по сути он обязан жизнью именно хрущевскому десятилетью, изменившему психологию сильных мира сего. Его не убили, не сгноили в лагере — ушли те времена, когда это было бы легко и просто сделать. Ушли, перечеркнутые докладом Хрущева на XX съезде партии.

Василий Иванович был жив, и с этим фактом нельзя было не считаться — возможно, в следующую минуту мне предстояло услышать самое страшное: «Все, что вы напечатали — неправда!»



На снимке (слева направо): Сергей Никитич Хрущев и Василий Иванович Галюков. 11 октября 1988 года. Фото М. Штейнбока.

Дело не в том, что я не доверял Сергею Никитичу — и тени сомнения в подлинности событий, им описанных, не возникало. Известный ученый, человек строгого научного склада ума, неторопливый и обстоятельный, логичный и надежный во всех проявлениях своей личности, он, естественно, ни в коем случае не стал бы прибегать к помощи вымысла, изощрять перо ради увлекательности сюжета или колоритных деталей. Он был вне подозрений.

Единственным «пятнышком», поначалу омрачившим мое абсолютное доверие к рукописи, была, признаюсь, чисто романная манера передачи диалогов и разговоров — слишком уж тонки были подробности, слишком точна прямая речь, что в документальном повествовании, а уж тем более в воспоминаниях о «делах давно минувших дней», обычно вызывает недоверие. Почти четверть века прошло, а он ишь какие мелочи помнит... Однако буквально через несколько страниц все сомнения растаяли как дым: автор располагал

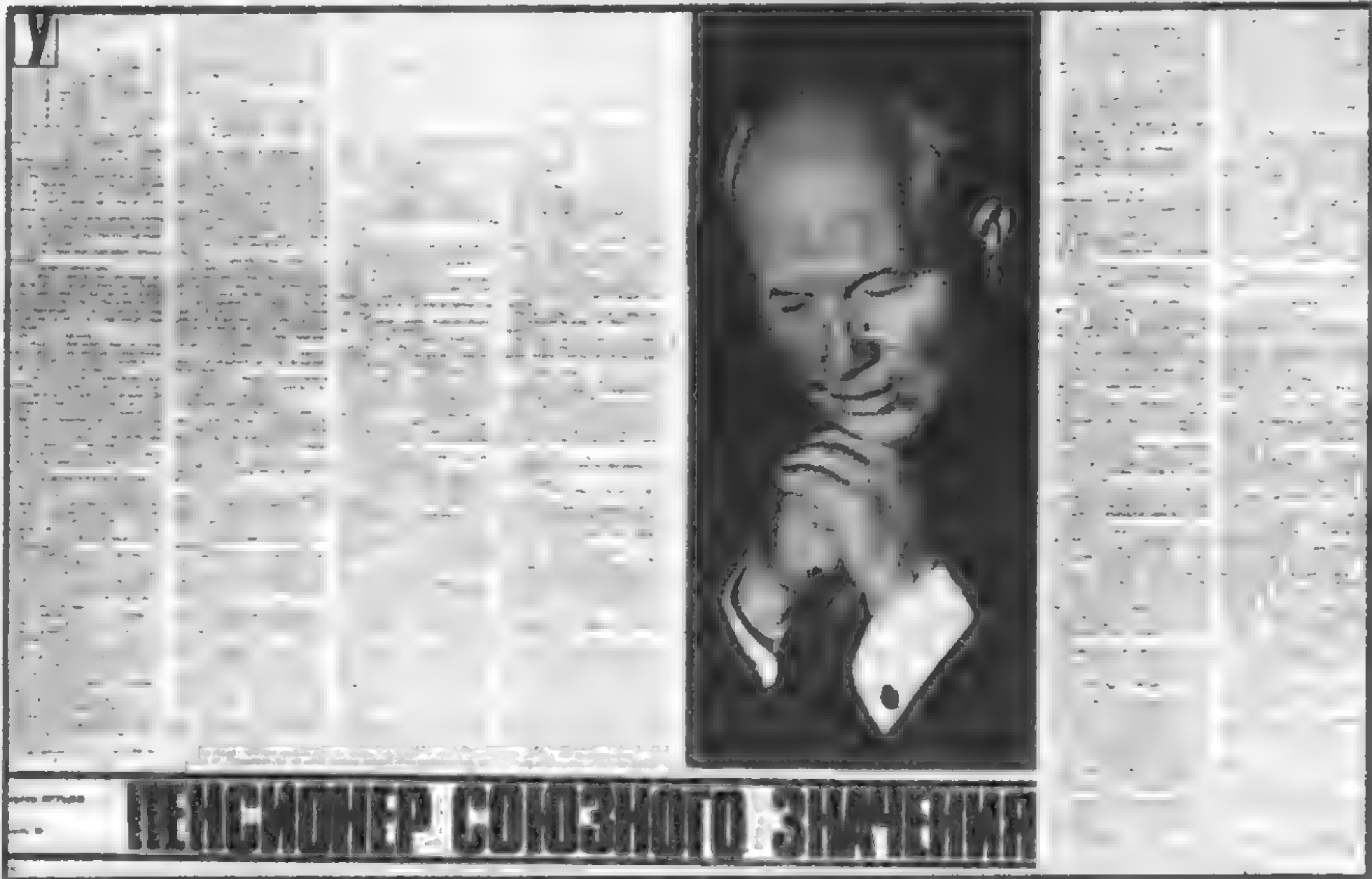
стенограммой рассказа Галюкова А. И. Микояну, история которой приведена на страницах повествования С. Хрущева...

И все-таки, после почти невероятного явления Василия Ивановича, нельзя было не учитывать, что у него, возможно, имелось свое, совершенно отличное от напечатанного, толкование событий почти двадцатипятилетней давности, наконец, за это время, скажем, возникли какие-то особые обстоятельства. Да мало ли что могло заставить его отказаться от в общем-то опрометчивого, как показало время, поступка?!

Все эти пространные размышления, само собой, не умещались в ту небольшую паузу, которая понадобилась мне, чтоб окончательно убедиться в реальном существовании Василия Ивановича Галюкова и поверить в это. И тогда я задал вопрос:

— Ну, а кроме фамилии, все остальное правильно?

Молчал он, кажется, целую вечность.



ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

# ЗВОН



— На сто процентов,— наконец веско и значительно произнес Галюков, словно понимая, какой тяжкий груз снял он с моих плеч.

Дальнейшее уже было делом минуты: мы обменялись домашними телефонами, тут же уговорились о встрече в ближайшие дни, когда Василию Ивановичу удастся освободиться на службе (он и сегодня служит).

Конечно же, повесив трубку, я позвонил Сергею Никитичу, который, впрочем, воспринял это известие с обычной невозмутимостью.

И вот через несколько дней, а точнее, 11 октября текущего года, у меня в кабинете снова встретились Василий Иванович Галюков и Сергей Никитич Хрущев...

Отложив на потом все расспросы, мы первым делом сели в автомобиль и отправились на Кутузовский проспект, к угловому дому номер 30/32, у которого ровно двадцать четыре года и двадцать дней тому назад встретились в сумерках сентябрьского вечера двое мужчин. Вот они на фото, рядом с этим, теперь знаменитым, домом, разговаривают о чем-то под синей цифрой.

Мимо шли по своим делам люди, мужчины и женщины, молодые и старые, с мимолетным удивлением бросая взгляды на суетившегося фотографа и на них. И никто, конечно, не мог знать, что два этих поседевших человека пытались когда-то изменить теперь уже сложившуюся историю страны, из которой не вымарать никогда ни славы, ни бесчестия...

— А ведь почти день в день мы с вами опять встретились,— усмехнулся Сергей Никитич.

— Да...— кивнул Галюков.

— Сегодня какое число?— спросил Хрущев.

— 11 октября.

— Да-да. Как раз «сегодня» я прилетел в Пицунду в 64-м...

— Значит, «завтра» — звонок Суллова?

Он улыбнулся и кивнул:

— А «послезавтра» — финал...

Мы замолчали, потрясенные этим почти невероятным совпадением.

— А вы, Василий Иванович, где же теперь живете? — наконец после долгой паузы поинтересовался я.

— Здесь же и живу,— он кивнул на дом,— где и жил. В этом самом доме.

...Фотограф наш собрал аппаратуру — съемка закончилась. Хрущев спешил на службу, мы попрощались и вместе с Василием Ивановичем вернулись в редакцию.

И вот уж он сидит перед диктофоном, а я спрашиваю:

— Так как же все это кончилось для вас?

— Да так и кончилось,— он пожал плечами.— Ничем...

...После октябрьского Пленума, утвердившего отставку Н. С. Хрущева, Галюков продолжал работать на прежнем месте — в хозяйственном управлении Верховного Совета РСФСР, оставаясь в формальном подчинении Игнатову. Однако о прежних отношениях с «хозяином» не было и помина: ничего не говоря вслух, Игнатов надежно «отключил» Василия Ивановича от ненужных контактов. Встречи их практически прекратились.

Вскоре Василию Ивановичу предложили перейти на работу в Комитет заготовок, где он уже трудился когда-то. Галюков согласился и ушел на новое место.

Примерно через полтора года ему сообщили о смерти Игнатова, и, пожалуй, лишь с этого момента он перестал ожидать так и не последовавшего возмездия. То ли в толкотне за дележом «пирога» победители забыли о нем, едва не сорвавшем их планы, то ли обуяла их эйфория выигрыша, только как жил Василий Иванович в доме 30/32 по Кутузовке, так и живет по сей день. Впрочем, нет, не так. Три года как схоронил он жену, оставшись вдвоем со старшей дочерью...

Несколько лет назад еще раз поменял службу — работает теперь Василий Иванович в аппарате Совмина СССР. На выходные неизменно уезжает в Жаворонки — восемь соток, сад... Такое вот житье-бытье.

Разговор наш снова вернулся к шестидесятым. Василий Иванович говорил, а я все думал о том, что каждым своим словом он подтверждает самый страшный вывод повествования о последних днях хрущевского десятилетия: вот так, на уровне сговора в вымороженной обстановке «Вороньей слободки» решалась судьба руководителя страны.

Сбывались кое у кого жирные мечты прорваться поближе к середине «пирога» и урвать, ухватить, укутить как можно больше. Каждый факт, приведенный Галюковым, вопил именно об этом. Я не стал дополнять ими исписанных белых страниц — ничего, кроме черной горечи

и стыда, не добавят они нашему сегодняшнему знанию, а оно и без того горько...

В шашлычном дыму и коньячном угаде, скрывшись от людских глаз, уверенные в немой надежности охранников зашептали историю, надеялись ее зашептать. Но только разве возможно это?

Кое-кто из них жив и сегодня. И я могу только догадываться о той степени ужаса и ненависти, с которыми открывают они современные страницы и читают собственные фамилии. Ведь казалось, все так надежно похоронено. Казалось, слепа охрана, глухи официантки, или, как их называли, подавальщицы, безгласны шоферы...

Мешал им старый «кукурузник», потому что хоть и был непоследователен, а все-таки посвечивали лучики в его идеях, пахивало неприятным для них запахом открытого простора, где ни скрыться, ни схорониться... Потому и предreshена была его участь той солнечной осенью 64-го...

...Пора было прощаться. Пожав мне руку, Василий Иванович ушел, оставив мне редкую фотографию Никиты Сергеевича начала шестидесятых.

Вот он стоит в вагоне поезда — трагический сеятель. Почти четверть века понадобилось, чтоб проклюнулись добрые семена, оброненные его рукой. Новые люди пришли поднять урожай, новым суждено сжать посеянное.

Вот он стоит в вагоне — сейчас поезд тронется и умчит его навсегда. На платформе останутся две фигуры, спинами повернутые к объективу. Со спины не узнать провожающих, но Галюков этот маленький секрет раскрыл: этот, слева, не кто иной, как Сергей Федорович Медунов, чье «временчко» еще впереди, — объектив запечатлел спину пока лишь первого секретаря Сочинского горкома...

— А второй? — спросил я Василия Ивановича.

— Чуркин,— просто ответил он.

Тот самый Чуркин, выпивавший с Игнатовым в тени сочинских кипарисов в августе 64-го. Он — рядом с временем, хотя и кажется ему, что вот-вот ухватит его...

Вот он прощается — Никита Сергеевич Хрущев,— подходит к концу его Время. На перроне остается Медунов...

Что ж... Всему свое время. Время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное. Время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить. Время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать. Время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий. Время искать и время терять; время сберегать и время бросать. Время раздирать и время сшивать; время молчать и время говорить...



# ОК ИЗ ПРОШЛОГО



## ЛАРЕЦ И КЛЮЧ



Белла Ахмадулина завоевала читательские сердца еще в начале шестидесятых и сейчас остается одним из самых популярных наших поэтов. Интонация Ахмадулиной повлияла на ее современников-поэтов, быть может, даже сильнее, чем кажется на первый взгляд. С годами стихи Ахмадулиной усложняются: система образов, ассоциативный ряд становятся все более субъективными и трудными для неподготовленного восприятия. Сегодня мы публикуем стихотворения, которые, по мнению самого автора, требуют некоторых пояснений. Традиция истолкования собственных стихов восходит еще к поэтам древности. Из классиков XX века это делали многие, среди них Осип Мандельштам. Первое стихотворение подборки и посвящено Мандельштаму, написано под влиянием книги Э. Г. Герштейн «Новое о Мандельштаме»: в воронежской ссылке соседом поэта оказался любитель его стихов Рудаков, который записывал за Мандельштамом каждое слово комментария к стихам. В войну Рудаков погиб, рукопись исчезла — отсюда «ларец и ключ». Еще один герой стихотворения — воронежский писатель, рассказавший о памятке Петру в Воронеже с двумя якорями, — Мандельштам называл его Петр Якорник... В стихотворении «Дворец» появляется другой поэт — Батюшков. Известно, что он сошел с ума. Был случай, когда Батюшков не узнал Пушкина, горячо любившего его. Пронизанные размышлениями о судьбах поэтов, стихи Б. Ахмадулиной выходят далеко за пределы ассоциаций чисто литературных.

## ЛАРЕЦ И КЛЮЧ

Когда бы этот день — тому, о ком читаю:  
де, ключ он подарил от... скажем, от ларца  
открытого... свою так оберег он тайну,  
как если бы ловил и окликал ловца.

Я не о тайне тайн, столь явных обиталищ  
нет у нее, вся — в нем, прозрачно заперта,  
как суть в устройстве сот. — Не много ль  
ты болтаешь? —  
мне чтение говорит, которым занята.

Но я и так — молчок, занятие уст — вино лишь,  
и терпок поцелуй имеретинских лоз.  
Поправший Кутаис, в строку вступил Воронеж —  
как пекло дум зовут, сокрыть не удалось.

Вернее — в дверь вошел общения искатель.  
Тоскою уязвлен и грезой обольщен,  
он попросту живет, как житель и писатель, —  
не в пекле ни в каком, а в центре областном.

Я сообщалась с ним в смущении двояком:  
посол своей же тьмы иль вестник роковой  
явился подтвердить, что свой чугунный якорь  
удерживает Петр чугунною рукой?

«Эй, с якорем!» — шутил опалы завсегда.  
Не следует дерзить чугунным и стальным.  
Что вспыльчивый изгой был лишнею загадкой,  
с усмешкой небольшой приметил властелин.

Строй горла ярко наг и выдан пульсом пеня  
и высоко над ним — лба над-седьмая пядь.  
Где хруст и лязг возьмут уменя и терпенья,  
чтоб дланью не схватить и не защелкнуть  
пасть?

Сапог — всегда сосед священного сосуда  
и вхож в глаза птенца, им не живать втроем.  
Гость говорит: тех мест писателей союза  
отличный малый стал теперь секретарем.

Однако — поздний час. Мы навсегда простились.  
Ему не надо знать, чьей тени он сосед.  
Признаться, столь глухих и сумрачных потылиц  
не собиратель я для пиршеств иль бесед.

Когда бы этот день — тому, о ком страданье —  
обыденный устой и содержание дней,  
все длилось бы ловца когтистого свиданье  
с добычей меж ресниц, которых нет длинней.

Играла бы ладонь вещницей золотую  
(лишь у совсем детей взор так же хитроват),  
и был бы дну воды даруем ключ ладонью,  
от тайнописи чьей отпрянет хиромант.

То, что ларцом зову (он обречен покраже),  
и ульем быть могло для слета розных крыл:  
пчелит аэроплан, присутствуют плюмажи,  
Италия плывет на сухопарый Крым.

А далее... Но нет! Кабы сбылось «когда бы»,  
я наклонюсь где двойной посул найду?  
Не лучше ль сослагать купавы и канавы  
и наклоненье ив с их образом в пруду?

И все это — с моей последнею сиренью,  
с осою, что и так принадлежит ему,  
с тропой — вдоль соловья, через овраг —  
к селенью,  
и с кем-то, по тропе идущим (я иду),

нам нужен штрих живой, усвоенный пейзажем,  
чтоб поступиться им, оставить дня вовне.  
Но все, что обречем, куда мы денем? Скажем:  
в ларец. А ключ? А ключ лежит воды на дне.

## ДВОРЕЦ

Мне во владенье дан дворец из алебаstra  
(столпов дебелих строй становится полней,  
коль возвести в уме, для общего баланса,  
виденье над-морских, надземных пропилей).

Я вдвинулась в портал, и розных двух диких  
взаимный бред окреп и затвердел в уют.  
Оврага храбрый мрак возлег на подоконник.  
Вот-вот часы внизу двенадцать раз пробьют.

Ночь — вотчина моя, во дне я — чужестранец,  
молчу, но не скромна в глазах утайка слез.  
Сословье пошляков, для суесловья трапез  
содвинувшее лбы, как Батюшков бы снес?

К возлюбленным часам крадусь вдоль коридора.  
Ключ к мертвой тайне их из чьей упал руки?  
Едины бой часов и поступь Командора,  
но спящих во дворце ему скушны грехи.

Есть меж часами связь и благородной группой  
предметов наверху: три кресла, стол, диван.  
В их времени былом какой гордец угрюмый  
колена преклонял и руки воздевал?

Уж слышатся шаги тяжелые, и странно  
смотреть — как хрупкий пол нарядно навощен.  
Белей своих одежд вы стали, донна Анна.  
И Батюшков один не знает, кто вошел.

Новехонький витраж в старинной есть гостиной.  
Моя игра с зарей вечерней такова:  
лишь испечет стекло рубин неугасимый,  
всегда его краду у алого ковра.

Хватаю — и бегу. Восходит слабый месяц.  
Остался на ковре — и поправ изумруд.  
Но в комнате моей он был бы незаметен:  
я в ней тайком от всех держу овраг и пруд.

Мне есть во что играть. Зачем я прочь не еду?  
Все длится меж колонн овражный мой постой.

Я сведуща в тоске. Но как назвать вот эту?  
Не Батюшкова ли (ей равных нет) тоской?

Вспомнила стихи, что были им любимы.  
Сколь кротко перед ним потупилось чело  
счастливого певца Руслана и Людмилы,  
но сумрачно взглянул — и не узнал его.

О чем, бишь? Что со мной? Мой разум сбивчив,  
жарок,  
а прежде здрав бывал, смешлив и незлобив.  
К добру ль плутает он средь колоннад и арок,  
эклектики больной возляпье возлюбив?

Кружится голова на глиняном откосе,  
белясины прочны, да воли нет спастись.  
Изменчивость друзей, измена друга, козни...  
Осталось: «Это кто?» — о Пушкине спросить.

Все-пошлость такова, — ты лучше лоб  
потрогай, —  
что из презренья к ней любой исход мне гожд.  
— Ты попросту больна. — Не боле,  
чем Петроний.  
Он тоже во дворец был раболепно вхожд.

И воздалось дворцу. — Тебе уж постелили. —  
Возможно дважды жить, дабы один лишь раз  
сказать: Мне сладок яд, рабы и властелины.  
С усмешкой на устах я покидаю вас.

Мои овраг и пруд, одно неоспоримо:  
величью перемен и превращений вспять  
лоб должен испарять истому аспирина,  
осадок же как мысль себе на память брать.

Закат — пора идти за огненным трофеем.  
Трагедии внутри давайте-ка шалить:  
измыслим что-нибудь и ошупью проверим  
явь образа — есть чем ладони опалить!

Три кресла, стол, диван за ловлею рубина  
участливо следят. И слышится в темне:  
вдруг вымыслом своим, и только, ты любима?  
довольно ли с тебя? не страшно ли тебе?

Вот дерзок почему пригляд дворцовой стражи  
и челядь не таит ухмылочку свою.  
На бал чужой любви в наемном экипаже  
явилась, как горбун, и, как слепец, стою.

Вдобавок, как глупец, дня расточаю убыль.  
Жив на столе моем ночей анахорет.  
Чего еще желать? Уж он-то крепко любит  
сторожкий силуэт: висок, зрачок, хребет.

Из комнаты моей, тенистой и ущельной,  
не слышно, как часы оплакивают день.  
Неужто — все, мой друг? Но замкнут круг  
ущербный:  
свет лампы, пруд, овраг. И Батюшкова тень.





Б. И. ДАВИДОВ. Род. 1936. РЫБА. 1980.

# КУДА УПАЛО ЯБЛОКО



ПАЛИТРА

**Л**ет двадцать тому назад на стене квартиры своего друга я увидел небольшую темперную работу. Мощный ствол старой яблони возвышался над нежной зеленью, и с невидимой ветви падало в мягкое травяное ложе румяное наливное яблоко — пронзительное на фоне небесной голубизны, окутавшей это беззвучное мгновение жизни. Художник продлил его своей странной властью, и трудно было отвести глаза.

...С Борисом Ивановичем Давыдовым я познакомился в Саратове пять лет назад на его персональной выставке. Переходя от холста к холсту, от портретов к пейзажам, от ярких и точных этюдов «Болгарской серии» к озорным или грустным «человечкам» (окрашенная скульптура), я внезапно вспомнил увиденный двадцать лет назад левкас с падающим яблоком, понял, что это яблоко упало все-таки на землю и возросло плодами...

Б. И. Давыдов после армейской службы поступал в Ленинградскую Академию художеств и... не поступил, хотя представленные рисунки и живописные работы были одобрены комиссией единодушно: «перебил» какой-то специальный набор с «особо отдаленных окраин». Но Саратовское художественное училище уже было за плечами. Сегодня Борис Иванович Давыдов с благодарностью вспоминает одного из своих учителей, Владимира Антоновича Белонovichа:

«Он учил нас всех всему на свете — рисунку, композиции, живопи-

си, — ничего не навязывая, учил, что называется, по-доброму... В то время я был очарован графикой Шмаринова, Дубинского, Кукрыниксов, Конашевича, мечтал иллюстрировать книги. Но вот получил назначение в Саратовское отделение Союза (это еще до неудачи в Ленинграде) и — стал станковистом... Не хочется произносить никаких высоких слов, но все-таки Поволжье — живая природа и ее люди — оказалось сильнее всяких книжных впечатлений».

Я видел не более десятка репродукций его работ в цвете. Правда, две — в юбилейном издании (да еще на пяти языках!) Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева.

А жаль! В его мастерскую приходят друзья и незнакомые люди. Они хотят посмотреть и на большое полотно «Ты гуляй, гуляй, мой конь!», и на новые натюрморты с самоварами и фаянсом, на бесчисленные этюды, на холсты, знакомые ранее по выставкам. Художник Борис Давыдов не любит рассказывать о картинах, о своем ежедневном — с самого





раннего утра — труде у мольберта или с этюдником. Может быть, он прав: пусть говорят сами холсты, подсыхающие на подрамниках или сложенные в штабеля, выставляемые по просьбам вдоль старых и сыроватых стен (мастерская расположена в некогда большой и нарядной церкви).

С уважением и полным знанием дела и судеб рисует пятидесятилетний художник Борис Давыдов сельских и городских людей — вовсе не «простых», вовсе не просто механизаторов или бригадиров, а людей с именем собственным, собственной жизнью, собственным характером. Потому-то и крестьянская изба — не просто изба, а жилье, построенное человеком. Потому-то и всякое дерево кажется живым, посаженным человеком, хранимым им, облюбленным. Потому-то и притягивают полотна Бориса Давыдова знающих и любящих его земляков.

Илья ГОРЕЛОВ,  
профессор  
Саратовского университета

**Б. И. ДАВИДОВ.**  
РОССИЯ. 1918  
(Фрагмент). 1975.



**ТУМАННЫЙ  
РАССВЕТ.**  
1984.





ВО СНЕ

Сон ребенка — песнь пророка.  
От горячего истока  
Все течет, течет до срока,  
И весна гремит далеко.  
Ты забудешь образ тайный,  
Над землею неба нет.  
Вспыхнет кроткий и печальный  
Ранней просины твой свет.  
Ты ушел один с дороги,  
Замер сердцем и упал,  
Путь в пустыне зная долгий,  
Ты, родной мой, тих и мал...

ПОЭТИЧЕСКАЯ  
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ  
МУЗА  
XX  
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Николай РЕРИХ

1874—1947

Крупная фигура русской и мировой культуры: живописец, археолог, протянувший соединительную нить между истоками Древней Руси и истоками буддийской философии. Учился в Петербургской академии художеств у Куинджи, затем у Кормона во Франции. В 1910—1919 годах был председателем общества «Мир искусства». С 1918 года жил за рубежом: в США, затем с 1936 года постоянно в Индии, однако никогда не прерывал своих внутренних связей с Родиной. Стихи Рериха носят притчево-медиативный характер и любопытны, как свободное взаимопереливание христианства и буддизма. Музей Рериха существует в Нью-Йорке.

КЛЮЧ ОТ ВОРОТ

Волшебником буду сегодня  
и неудачу в удачу я превращу.  
Заговорили молчавшие.  
Обернулись назад уходящие.  
Закивали все грозные.  
Поникли все угрожающие.  
Мысли пришедшие как голубь  
залегли для управления миром.  
Самые тихие слова принесли  
бурю. И ты шел, как тень  
того, что должно наступить.  
И ребенком ты станешь,  
чтобы стыд не мешал тебе.  
Ты сидел у проезжих ворот,  
доступных для каждого плута.  
Спрашивал, кто хочет тебя  
обмануть? Что тут удивительного?  
Удачливый охотник найдет  
достойную охоту. Найдет вне страха.  
Но получив удачу свою,  
уходя, знаю я, что не всех  
из вас я увидал. Лучшие  
встречи остались без  
завершения. И много добрых  
мимо прошли или еще  
не дошли. А я их не знал.  
И переодетым я сидел между  
вами. И вы закутались  
в разные ткани. Молча  
хранили заржавленные ключи

1917

от ворот.

Александр  
ЧИЖЕВСКИЙ

1897—1964

Выдающийся русский биофизик  
мирового масштаба.  
Установил взаимозависимость  
циклов активности Солнца  
с явлениями в биосфере.  
Был близок к идеям  
философа-идеалиста Н. Федорова,  
встречался с Циолковским.  
Всю жизнь писал стихи, которые  
драгоценны тем, что представляют  
одну из многочисленных граней  
этого гармонического дарования.

Как странно лист шуршит полночною  
порой;  
Как странно лунный лик склонился  
над горой;  
Как странно властвуют деревья  
очертанья;  
Печален этот час тоски  
и созерцанья!  
Не узнаю тебя, знакомый  
старый сад;

Не узнаю тебя, луны недобрый  
взгляд;  
Не узнаю я вас, деревья и поляны;  
Вы в онемении, вы точно  
бездыханны!  
Не узнаю тебя,  
мой беспокойный дух,  
Как будто бы и ты безропотно  
потух;  
Не оттого ль — скажи, — что лист  
шуршит осенний  
Без веры, без надежд весенних  
воскресений?

Юрий АННЕНКОВ

1889—1974

Причудливо сложилась  
судьба у мальчика,  
родившегося в конце XIX века  
в Петропавловске-Камчатском.  
Щедры одаренный рисовальщик,  
принадлежавший не к тем,  
кто владеет линией,  
а к тем, кем владеет она,  
он занимался перед  
первой мировой в училище Штиглица  
в Петербурге,  
затем у Валлоттона в Париже.  
Анненков прославился  
изумительными рисунками  
к первому изданию поэмы  
Блока «Двенадцать», создав, как будто  
рожденные самим вихрем революции,  
визуальные метафоры разгула,  
хаоса, отчаяния, кровопролития,  
надежд.  
Вместе с Маяковским Анненков  
принимал участие  
в пропагандистском декорировании  
Петрограда.  
Однако навалились  
другие времена, не сулящие  
изобразительному искусству  
ничего хорошего.  
Анненков уехал за рубеж,  
сотрудничал в лучшем  
иллюстрированном альманахе  
«Жар-птица», занимался  
портретированием, работой в театре.  
Незадолго перед смертью  
выпустил в Париже двухтомник  
воспоминаний.  
Ранние стихи Анненкова  
говорят о его многообразной  
талантливости.

1/4 ДЕВЯТОГО

Утром стало известно,  
что в высшей  
обители,

Там, в заплеванных небесах,  
Удар неизбежный и мстительный  
Пробьет на синих часах.

Не потому ль у кофейни  
Филиппова

Такой многолюдный праздник:  
Смотрят, как бьется, всхлипывая,  
Приговоренный к казни?

Не потому ли пророчат побоище  
В очередях на хлеб и керосин,  
И так странно, что мечется все еще  
Земля на своей оси?

На площади было безумно весело  
Под тяжестью синего неба.  
Парламент без пюпитров и кресел,  
Ни трибун, ни председателя не было.

О, как замечательно говорил  
палач,  
Который в рубахе из красного шелка!  
Оскалила зубы морда собачья,  
Чересчур похожая на волка...

Возражал господин в пенсне  
черепашковом  
С семицветным сиянием стекол...  
(Только немножко неприятно пахло  
От женщины, стоявшей около.)

Решили всюду послать гонцов  
Во имя высшей земной  
справедливости.  
Так кричали, что в конце концов  
Многих пришлось вывести.

А когда зажглись зеленые свечи, —  
Все услышали, как задышался  
глухо  
Секретарь собрания, совершенно  
изувеченный,  
С маленькой родинкой у самого уха.

День устал от жарких усилий,  
От уколов тоски земной.  
Переулки слепые вкусили  
Запыленный, тяжелый зной.

Было много выбитых окон  
И разорванных штор.  
Ключья людского потока  
Больно хлестали взор...

Торопился, одетый скромно,  
Его не понял никто...  
Запах оставленных комнат  
Унес на своем пальто.

За перроном Финляндского  
вокзала,

Не утешая, не говоря,  
Острую боль слизала  
Встреченная у фонаря.

И над всеми, теряясь в звездах,  
Вырос пожелтевший скелет...  
За вагонами выстрелил в воздух  
Мальчик пятнадцати лет.

За окном сгустился желтый вечер.  
Кривая тень от меня легла...  
Близок час неизбежной встречи  
У намеченного угла.

Слышу — тяжело стучат копыта,  
Слышу ржание лошадей.  
Медленно вывозят орудия пыток  
По радиусам черным площадей.

Уже распят неистовый рабочий  
Толпой звереющей кликуш.  
Все жалобнее, все короче  
Проклятья отрешенных душ.

Томлюсь в квадратах черной рамы,  
Открытый ужасом, пока  
Стеклянную луну Дарама  
Не зажжет моя рука.



**П**усть простит меня читатель, но мои воспоминания об Олимпиаде в Сеуле, возможно, будут казаться несвязанными, вне всякой хронологии. Такими Олимпийские игры остались в моей памяти, такими я постараюсь их и донести до вас. Наверное, надо бы как-то по-другому, более связно и последовательно. Но почему-то вспоминаются не дни — один за другим, а события, ситуации, эпизоды, касавшиеся всех или одного меня...

**Н**а финал этот летели из Австралии и США, Японии и Канады, Европы и Китая, болельщики специально отменяли дела, встречи, приурочивали отпуска, чтобы 24 сентября в 13.30 оказаться на Олимпийском стадионе в Сеуле и увидеть все собственными глазами. Грандиозный финал. Два самых быстрых человека планеты должны были выяснять все-таки, кто из них быстрее. Последнее время оба, не сговариваясь, уклонялись от очных встреч, откладывая главный спор до Олимпиады. При этом каждый в предолимпийских интервью заявлял, что победит именно он, иначе быть не может!..

Бен Джонсон и Карл Льюис. Мировой рекордсмен на стометровке и четырехкратный чемпион Олимпиады в Лос-Анджелесе. К моменту старта счет их личных встреч был 8:7 в пользу Джонсона. Ближе к финалу телевидение, как заведенное, подогревало ажиотаж, показывая победные финиши то одного, то другого спортсмена. Журналисты покинули все остальные спортивные арены Сеула, стараясь очутиться на стадионе пораньше, чтобы занять самые выгодные места — напротив финиша. Стояло солнце, прибывали почетные гости, стадион гудел, стонал от нетерпения...

А потом был изящный, блистательный бег Джонсона, успевшего на финише оглянуться на поверженного соперника, поднять победно руку и стать в одно мгновение главным героем Олимпиады.

И дальше — все было так же красиво. Он сообщает всем, что эту победу и этот мировой рекорд посвящает своей маме. Президент Международного олимпийского комитета Х. А. Самаранч лично вручает победителю золотую медаль. Премьер-министр Канады по телефону поздравляет Джонсона с победой, и этот разговор транслируют по телевидению, а затем подряд десять, сто, тысячу раз, из разных точек, сверху, снизу, сбоку, отовсюду — показывая победный бег чемпиона.

Что было потом — вы знаете. Главная победа Олимпиады через два дня превратилась в главное ее поражение.

Утром, в восемь утра, я, как обычно, включил телевизор, но вместо традиционного обзора главных событий минувшего дня комментаторы на всех каналах повторяли одно имя — Бен Джонсон. На завтраке, в кафетерии пресс-деревни, обычно говорливый, гудящий зал был тих, все молча следили за большим экраном монитора: корреспонденты Эн-би-си брали интервью у специалистов, тренеров, спортсменов, и опять у всех на языке было одно имя — Бен Джонсон. В девять утра мы были в большом зале пресс-центра. Журналисты с трудом протискивались, пихая и отталкивая коллег, но ни стоять, ни сидеть в зале уже было невозможно. Все уже было ясно и так, но журналисты ждали официального разъяснения МОК. Наконец представитель медицинской комиссии сообщил: «Ана-

лиз мочи Бена Джонсона (Канада, легкая атлетика, 100 метров), взятой в субботу, 24 сентября, обнаружил наличие в ней метаболитов запрещенного препарата — станозолола (стероидный анаболик)».

Это был, пожалуй, самый тяжелый день Олимпиады. Почему-то было неловко смотреть друг на друга, будто и мы в чем-то виноваты. Ничьи победы не радовали, я глядел на очередного чемпиона и думал: а если и этот попадется?..

Бесстрастный телетайп тут же отреагировал на крах Джонсона сообщениями из Японии, Канады, Италии о разрыве рекламных контрактов с бывшим чемпионом. Фирмы «Диадора», «Киодо ойл», «Мазда» и другие почти одновременно сообщили, что больше не видят возможности пользоваться услугами канадского спортсмена. Тут же были подсчитаны его «потери», они составили около 10 миллионов долларов.

Днем Джонсон улетел из Сеула. Он был в шоковом состоянии. Казалось, до сих пор не понял, что с ним случилось. Пограничники сделали штамп в его паспорте, обезумевшие журналисты в последний раз попытались хоть что-то выведать у бывшего героя, но он молчал. Самолет с Джонсоном улетел, а мы остались.

Потом несколько дней все разговоры шли на одну, допинговую тему, и я услышал миллион мнений о случившемся, начиная от таинственного слуха о вредителях, подкинувших Джонсону воду с допингом, и заканчивая версией, что все спортсмены колются, только одни попадают, а другие, более хитрые и опытные, — нет. А Джонсон в этот раз либо промахнулся с дозой, либо не смог вовремя вывести препарат из организма. К тому моменту руководство болгарской спортивной делегации сняло свою легендарную, увенчанную многочисленными победами команду по тяжелой атлетике с дальнейших соревнований, все по той же причине — допинг, у двух чемпионов были обнаружены в организме запрещенные препараты, венгерский штангист также был вынужден распрощаться с медалью... И уже не террористы, не студенческие волнения, а допинг вырос в главную проблему XXIV Олимпийских игр в Сеуле.

Нам всем дали повод задуматься над тем, что же нынче происходит в большом спорте. Да, современные Олимпийские игры — вовсе не то, что задумывал, возрождая их, великий Пьер де Кубертен, это понятно всем. Спорт стал профессией и превратился во всемирное зрелище, шоу, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сейчас за каждой победой спортсмена стоят хорошо отлаженный государственный механизм, включающий высококлассных тренеров, врачей, ученых, отлаженную систему отбора перспективных детей, систему их подготовки, и, наконец, то, что раньше скрывалось, — систему денежных стимулов, материальных поощрений.

На этой Олимпиаде страны третьего мира завоевали 12 процентов медалей, это мало. Но и эта цифра не должна никого вводить в заблуждение, потому что практически все медалисты тренировались в США или других развитых странах. Третий мир уже не в состоянии тягаться со странами, в которых спорт получил государственную поддержку.

Но все же вернемся к допингу. По мнению большинства обозревателей, Бен Джонсон стал жертвой сегодняшней системы большого спорта, когда в погоне за славой и бешеными



гонорарами спортсмены готовы идти на все. Многие выдающиеся спортсмены, например такие, как Кассиус Клей, Джесси Оуэнс, тот же Бен Джонсон, вышли из низов общества, и спорт был для них единственной возможностью подняться вверх, утвердиться в этой жизни. Чтобы остаться на вершине, Джонсон рискнул воспользоваться запрещенными препаратами. И заплатил за это.

Как бы подытоживая «дело Джонсона», председатель медицинской комиссии МОК Александр де Мерод сказал: «Шок от этого известия заставил людей трезво взглянуть на действительность. Это единственный положительный фактор в этом крушении».

**О**лимпиада в Сеуле — это самые компьютеризированные игры, если можно так выразиться, из всех проведенных. Зеленые экраны с клавиатурой стояли повсюду — на спортивных аренах, в Олимпийской и пресс-деревнях, в фирменных спортивных магазинах, ну и, что для нас самое главное, во всех пресс-центрах Олимпиады.

Я задавал, казалось бы, элементарный вопрос своим коллегам, которые работали еще на Токийской и Мексиканской Олимпиадах: как тогда обходились без компьютеров? Люди сначала самоуверенно говорили — обходились, потом задумывались, потом удивлялись и в конце концов говорили — совершенно непонятно, как обходились?!

Без этого скромного экрана с клавиатурой я бы вообще пропал.

Я — жуткий болельщик. В том смысле, что во время Олимпиады готов часами и не отрываясь следить за победами, поражениями, за всеми событиями, происходящими на спортивных аренах. Что я всегда и делал, устраиваясь уютно у телевизора, когда приходила пора очередной летней или зимней Олимпиады. В этот раз я был впервые аккредитован на Олимпийские игры, и можете себе представить, как радовался этому замечательному событию в жизни советской журналистики.

И каково же было мое удивление, когда уже к третьему дню соревнования я вдруг понял, что Олимпиада идет мимо меня, я ничего не знаю, что здесь происходит. За день в идеальном случае успеваешь побывать на трех аренах, но в это время на пятнадцати других происходят не менее увлекательные и интересные события. Вот какая парадоксальная ситуация, вроде бы находишься на Олимпийских играх, вроде бы должен больше всех знать, а на самом деле все проскакивает мимо тебя.

И вот к третьему дню, когда вместо радости все чаще стал испытывать раздражение из-за упущенных соревнований, я сел за клавиатуру компьютера, увидел слова: «Результаты сегодняшнего дня», и замечательный компьютер предложил мне на выбор любой из видов спорта. Я нажал другую кнопку — «Баскетбол», и на зеленом экране загорелись все результаты сегодняшних матчей. И стартовые протоколы, и кто сколько забил, и кто как бросал, и... В общем — все. Я нажал еще одну кнопку, принтер зажуужал и через минуту отдал мне все уже в отпечатанном виде.

Кстати, о принтере. Его, а также всякую другую множительную аппаратуру в Сеуле можно купить повсюду, в больших магазинах и в маленьких. Например, меня поразил магазинчик множительной техники, площадью примерно 2 × 2 м, расположившийся прямо в подземном переходе. Рядышком продавали бюстгальтеры, носки, кроссовки и прочую мелочь. Так вот, замечательный, удобный, легкий, кабинетный «ксерокс» можно было купить прямо в подземном переходе, и недорого. Но, если бы я его купил, привезти домой ни за что бы не смог — запрещено. И так, в Южной Корее «ксероксы» продаются повсюду, в том числе и в подземных переходах, а у нас по-прежнему относятся к нему как к орудию диссидентов...

Но вернемся к компьютерам. Их очень быстро освоили и спортсмены, которые стали с их помощью посылать друг другу короткие записки и длинные



послания, объясняться в любви и назначать друг другу встречи, ну и плюс каждый имел возможность получить исчерпывающую информацию по любому вопросу, касающемуся Олимпиады, ее участников и т. д.

В конце концов у меня возникло ощущение, что компьютер знал все, к тому же — обо всех. Это было как-то подозрительно, но очень здорово и полезно.

Ну а программисты говорят, что к следующей Олимпиаде в Барселоне им удастся засунуть в память компьютера информацию, во много раз превышающую нынешние объемы. Что же тогда будет знать компьютер?!

**К**ак это ни странно, но не в Соединенных Штатах, а в Южной Корее я вдруг понял одну отличительную черту американцев. Тут она проявилась в полной мере. Американцы везде, где бы они ни очутились, пытаются устроить себе пусть небольшую, но Америку. Они хотят всюду, в любой точке земного шара быть дома. Они на время скупают отели, рестораны и дома, занимают трибуны, дискотеки, залы и из всего пытаются сделать свою уютную родную Америку. Черта эта сама по себе, может быть, и ничего, но у хозяев она вызывает, прямо скажем, глубокое раздражение.

Во время Олимпиады президенту НОК США Роберту Хэлмику пришлось чуть ли не каждый день приносить извинения за свою команду. И все началось уже с первого дня, когда во время открытия американцы отказались подчиниться общепринятым правилам и пригрозили бойкотировать праздник. В результате церемония вышла, так сказать, из графика на 15 минут. Инцидент с американскими пловцами, пытавшимися похитить из ночного бара старинную маску стоимостью свыше восьмисот долларов, еще больше возмутил южнокорейцев. Вообще американцы отличались удивительной недисциплинированностью. «Нью-Йорк таймс» даже привел слова американского легкоатлета Уилли Бэнкса: «Мы приехали сюда и забыли, что мы в гостях. Мы подумали, что это Лос-Анджелес, где все уже привыкло к нашим безумствам».

При этом выходки военнослужащих США, расквартированных в Южной Корее, не добавляли симпатий к американцам. Например, солдаты по ночам повадились срывать национальные флаги стран — участниц Олимпиады. Конечно же, делали они это отнюдь не из идеологических соображений. Им хотелось иметь флаги в качестве сувениров. Такие забавы...

В поступках американцев, приводивших хозяев, мягко говоря, в замешательство, чаще всего не было злого умысла. Повторюсь, во всем этом проявлялся характер американцев — всюду, всегда, в любом месте устраивать себе большие и маленькие радости. Если в метро, на стадионе, на улице, в магазине, где угодно хочочут громче всех, орут, шумят, веселятся, но не в связи с победой, а просто так, знайте, даже и на аккредитационную карточку глядеть не надо, — это американцы.

Кажется, в последний день президент сеулского оргкомитета Олимпиады сказал: «Я старался быть терпеливым к поведению американских спортсменов. Я понимаю, что они еще молоды. Но я хочу посоветовать им: в чужой стране нужно вести себя лучше, чем дома».

**К**ак вы понимаете, не оттого, что я такой ленивый, а журнал наш такой странный, мы публикуем этот материал чуть ли не месяц спустя после закрытия Олимпийских игр. Нет, все гораздо проще: цветные фотографии засылались нами в набор, когда Олимпиада еще была в разгаре, а опубликовать их наши технологические циклы позволяют только сейчас.

Мы отстали от передовой западной полиграфической технологии катастрофически. Все крупнейшие журнальные еженедельники давали отчеты с Олимпиады, и, конечно же, с цветными фотографиями, отставая от события всего на один день. На всех спортивных аренах «Тайм», «Ньюсуик», «Штерн», «Пари Матч» и подобные им солидные и крупные издания имели зарезервированные места с мониторами на всех олимпийских объектах, благодаря чему журналисты, находясь в любой точке Олимпиады, могли следить за всеми событиями, происходящими на играх.

Практически все материалы передавались в редакцию с помощью телефонной связи с портативного компьютера. Всюду ценится информация, которая, к нашему отечественному сожалению, бывает, как и осветрина, только первой свежести. Наша информация обычно имеет свежесть №2. Поэтому практически уже никому не нужна.

Не потому, что они пихоны и деньги им некуда девать, ЮПИ, Ассошиэтед Пресс, Рейтер сняли в пресс-центре Олимпиады огромные залы и привезли несколько сот сотрудников. Просто в результате именно информация этих агентств была самой оперативной. Канадские журналисты рассказывали, что, когда они узнали о скандале с Джонсоном (казалось бы, самими первыми, почти что из первоисточника) и примчались к отелю, где проживал спортсмен, а было это в четыре утра, там уже дежурили корреспонденты ЮПИ и АР, с усмешкой поглядывая на своих нерасторопных коллег.

Практически все крупные западные издания арендовали во время Олимпиады по несколько машин, и снова по Сеулу яркие автомобили с названиями всюду читаемых журналов, все старались друг друга перегнать, чтобы главную новость своему читателю сообщить самым первым.

Как вы отлично понимаете, у «Огонька», а в данном конкретном случае у меня, не было ни компьютера, ни автомобиля, ни монитора. И по большому секрету скажу вам, что на самом деле ничего этого мне было и не нужно. Потому что какая разница, окажусь я первым или последним, передам информацию через компьютеры или отстучу на машинке, как делаю это в данную минуту, и сам привезу в Москву самолетом?.. Все это без разницы, потому как фотографии все равно нужно ждать три недели, так долго они печатаются на нашем полиграфическом оборудовании.

И при этом «Огонек» все равно умудрился завоевать признание в современном мире. В Сеуле моя визитная карточка с изображением «Огонька» открывала мне двери в любые офисы, к любым знаменитостям. Деловой, журналистский, спортивный мир знает наше издание и относится к нему в большинстве своем с искренней симпатией.

Но не воспользоваться той благоприятной ситуацией, которая сложилась сейчас в мире вокруг «Огонька», было бы величайшей глупостью. Сейчас журналу навстречу могли бы пойти десятки фирм, чтобы «Огонек» по своей технической оснащенности встал вровень или по крайней мере подтянулся к крупнейшим мировым журнальным изданиям.

Во всяком случае, понятно одно, жить в каменном полиграфическом веке, в котором живет сегодня «Огонек», нельзя, просто невозможно.

**Б**ыло несколько загадок, которые разгадать я так и не смог. Например, такая: почему трибуны залов, стадионов в большинстве своем так и не заполнились? Даже на финалах. Даже во время стартов и поединков выдающихся спортсменов. Олимпийский стадион во время стартов легкоатлетов больше чем на 70 процентов не заполнялся, а ведь там происходили такие драмы, такие события, бушевали

такие страсти!.. На мужском баскетбольном финале (!), я прикинул на глаз, было свободно около пятисот мест. И так — всюду. Это всем казалось очень странным, тем более зная, каким событием для южнокорейцев являлась эта Олимпиада, сколько сил, старания вложили жители города в этот праздник, как долго ждали они его.

Разные люди и этот феномен мне объясняли по-разному. Одни говорили, что большинство олимпийских видов для хозяев малознакомо и малоинтересно, у них есть традиционно любимые соревнования по дзюдо, тхэквондо, настольному теннису, туда южнокорейские болельщики и ходили, там трибуны заполнялись до отказа. Другие как-то туманно выражались, что сеульцы просто перегорели. Так долго ждали этот праздник, что когда он наступил, сил на нем присутствовать уже не было. Третьи считали, что просто на соревнования некому ходить: все работают, школьники и студенты учатся, ни дополнительных каникул, ни лишнего отпуска в связи с Олимпиадой ни у кого не было.

В общем, не знаю, как там на самом деле, но можно констатировать, что это были единственные за последнее время игры, на которых перед болельщиками практически не стояла проблема лишнего билета. Хочется надеяться, единственные и последние. Все-таки гораздо веселее и приятнее, когда стадионы, спортзалы, арены набиты до отказа!

Хозяева удивили всех нас с другой, приятной стороны. На матчах, в которых участвовали советские спортсмены, южнокорейцы вдруг начинали за нас болеть, да еще с такой страстью, азартом, так громко и шумно, с таким вдохновением и такой преданностью, какая и не снилась нашим болельщикам. Рукописные плакатики, красные буквы «СССР» мелькали на всех трибунах Олимпиады, что было особенно приятно еще и потому, что наших туристов в Сеуле практически не было, и без этой поддержки советским спортсменам было бы совсем грустно.

Кажется, так никто и не нашел объяснений, почему именно к советским людям обернулись симпатии хозяев Олимпиады. Они были равно гостеприимны и доброжелательны ко всем приехавшим на игры, но почему-то при слове «Советы» или «Москва» южнокорейцы вдруг начинали искренне радоваться, произносить международное междометие: «О-о-о!», пожимать руки...

Прошло уже немало времени, а я до сих пор не могу забыть южнокорейских юношей и девушек, которые помогали нам, советским журналистам, чувствовать себя в пресс-деревне почти как дома. Каждое утро они провожали нас, каждый вечер с большой радостью встречали. Они изо всех сил старались говорить по-русски, чтобы сделать нам приятное, и это у них вполне получалось.

И, конечно, вряд ли я забуду эпизод, когда в аэропорту мне на помощь бросились буквально десяток добровольных помощников. Таксист случайно привез меня не к тому терминалу, и немедленно на всевозможных языках — английском, французском, немецком, — мне принялись объяснять, что делать. Когда, наконец, стало ясно, куда двигаться, хозяева не отпускали меня одного уже ни на секунду, вчетвером они довезли меня до другого терминала, дождались, пока я зарегистрирую билет, и только после этого попрощались со мной. Мягко, скромно, как только и могут южнокорейцы...

С первого дня и до последнего во время Олимпийских игр все тщательно и с большим вдохновением подсчитывали медали, кто сколько получил, завоевал и все такое прочее... Подсчет этот назывался неофициальным, но в связи со всеобщим ажиотажем у меня было такое впечатление, что именно это и есть главное соревнование Олимпиады — кто победит: русские, американцы, спортсмены ГДР...

Я уже писал, что с большим удовольствием этот неофициальный подсчет медалей отменили бы раз и навсегда.

Да, мы завоевали больше всех золотых медалей, да и в сумме опередили всех, позади нас спортсмены ГДР и США, ну и что? Любимый специалист, да и не только специалист, скажет, как и насколько мы отстали от обеих стран в организации физкультуры в школах и вузах, в предоставлении спортивных услуг населению и т. д., то есть в развитии массовой физкультуры.

Больше всего я боюсь, что эта грандиозная победа вскружит голову нашим спортивным руководителям и они скажут себе: «Раз мы так победили, значит, мы шли и идем правильной дорогой». На самом деле, мне кажется, все не так! Мы шли неправильным путем, хотя он и привел нас к победам. Принося в жертву детский и массовый спорт, мы сконцентрировали все силы на подготовке единиц, отдельных, самых перспективных спортсменов. Шумно выигрывая в малом, мы тихо-тихо проигрываем в большом.

Конечно же, это отдельная тема для серьезного разговора, и так, скороговоркой, наверное, и не стоит больше на ней останавливаться. Мне просто хотелось обратить внимание на главное — сегодня абсолютно ясно, что существует два совершенно разных спорта: массовый, для нас, для всех, и особенно для детей, и большой спорт, со всемирной славой, крупными гонорарами, с измотанным здоровьем. И совершенно ясно, что не может большой спорт жить и существовать за счет спорта массового, во вред ему, отбирая у него по сути все — деньги, тренеров, базу... Боюсь, что зонкие речи о победах могут заглушить этот необходимый разговор.

**Я** спокойно отнесся бы к поражению любых звезд, потенциальных победителей, и вообще для меня почему-то важен сам процесс борьбы за победу. Кто конкретно победил — это дело второе.

И все-таки про одного спортсмена я помнил все время и ему одному желал победы.

Владимир Сальников, олимпийский чемпион в плавании на дистанции 1500 метров.

В 1980 году он выиграл Олимпиаду в Москве, установив феноменальный рекорд, но на XXII игры не приехали американцы из-за политических интриг своего правительства. Американцы, главные соперники в плавании... И очный спор пришлось отложить на четыре года. Сальников мог выиграть Олимпиаду в Лос-Анджелесе, но не выиграл. В США мы не поехали. То решение о неучастии советских спортсменов в Олимпийских играх сломало и искалечило не одну судьбу. Четыре года готовиться к своему главному старту, а потом наутро вдруг узнать, что там, наверху, за тебя уже все решили...

Сальников, как атлант, взвалил на себя груз этого безумного восьмилетия и с этой тяжестью приехал на свой последний олимпийский старт. Я знал, что в него уже почти не верят. Мы ужасно любим планировать, так вот, ему было запланировано поражение.

И когда он плыл последние двести метров, я молил об одном — Сальников должен быть первым. Пусть у его соперников не хватит сил, пусть они отстанут... Да, я знаю, так нельзя, нельзя желать такого соперникам, но Сальников должен быть первым.

Все соперники прекрасно доплыли до финиша, и сил им вроде бы хватило. Но только Владимир Сальников все равно был первым.

Я не остался на награждении. Это уже было не важно. Я пошел бродить по Олимпийскому парку. Я глядел на счастливых, веселых, танцующих олимпийцев, болельщиков, хозяев города и думал, что как это ни странно, а все-таки в конце концов и в нашем мире добро иногда побеждает.

Как в сказке.



Начало на стр. 2.

трудности в экономике; но тем не менее были блистательные успехи.

Конечно, в Польше прежде всего был упадок, социальный, экономический, который удивительно совпадает с национальными проблемами.

— **Вы имеете в виду Польшу сегодняшнюю?**

— Да. Но и тогдашнюю. Конечно, сравнивать трудно, та Польша входила в состав империи. Но есть все-таки уроки прошлого.

— **Какие?**

— Периоды прямого зажима, ограничения давали взрыв. Наступал период уступок. Так было в Польше после 1863 года. После восстания.

— **Какие уступки?**

— Польские, литовские, белорусские крестьяне получили сразу такие уступки, которых российские крестьяне в 1861 году не получили. Тем самым было вырвано оружие у шляхты.

Тогдашняя русская администрация действовала лихо.

Но тут еще один момент любопытен. Формула Герцена: мы с Польшей, потому что мы за Россию. Это нам нужно. Не то, что мы «идем на уступку другим народам». Нет, это нам нужно. Их свобода освобождает и нас. Благотворно действует на нас. Об этом говорит огромный опыт XIX века.

— **Можно вспомнить: «Нельзя быть свободным народом, угнетая другие народы...»**

— Ну да. Это Маркс говорил. И Герценовское «Мы с Польшей, потому что мы за Россию», по-другому сказанное, но то же самое.

Я выскажу мысль, что те движения, мощные движения, которые были в начале восьмидесятых, — «Солидарность» и прочие (я оставляю в стороне сейчас перегибы, экстремизм — не будем углубляться), — лишь скажу, что все это, безусловно, повлияло на нас. Будущий историк это докажет. Более того, я уверен, что многие мыслящие люди в начале восьмидесятых, когда были волнения в Польше, думали о нашем будущем, осмысливали получаемые уроки.

— **Мы всегда говорим, что Россия влияла на Польшу.**

— Да, но было и обратное.

— **Для меня были полной неожиданностью выступления рабочих в Польше. Можно было ожидать чего угодно. Мы привыкли в мире к студенческим движениям, национальным выступлениям, офицерским революциям. А в Польше мощное движение рабочего класса, о котором в наших интеллигентских беседах о «движущих силах» мы порой забывали.**

— Тут о теории надо думать и думать. Считалось, что время чистых народных движений прошло. При нынешних государствах, при современной системе контроля и подавления — это все будто бы не работает. Невозможно. Меж тем за последние годы я вижу два чисто народных движения. Хотя и противоположных. И тем не менее их противоположность, возможно, говорит о какой-то общей черте. Два исторических факта, когда народ, действуя снизу, оказывался гигантской силой, против которой все современные средства бессильны. Я имею в виду Польшу и Иран.

Иранская революция консервативна, мы видим ее черные стороны. Но надо признать — огромная роль народа.

— **А разве армянское движение в этом смысле, не оценивая его позитивность или негативность, а просто по массовости, по включенности в него огромных толп народа — не в этом ли яд?**

— Национальные и религиозные моменты могут играть роль колоссальных катализаторов, двигателей. Мы это недооценивали.

— **А в Польше 80-го года, с вашей**

**точки зрения, была и национальная окраска?**

— Начали рабочие. Сыграла немалую роль интеллигенция. Крестьянство вело себя сравнительно спокойно. Интеллигенция, служащие, горожане — вот движущие силы. В Иране ситуация иная. Но и там шах, обладая американской техникой, электроникой, ничего не мог сделать. Поднялась дикая, огромная сила.

Вот это — новое.

А мы долго твердили: прошла эпоха, когда брали Бастилию. Сейчас, мол, не возьмешь.

— **Чему же учит время? И может ли чему-то научить нас, где иная ситуация: движение сверху?**

— Учит тому, что у масс есть колоссальные резервы. Пониманию, что массы не просто объект воздействия. В этом я вижу исторический урок этих движений.

— **Итак, с одной стороны, революция сверху. У нас в России есть немалый в этом опыт. С другой стороны, современный мир демонстрирует как бы забытые, как будто оставшиеся в прошлом массовые революционные движения, казавшиеся несовместимыми с современной цивилизацией. И вдруг так забурлило, так охватило массы людей общей целью — нет, такое казалось нереальным. Огромная энергия собирается, как грозная туча, и может разразиться молнией, взрывом.**

— Или бескровным вариантом, как в Польше.

— **Что же отсюда следует? Чего мы хотим избежать, а что стимулировать? Хотим революций сверху? Мы что же, больше не зовем массы на баррикады?**

— Вы хорошо сказали: зовем! Зовем, это значит, инициатива все-таки наша. А ведь бывает, и звать не надо. Я думаю, есть два варианта, и история учит этому. Один: массовое движение, охватывающее огромную страну. Оставим Польшу и Иран, вернемся в Россию. Вспомните бунты. Пугачевский бунт, охвативший полстраны. Разинская крестьянская война. Или религиозное движение раскольников. Миллионы людей уходили в Сибирь, терпели муки, сжигали себя.

Были движения, которые отрицали режим и составляли крайнюю опасность для государства в любое время. Причем они, как показывает практика, особенно могучи там, где сильны патриархальные, религиозные настроения. Эти движения связаны и с развитием, и с отсталостью, если угодно. По-видимому, таких движений всегда боялись у нас. В этом одна из причин, почему Сталин, Брежнев и даже Хрущев всегда старались ограничивать массовость.

— **Так все-таки чего хотим? Революций сверху? Хотим зажать массы? Чему учит, как говорится, опыт проклятого царизма?**

— Царизм здорово использовал народные массы. Кто Наполеона разбил? Действительно, народная война. Сибирь кто освоил? Народ. Гигантская активность российского народа, неприхотливость. Та власть, старинная, очень боялась, что эта активность приведет к воле. Так и бывало — казаки! Или Пугачев. На том уровне та власть инстинктом своим нашла канал, по которому можно было направить как бы в бетонированные берега этот поток, и он работал на них. Народ, который все мог, в итоге погружался в закабаление.

— **Каким образом?**

— Скажем, в 1612 году Минин и Пожарский освободили Москву — царя не было! Тут же выбрали царскую династию. Никто же не попросил демократии, освобождения крепостных: наоборот, через 30 лет крепостное право окончательно оформилось. Сказалось отсутствие сознательности, отсутствие лидера в виде буржуазии.

Все говорили о качествах русского

солдата. Суворов, например, Петр Великий. Но ведь это не просто исполнительность — активность. Суворов на активного солдата опирался. Предполагалось, что этот солдат против режима не пойдет. И мы знаем, что декабристы смогли вывести солдат на площадь только под лозунгом «Да здравствует царь Константин!».

Резюмирую: старая власть использовала огромную энергию масс в своих интересах.

— **Во времена Сталина огромная энергия масс использовалась с не меньшим успехом.**

— Да, можно провести прямую аналогию. Войну выиграли. Энергия огромного размаха и одновременно недостаточность демократического сознания.

Трагедия людей: сражались за свое дело, не думая о критике, не противопоставляя себя тираническому руководству.

Но тем не менее власть, Сталин и не только он очень боялись, что массы всерьез проснутся. Поэтому всячески держали массы в большом повиновении, и все средства информации, агитации, запугивания были направлены на то, чтобы люди не рассуждали. Нигде. Ни в местных Советах, ни в Верховном.

Массы рассматривались как гигантская исполнительная сила.

— **Считали так: либо исполнительная сила, либо Польша, Иран?**

— Но есть и третий вариант. В этом открытие Горбачева. Оно состоит в том, что возможна направленная активизация масс. Есть середина между крайностями сталинскими и, скажем, иранскими. Есть середина. Это активизация масс, объединенных идеей собственного, скажем, благосостояния.

Нынешнее руководство считает возможным увеличить активность масс, чего предыдущее боялось.

Власть у нас сейчас революционная, ей противостоит консервативная часть аппарата. Как справиться с ней?

Путем смещения, изменения структуры, но этого мало.

Нужна некая сила снизу. Взять аппарат в клещи между активной верховной властью и сравнительно активной массой.

— **Это советы трудовых коллективов, многовариантность выборов, кооперация?**

— Да. И еще народный фронт, творческие союзы. Разные формы. Вспомните и китайский опыт. Там была активизирована масса, но активизирована до известного предела: «на длинном поводке». Однако аппарат в Китае испугался этой массы.

Я думаю, сейчас делаются шаги в сторону активизации масс, но не бездумно. У нас не принято об этом говорить, но речь идет о том, что резервы масс не исчерпаны. Хотя вообще-то власть должна бояться стихийности, но ничего пока страшного. Это будет полезно для борьбы с аппаратом. Я так понимаю.

— **В этом плане объединение в одном лице партийного и советского лидера наполняется определенным смыслом. Соединение активной управляемой массы и одновременно подконтрольности аппарату, центральной власти.**

— Это поиск, как уйти от сталинско-брежневской пассивности масс, и одновременно отрицание полной бесконтрольности. Это и есть революция сверху, которая стремится активизировать массы, тем самым создавая себе фундамент.

Власть организует революцию, поощряет движение снизу, но до известных пределов. Не в анархическом смысле. Потому что массы, с одной стороны, против аппарата, против бюрократизма, чтобы лучше жить, а с другой стороны, видите, конференция показывает столько предрассудков, неизжитого рабства, нужно определенное воспитание.

— **У нас структура все-таки дру-**

— У нас даже массы организуются сверху. Как не вспомнить русского журналиста, который в XIX веке писал: «Мы какая страна? Петр Великий приказал нам быть просвещенными — мы просветились. Прикажут быть свободными — мы освободимся».

— **Замечательно!**

— Но в общем-то гигантская скрытая энергия масс. Настолько гигантская, что чересчур быстро выпускать ее нельзя — будет взрыв.

— **Снова возвращаемся к формуле Пушкина «бунт бессмысленный и беспощадный»?**

— А если бунт наполнить смыслом? Речь идет об этом: народный бунт наполнить смыслом.

— **«Культурная революция» в Китае?**

— Это вариант нашего 37-го года. У нас в 37-м не приказывали народу врываться в дом Бухарина, но приказывали, чтобы народ голосовал. Все-таки Сталин боялся прямо напускать народ на руководство. Чем черт не шутит! Китайцы не испугались.

Опыт любопытный. Его надо не повторять (упаси боже!), но изучать.

— **Вообще что такое опыт? Как его вообще можно заимствовать?**

— Вот мы говорим «польский опыт». Мне удалось побывать в Италии и во Франции. Италию и Францию невозможно понять за короткий срок. Но можно что-то у нас понять «через них».

Есть опыт русской литературы, русской истории. Опыт французской революции, опыт Китая, Польши, Ирана. Есть опыт просто стран другого типа развития, который говорит нам о том, что мы упустили.

— **И все-таки вы наблюдаете в истории использование чужого опыта или же это прекрасодушная идея?**

— Буквально нет. Обычно лидер исходит из своего опыта, но все-таки ему важно, что происходит у соседей. Говорят, что сейчас впервые за тысячу лет интеллигенция идет вместе с властью.

Нет, это не так. Потому что в русской и советской истории были периоды, когда интеллигенция шла с властью. Петр, дворянская интеллигенция, Екатерина, Александр I — интеллигенция шла с властью, отсюда были огромные победы.

В советское время в определенные годы было так же. Но — что правда, то правда — в последние десятилетия курс брался «на жлоба». Активный интеллигент изымался из процесса.

## ЛИШНИЕ ЛЮДИ

— В русской истории тогда был успех, когда активно действовала интеллигенция. Этому учит наш опыт.

Гигантские победы XVIII, начала XIX века — до войны с Наполеоном включительно: русский солдат хорош, техника — примерно как на Западе, но этого мало. Молодые дворяне-офицеры — вот была гигантская сила! Деды и отцы будущих декабристов и сами декабристы в молодости — они хорошо дрались, это была сознательная дворянская интеллигенция, которая обеспечивала все победы тех десятилетий.

После 1825 года этих людей повышибали, появились «лишние люди».

Вообще любопытное явление: в XVIII веке не было «лишних людей». При Николае Первом и при Брежневе они налицо.

Раньше онегины, печорины брали Измаил, а теперь — все больше в деревне, не служат, уходят в отставку. И на их место приходят люди худшие, иногда субъективно честные, но не столь инициативные, активные. И вот в результате Крымская война, стыдное поражение. Говорят, не было парового флота, не было нарезного оружия. Почему не было? Где были инженеры? Техническая отсталость была следствием человеческой.

Были талантливые офицеры, генералы, адмиралы — Корнилов, Нахимов, но



один на сто. В 1812 году было легче, там было полно таких, но их пуше всех повышибали.

Одна из главных причин поражения в Крымской войне — отсталость, проявившаяся и в том, что интеллигенция и власть разошлись.

— **А в наш «период застоя»? Тоже массы, в том числе интеллигенция, с властью разделялись?**

— Несомненно. И опять же урок истории. Оценивая время Великой Отечественной войны — кстати, у нас как-то все больше упор делается на величие солдата и маршала, — а вот интеллигент, лейтенант, скромный человек, выпускник вуза и школы — какую он роль играл? Когда-нибудь это будет изучено: роль интеллигенции на войне. Такой темы не было.

— **Почему не было?**

— Из-за общей недооценки интеллигенции.

Даже Хрущев, который опирался на интеллигенцию, имел сильный антиинтеллигентский комплекс.

Так вот, я был в Италии: гигантские перемены, из отсталой страна после войны стала одной из самых развитых в мире. В основном это результат мощных усилий интеллигенции. Делали рабочий класс, народ, но план переустройства Италии был создан и заложен мощным союзом экономистов, социологов, мыслителей, инженеров. Не только в Италии, во многих странах Запада. Эти люди точно определили курс развития, они провозгласили пусть буржуазную по движущим силам, но структурную революцию; в то время как у нас — явная недооценка интеллигенции: лысенковские дела, космополитизм, преследование кибернетики, биологов. Интеллигенция была подозрительной. Факт, отмечаемый везде, — повышение ценности мозгов в условиях второй промышленной революции — у нас как бы не существовал. Одна за одной стали кампаниями, хрущевская недооценка, брежневская недооценка. Мы теряем десятилетия, усиливая массы людей уходят в песок. Создается внутренняя эмиграция. Лишние люди.

Я думаю, мы можем четко обозначить понятие «лишних людей».

Я даже нашел формулу. Ведь Сахарову было предложено «вернуться к активной научной деятельности». Стало быть, до того не было активности, была пассивность: Сахарова сделали «лишним человеком».

— **Он современный аналог «лишнего человека», оказавшегося не у дел, отправленного «в деревню»?**

— Он еще выдающийся человек, а сколько просто инженеров, рабочих, активистов с нереализованной активностью. Отсюда уход в мистику, в религиозность, в пьянство; в распад семьи, собирательство, накопительство, в усталость, ранние смерти.

Словом, отвечая на ваш вопрос: делаются ли выводы из опыта других стран? — скажу: Горбачев и другие руководители нашей партии активно включают интеллигенцию. Видят, что это активная сила. Но я думаю, что не оттого на нее обращают внимание, что там где-то в Италии хорошо получилось (хотя имеют и это в виду). Интеллигенция — активнейшая сфера перестройки.

Интеллигенция — часть массы, это ее активная часть. Такая тривиальная вещь, но приходится напоминать.

Интеллигенция может задать стиль, определить тон всего народного сознания, окраску.

Чего стоит, скажем, тема дискуссий. Сейчас везде идут бешеные дискуссии; говорят, что мы не умеем дискутировать, делаем это неинтеллигентно, переходим на личности.

Где та необходимая грань, когда нужно и резко ударить, и одновременно сохранить достоинство? Важнейший момент. И вырабатывает его интеллигенция.

Во Франции, когда зашел разговор о том, что многие наши дискуссии пере-

ходят на личности, возражали, что, с другой стороны, не должно впадать и в умильное всепрощение.

— **А как раньше дискутировали?**

— Стички между западниками и славянофилами были частые. Бывали, конечно, и личные моменты, но в целом дискуссия проходила на высоком уровне. И многие сохранили друг к другу уважительное отношение.

Герцен говорил, что, когда он смотрит в глаза Ивану Васильевичу Киреевскому, он думает: Иван Васильевич может говорить все что угодно, он чист, даже когда ошибается, чист и душевно, и духовно.

И вот, анализируя те споры, приходишь к выводу, что условием подлинного спора при самых противоположных воззрениях является присутствие среди спорящих максимума порядочных людей.

Западники при всех их различиях и недостатках, скажем, Герцен, Белинский, Чичерин, Тургенев, Кавелин, были порядочные люди. Им тоже противостояли глубоко порядочные люди с очень острым этическим, религиозным сознанием: Хомяков, Киреевский, Аксаковы. Невозможен спор между мерзавцами. Нередко проблема выше спора. Если спор не получается, надо посмотреть на самих себя.

Западники и славянофилы друг друга не убедили, но результатом спора явилась масса прекрасных произведений — философских, литературных, где рассматривалась судьба России. В этом смысле дискуссия была плодотворной.

— **Можно, значит, говорить и о теме порядочности в истории русской литературы... А наши нынешние литературные споры. Как они вам? По душе?**

— У меня есть свои симпатии, пристрастия, свои антипатии. Вот у меня в одной аудитории спросили, как я отношусь к публицистике Бондарева.

Я сказал, что отношусь плохо. В этой аудитории есть люди, которые относятся как раз хорошо, и я не хочу убеждать: кому что нравится. Но есть ли общий критерий? Я считаю, есть: мне нравится диалог, кажется, в английском парламенте, когда один депутат, услышав речь своего противника, сказал: «То, что вы говорите, мне отвратительно, но я жизнь отдам за то, чтобы вы имели право это говорить».

Так вот, когда Бондарев убеждает, что идет некая мафия, разгром, 37-й год и так далее, что имеются люди, которые насильно препятствуют ему и его коллегам выразить свое кредо, то мы ведь знаем тех, о ком он говорит: эти люди, резко выступая и полемизируя, стоят за свободу, в том числе за то, чтобы Бондарев и другие могли высказаться. За их право на это. А весь смысл выступления Бондарева — закопать чуждые им идеи, замуровать, отравить в крематорий.

Вот важнейший критерий: как ты относишься к праву противника или оппонента на высказывание? Это проблема номер один всякой дискуссии.

Мне нравится формула французской декларации прав человека и гражданина: каждый человек имеет право на все, ограниченное только одним — правом любого другого человека на то же самое.

Обе стороны почти всегда переходят на личности, но тональность тех, кто выступает в «Знамени», «Новом мире», «Огоньке», — дать право всем высказываться. Пусть говорят. С другой же стороны прямо звучат угрозы, доносы, намеки на литературный Сталинград... Это уже тема для пулеметной очереди, а не для разговора.

Другими словами, разговор переводится в плоскость подавления. А не в плоскость дискуссии.

В спорах западников и славянофилов в XIX веке человек кончался, прекращал свое существование в общественном сознании, если он апеллировал к необходимости власти употребить, прикрыть, пресечь, посадить. Его переставали считать за человека.

Право на дискуссию считалось первой заповедью.

— **Высшее и непререкаемое право?**

— Да. Это один из российских уроков. Много уроков из прошлого. О роли интеллигенции, о типе споров. Я вообще стою за то, чтобы были работы о типе русского интеллигента. Нет таких работ. Мы слишком сосредоточены на революционерах и их противниках.

А вот тип земского врача — подвижника, спокойного интеллигента, имеющего ясные идеалы. Вспомнилось недавнее изречение одного одессита: «Вы все, ребята, знаете, что плохо. А что хорошо?»

## ИЗ ПРОШЛОГО — В БУДУЩЕЕ

— В истории есть огромный резервуар для сегодняшнего сознания. Даже ошибки, даже недомолвки в истории — все полезно.

Так что я считаю, сейчас история просто оживает.

— **А я слышал как раз иную точку зрения: в условиях колоссального интереса к современности для людей вашего жанра нет работы, нет поля деятельности. Мол, кто сейчас пойдет в историки? Кому нужны исторические аналогии, когда все живет открытым сегодняшним словом? Прошло, мол, после 1985 года время вашего творчества, и вы, как писатель Эйдельман, должны кончиться.**

— Очень интересно. Один мой знакомый мальчик готовится поступать на исторический факультет. Я спрашиваю его: чем будешь заниматься? Отвечает: если продлится перестройка, займусь советским периодом, а если нет, уйду в Древнюю Русь.

Я с вами согласен в одном: нам надо перестраиваться, писать, расширяя рамки, чтобы сказать больше. Мне казалось, что в своих старых книжках я сохранил сверхзадачу — быть современным. Но сегодня эта сверхзадача недостаточна.

Занимаясь XVIII—XIX веками, я все время — и прежде это было, но сегодня больше — гляжу в век XX и даже XXI. Вот у меня сейчас герой декабрист Равевский, я давно о нем пишу. Как я могу пройти мимо воспоминаний его потомка Жигулина? Я должен сопоставить поколения, и сразу возникает некая тема.

Другая работа — правление Екатерины Второй. Я вижу сверхзадачу, иначе мне было бы неинтересно писать. Проблема интеллигенции и власти, проблема народа — Пугачев. Вопрос об управляемом и неуправляемом народе.

Изучая все это, нужно как-то иначе, глубже ставить сверхзадачу, тогда история будет еще интересней.

— **Должен ли я так понять, что сверхзадача состоит в том, что историк не удовлетворен современностью, она не вызывает у него полного восторга, и он рассматривает ее как исторический шаг и заглядывает в завтрашний день. Видит не только то, что сзади, но, зная, что позади, стремится увидеть то, что будет впереди.**

— Для него сегодняшний день — элемент в длинной цепи событий. Он смотрит на эту цепь и пытается ее продлить в будущее.

— **Публицист целиком в сегодняшнем дне, решает его задачи.**

— У глубокого публициста всегда есть исторический план, он всегда видит вещь в перспективе. Понимаете, когда я начинаю думать о разных вариантах исторического развития, деспотическом, демократическом, палочном, административном вариантах, о сочетании их в истории, естественно, приходят мысли о возможности подобного в конце XX, в XXI веке.

— **Может быть, вам современность уже неинтересна?**

— Интересна как экспериментальное поле.

— **До 1985 года ваши произведе-**

**ния, обращенные назад, призывали сегодняшний день. Вот этот наш день. А будущее ваши произведения — не должны ли они призывать наш завтрашний день?**

— Но ведь я говорил о внутреннем освобождении — Лунин, Герцен, а это уровень, о котором мы и сегодня мечтаем; я из прошлого пытался заскочить подальше.

— **Ну да, мы-то жили тогда в брежневские времена.**

— Когда мне говорят, у нас настоящее время, я поправляю: у нас **продленное прошлое**. Есть даже такое грамматическое время в некоторых языках.

Ясно, что все продолжается: национальный характер, экономика, политика, история, деспотизм — все меняется и одновременно все сохраняется. Есть какая-то генетика, что ли, историческая, если угодно.

В каждом из нас. Язык. Одежда, техника, сознание. Мы не можем не думать, сколько в нас вложено поколений.

Если мы определим закономерность в двадцати поколениях, то вероятность предсказания на двадцать первое поколение будет достаточно высокой, хотя я осторожно отношусь к предсказаниям; точные предсказания могут быть в астрономии или в физике, а в истории есть альтернативы.

— **Вы заговорили о том, о чем я хотел вас спросить. О вашем отношении к футурологии, к такому писателю, как Лем, к его футурологическим работам. Помните написанную в 60-е годы «Сумму технологий»? Согласитесь ли вы с тем, что подлинный футуролог обязательно историк?**

— Да, конечно. Я к футурологии отношусь одновременно и уважительно, и сдержанно. То есть нужно ею заниматься, но тут опять уместна мысль Герцена, что критерием серьезности теории является известная несерьезность ее автора по отношению к своим выводам.

Футуролог должен иметь определенное чувство юмора и понимать относительность своих возможностей. История столь многовариантна, что предсказания здесь очень часто имеют характер кликушеский.

Человек объявляет о том, что он видит впереди, а история за первым забормотом идет не туда: есть варианты!

Что применяет футуролог? Метод аналогий. Метод повторения по спирали. Я и сам его применяю. Но, конечно, здесь нужна крайняя осторожность.

У любого человека есть какие-то соображения, что будет через 20—50—100 лет; есть они и у меня, хотя уж очень это трудно, потому что опыт фантастических романов показывает: мы продлеваем то, что есть.

И даже когда нарочито, как у Лема, предполагаем в будущем вообще что-то совсем другое, то мы этим говорим, что будет нечто, о чем мы сейчас судить не можем.

Мне кажется, некоторые футурологи преувеличивают свои возможности.

Я допускаю — вот вам мое футурологическое заключение, что, может быть, лет через 200—300, если человечество уцелеет, установится такая цивилизация, которая будет строиться совершенно на новых основаниях, нежели сегодняшняя. Такое уже было: средние века и античный мир. Забыли про античный мир, все ценности отпали. В Риме в IV—V веках до н. э. было 4 миллиона жителей, а лет через 150—200 стало 30 тысяч. Была просто другая цивилизация, и потребовалось слово **возрождение**: через тысячу лет вспомнили про старые ценности.

Может быть, и у нас через 200 лет мир будет построен на иных энергетических, человеческих основах. Возникнет другая цивилизация. А еще через тысячу — мы повернемся к утраченным ценностям? Это будет прогресс, но с гигантскими утратами. Видите, куда мы в разговоре зашли, куда залетели?



Ни одна из его картин не дошла до зрителя целой, каждая потерпела тот или иной урон. «Мы вам поможем сменить профессию», — пообещал ему когда-то заместитель министра. И чиновники от искусства сильно преуспели в своем намерении. Автор «Белорусского вокзала», известных ныне своей трудной судьбой «Ангела» и «Осени», кинорежиссер Андрей Смирнов ушел из режиссуры. Несколько лет потрачено на смену кинематографической специальности: покинув съемочную площадку, он обосновался за письменным столом. За эти годы написана пьеса, несколько сценариев. И вот новый поворот судьбы — более полугодом назад Андрей Смирнов сменил на посту первого секретаря Союза кинематографистов СССР Элема Климова, ушедшего в творческий отпуск в связи с постановкой нового фильма. Все, что происходит в советском кинематографе, привлекает сегодня всеобщее внимание. Об этом и шла речь в беседе корреспондента «Огонька» Константина Маринина с исполняющим обязанности первого секретаря Союза кинематографистов СССР Андреем СМЕРНОВЫМ.

# ПРАЗДНОВАТЬ ПОДОЖДЕМ

О ПЕРЕСТРОЙКЕ В КИНЕМАТОГРАФЕ  
РАЗМЫШЛЯЕТ  
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ  
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ  
СОЮЗА  
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ  
СССР  
АНДРЕЙ СМЕРНОВ



— Андрей Сергеевич, два года миновали после поворотного для нашего кино V съезда Союза кинематографистов СССР. Практически полностью изменился состав Секретариата Союза, да и вообще политику в кинематографе сегодня проводят другие люди. Однако перемены не слишком заметны — хороших картин по-прежнему мало, не говоря уж о шедеврах. Где же обещанное?

— Мы ничего и никому не обещали. Союз кинематографистов фильмов не снимает и уже по одному этому никак не может брать на себя ответственность за качество продукции. Съезд дал резкую оценку ситуации, указал на завалы, образовавшиеся в нашем кинематографическом хозяйстве, наметил цели и пути. Разобрать эти завалы — наша задача. Это во-первых.

Гласность — это, конечно, хорошо. Изменилась атмосфера в обществе, изменилась она и в кино. Но этого мало. Слишком многое сохраняется. Я хотел бы, чтобы все, кого это интересует, знали: сегодня, в октябре 88-го, в производстве и прокате советских фильмов ничего не изменилось — тот же план, те же нормы выработки, та же долготная техническая база, те же ужасающие пленка и аппаратура, та же командная система, та же оплата труда. Фактически нашими именами прикрыт сегодня тот же самый механизм, что благополучно действовал и при Романове, и при Ермаше. Это во-вторых.

И, наконец, в-третьих. Хорошие картины у нас делались всегда. Их было мало, но они были. В брежневские времена, несмотря ни на что, делали свои шедевры и Тарковский, и Иоселиани, и Авербах. Мало хороших картин и сегодня. Талант всегда был редкостью, редкостью и останется. Планировать воспроизводство талантов — дело безнадежное. Но качественный скачок

возможен. Необходимым и достаточным для такого скачка является изменение условий, в которых талант проявляется, и формирование нового поколения кинематографистов — прежде всего режиссеров, — для которых эти условия станут привычными.

— Значит, в нашем кино ничего не изменилось?

— Изменилось, но только кое-что. Многое из того, что сегодня появляется на экране, по сути, продукция доперестроечных времен, сценарные портфели студий формировались еще тогда. Картина, для многих символизирующая перемены в нашем кинематографе, — «Маленькая Вера» В. Пичула — тоже запускалась в производство не сегодня. Но именно происшедшие изменения сделали возможным ее появление на экране. Еще три года назад об этом не могло быть и речи.

Или, скажем, картина «Исповедь», дебют молодого режиссера Г. Гаврилова. Этот документальный фильм о наркомане, снятый как художественный, говорит о невероятно важной для нашего общества проблеме недостатка тепла, человечности в отношениях людей.

Могу назвать картину белорусского режиссера Рыбарева «Меня зовут Арлекино», ленту ленинградца Сокурова «Дни затмения», свердловчанина Хотиненко «Зеркало для героя», фильм азербайджанских кинематографистов «Мерзавец», работу студии «Казахфильм» «Игла», картины мосфильмовского «Дебюта» — «Защитник Седов» и «Марьяка», ленту режиссера из Белоруссии Карпова «Гомункулус». Как видите, образцов нового кино немало и, что особенно важно, география их достаточно широка.

— Но, насколько я могу судить по перечисленным вами фамилиям, никто из знаменитых режиссеров в этом списке не фигурирует. Конечно, приятно, что в кино появляются

свежие силы. С другой стороны, странно, что мастера нашего кино как бы остались в стороне...

— Настоящий художник тем и отличается, что не может ухватиться за первую попавшуюся тему, тем более «жареную», еще вчера запретную. Мастер приступает к новой работе после долгих раздумий, сознавая свою ответственность за то, что делает. Теперь, когда многие темы стали разрешенными и доступными, они во многом утратили интерес для настоящего художника. Подлинный талант всегда несколько опережает время. Сегодня нужен новый уровень художественности, соответствующий уровню свободы в нашем обществе и, больше того, поднимающий планку еще выше. Потому-то многие наши серьезные режиссеры пока что или не сделали новой работы, или находятся на подступах к ней, или только начинают снимать. Скажем, Алексей Герман больше двух лет находился в поиске, но сейчас, насколько я знаю, начал новый сценарий.

— Вот вы говорили о недавних «запретных» темах. А нет ли у вас ощущения, что кинематографисты после снятия цензурных ограничений прямо-таки толпой кинулись на «соленькое». Проститутки, наркоманы, советские мафиози буквально заполнили экран. Я не ханжа и не призываю к обратному ходу. Но ведь отражение этих уродливых явлений не может быть самоцелью.

— Не нужно бояться ничего — жизнь сама отделит зерна от плевел. Да, некоторые режиссеры пытаются прикрыть недостаток таланта и профессионализма остротой материала, порой чисто конъюнктурной. Пример тому — фильм «Воры в законе». Что подделка, это издержки возросшей свободы творчества. Но я уверен в одном: если процесс расширения свободы будет продолжаться в нашем обществе, по-

длинно художественные ценности все равно неминуемо выйдут вперед. «Жареное» екорю надоеет зрителю, восприятие быстро притупляется, через какое-то время ему самому станет ясно, кто эксплуатирует тему, а кто творит искусство. Кинематограф способен расти только вместе со зрителем. И если происходящие сейчас изменения в общественном сознании станут необратимыми, то, уверен, со временем мы получим не только новое кино, но и нового зрителя, способного разобраться в работе кинематографистов. В кино действуют те же реалии, существует та же расстановка сил, что и в обществе в целом. И борьба за перестройку в кинематографии — это, по сути, часть нашей общей борьбы за новую жизнь. Главный результат V съезда Союза кинематографистов СССР не в том, кто руководит Союзом. Главное — программа, принятая съездом.

Нам, то есть новому составу Правления Союза кинематографистов, сейчас пеняют на то, что мы, мол, занялись административной работой, разрабатываем изменения системы и тому подобное, вместо того чтобы делать общественно кино. Да, это верно, но кто занялся бы этим вместо нас? За два прошедших года родился обширный документ — проект перестройки советского кино, так называемая «базовая модель». Он затрагивает все области кинематографа от производства до проката. Построен он на четырех важнейших принципах: во-первых, общественно-государственное руководство кинематографией, во-вторых, самостоятельность кинематографа как отрасли, он предусматривает полную — и экономическую, и творческую — независимость вновь созданных студий, и, наконец, хозрасчет. С тех пор, как выработан этот важнейший документ, прошло семь месяцев...

Когда художественные руководители



вновь образованных студий приступали к работе, речь шла о том, что «базовая модель» начнет действовать в самом ближайшем будущем, и они смогут превратить в жизнь те основные принципы, о которых я только что говорил. А что произошло на деле? Ни один из них не реализован, все остается на бумаге!..

Не так давно мы узнали, что повсеместно под видом сокращения аппарата стали ликвидироваться республиканские комитеты по кинематографии. Их отдают под крыло местных министерств культуры, хотя кинематограф по структуре имеет мало общего с ними. Мы отправили письмо в правительство, послали телеграммы в Президиумы Верховных Советов всех союзных республик с изложением наших доводов. К нам не прислушались. И вот уже на Украине решением одного из заместителей министра культуры была сделана попытка запретить документальную ленту «Стена» режиссера Гольдштейна. Мы включились в борьбу, и есть надежда, что картина все-таки дойдет до зрителя. Но возникает законный вопрос: какое моральное право имеет человек, пусть он хоть трижды заместитель министра, запрещать произведение искусства?!

— Но ведь кто-то же должен отвечать за недобросовестную, некачественную работу?

— Отвечать должны только те, кто делает фильм, — его авторы и студия, предоставившая им работу. Для того чтобы спрашивать с художника в полной мере, нужно, с одной стороны, предоставлять ему свободу творчества, с другой — воспитать в нем чувство ответственности за то, с чем он обращается к своим согражданам. Мы считаем, что на экран должны выходить все картины, и только после этого общество вправе выносить им свою оценку. И это должно происходить гласно. Если какому-то ведомству что-то не нравится в той или иной ленте, пусть уязвленное ведомство подает на авторов в суд, который и должен вынести решение — снять картину с экрана, либо подвергнуть создателей соответствующим санкциям, либо взыскать определенную законом компенсацию за ущерб. Но законом! Иными словами, наше кино, как и все общество, должно функционировать на правовой основе! Тем временем на местах продолжает процветать командно-административный стиль руководства кинематографом. Скажем, ситуация с документальным фильмом «Такая долгая зима» режиссера Кузнецова, снятым на Красноярской студии. Это картина о красноярском строителе, одном из тех, кого мы сегодня называем «прорабами перестройки». Фильм был показан делегатам XIX Всесоюзной партийной конференции. Он представлял наше документальное кино на нескольких фестивалях, но житель Красноярска картину эту посмотреть не может: Красноярскому краевому комитету партии картина не по душе.

Или, например, так называемая иркутская история, на мой взгляд, вопиющая. На апрельском пленуме СК, посвященном взаимоотношениям кино и телевидения, выступила член нашего Союза Т. Зырянова и рассказала о тяжелой обстановке на иркутском телерадио, сложившейся благодаря командному стилю руководства. Такой факт: в этой организации работала аттестационная комиссия, где не было ни одного творческого работника. Профессиональную пригодность режиссеров и операторов оценивали администраторы и осветители. В результате такой аттестации из восьми дипломированных кинематографистов на студии остались двое. Пленум послал телеграмму в адрес Гостелерадио СССР. А вскоре нам сообщили, что работник иркутского комитета оператор В. Скакун покончил с собой после того, как не был аттестован. Гостелерадио и наш Союз послали в Иркутск комиссию. В результате коллегия Гостелерадио СССР с нашим участием приняла решение о нецелесооб-

разности использования на посту председателя иркутского телерадиокомитета В. Комарова. Однако Иркутский обком стеной встал на его защиту. Мы обращались в Центральный Комитет КПСС, летом провели в Иркутске выездной Секретариат Союза кинематографистов. Состоялся разговор с секретарем Иркутского обкома партии Иванником. Мы уехали, а через некоторое время узнали, что единственным результатом этой акции стал партийный выговор кинорежиссеру Коржановскому, открыто выступившему против линии В. Комарова. А сам В. Комаров и по сей день благополучно работает в той же должности.

— Вы коснулись отношений вашего Союза с Гостелерадио СССР. В «Огоньке» опубликовал статью Эльдар Рязанов, один из секретарей Союза, и читатели журнала тогда остро отреагировали на ваши разногласия с руководством Гостелерадио. С той поры прошел пленум Союза кинематографистов, посвященный этому вопросу. Есть ли какие-то изменения?

— Пленум прошел, проблемы остались... Руководство Гостелерадио СССР весьма подозрительно отнеслось к нашей затее, тем не менее разговор состоялся. Был внесен ряд чрезвычайно важных предложений, способных коренным образом изменить лицо нашего телевидения. Мы предлагали разделить его хотя бы на две конкурирующие организации, чтобы зрители могли выбирать и оценивать работу каждой. Говорилось о необходимости введения в коллегию Гостелерадио творческих работников — кинематографистов, писателей, композиторов... Был создан документ, определивший программу нашего сближения и сотрудничества. С тех пор миновало полгода и, положив руку на сердце, я могу сказать: нас обманули... Ничего на телевидении не изменилось, а в каких-то отношениях стало и хуже. По-прежнему коллегия Гостелерадио СССР состоит из чиновников, там по-прежнему нет ни одного творческого работника. По-прежнему на ключевых должностях продолжают находиться люди послушные: В. Кононыхин все так же возглавляет киноредакцию, и понять позицию этой редакции невозможно. «Кинопанораму» покинул Э. Рязанов, но туда пришли новые люди. И по-прежнему они жалуются, что режиссеры «Кинопанорамы» нещадно режут снятый материал, не считаясь с авторами, пускают в эфир то, что дозволено. Одним словом, несмотря на любезные заверения заместителя председателя Гостелерадио СССР Леонида Петровича Кравченко, положение не изменилось ни в чем.

— Создается ощущение, что отношения Союза кинематографистов с некоторыми партийными и государственными ведомствами не складываются...

— Это неверно. У нас вполне деловые отношения с Отделом культуры ЦК КПСС. Мы считаем, что там работают наши единомышленники. Помогает нам и Министерство иностранных дел...

— Зарубежные поездки наших кинематографистов — тема особая. Не секрет, что в нашей стране поездка за границу — привилегия начальства, в лучшем случае премия, поощрение. Вот и мне доводилось слышать, что нынешнее руководство Союза — это новые «неприкасаемые», которые проводят время исключительно за рубежом. Впрочем, это только одна сторона медали. Говорится о том, что вы узурпировали кинематографический процесс в стране, и право на постановку теперь предоставляется исключительно людям, угодным новому начальству.

— Съезд требовал избавить наше кино от потока серости. Но ведь за каждым плохим, бездарным фильмом стоят люди, сделавшие его. С введением в кино «новой модели», с переходом

на полный хозрасчет перед ними встает реальная угроза потери работы. Если новые студии станут, как это задумано, полностью самостоятельными, они будут выбирать, с кем заключить контракт. С Говбрухиным, имя которого гарантирует прибыль, или с Германом, чей фильм может претендовать на фестивальную приз. Но ведь есть люди, и их много, не способные ни на коммерцию, ни на высокое искусство. Им неминуемо предстоит либо сменить профессию внутри кинематографа, либо вообще уйти из кино. Наш Союз разрабатывает сейчас пути решения этой проблемы, на произвол судьбы никто этих людей бросать не собирается.

Естественно, они выражают несогласие и всячески стараются противостоять надвигающимся переменам. Отсюда и разговоры о предоставлении работы «угодным», о новых «неприкасаемых». А на деле происходит закономерная вещь: художественные руководители, избранные на новых студиях, пришли не с пустыми руками, а с вполне определенными программами действий, и так же естественно и то, что они предложили работу людям, способным эти программы претворить в жизнь. Но и здесь система будет демократической — через определенное время все они будут отчитываться перед общественностью и таким образом отвечать за результаты работы возглавляемых ими студий.

Что же касается зарубежных поездок, то это вообще, на мой взгляд, претензия смехотворная. Круг кинематографистов, которые выезжают за границу, неизмеримо вырос. Принцип у нас в этом вопросе простой: выезжать должны лучшие советские фильмы, а представлять их — создатели. Вся информация о поездках за рубеж доступна любому члену Союза, она вывешивается у нас на третьем этаже.

— Выходит, претензий к новому Секретариату Союза кинематографистов не может быть?

— Ну почему же... Многие члены нашего Союза высказывают, на мой взгляд, обоснованные претензии по поводу совмещения должностей. После съезда по нашему предложению в коллегию Госкино были введены несколько творческих работников. Они же являются секретарями Союза. Некоторые из них были избраны художественными руководителями новых студий. Это Сергей Соловьев, Валентин Черных, Ролан Быков, Игорь Гелейн. На начальном этапе такой шаг был оправданным и деловым, но сегодня положение изменилось, и вопрос разделения должностей стоит в повестке дня. Вероятно, он будет закреплен в новом уставе. Чтобы не создавалось ситуации, которую, например, смоделировал один режиссер. Раньше, сказал он, я мог обжаловать решение худрука в Союзе или в Госкино. А теперь у меня на студии — Быков, в Союзе — Быков и в Госкино — опять Быков!

— Скажите, Андрей Сергеевич, а что произошло в Белоруссии?

— На белорусской студии сделаны две документальные картины, которые явно выделяются на общем фоне. Я говорю о фильме режиссера Лукьяничкова «Большая», рассказывающем о женах и матерях наших ребят, погибших в Афганистане, и о картине режиссера Рудермана «Театр времен гласности и перестройки», рассматривающей в оригинальном жанре документальной сатиры современные процессы торможения. Обе эти ленты, как это ни странно, не встретили поддержки ни со стороны дирекции студии, ни со стороны части руководства Союза кинематографистов Белоруссии. По сути, руководители Союза и студии пытались применить по отношению к этим фильмам старые, заветные методы. Позиции наши в этом случае резко разошлись.

— А какова сейчас обстановка во ВГИКе? Насколько я помню, еще недавно там происходила серьезная конфронтация студентов с руководством института и преподавательским составом?

— Во ВГИКе ситуация критическая. В период застоя образовалась неподвижная и очень стойкая система, которая на самом деле обеспечивает лишь покой и удобство преподавателей. Сразу после съезда мы пытались каким-то образом вмешаться, но к нам не прислушались. Во ВГИКе был избран новый ректор — Новиков, работавший там же проректором. В целом все идет по-прежнему. Наша комиссия по кинообразованию проанализировала состав режиссеров, окончивших ВГИК за последние десять лет. Из ста сорока с лишним фамилий мы насчитали шестнадцать, которые нам вообще были знакомы, а из них только о шестерых можно говорить всерьез. Это неслыханно низкий кпд. И это закономерно, если учесть, что студенты режиссерского факультета занимаются на первых двух курсах мастерством четыре часа в неделю, тогда как на общественные дисциплины отведено то ли вдвое, то ли втрое больше. Словом, все структуры ВГИКа нуждаются в коренных изменениях, и хотя новый ректор пытается что-то предпринять, дело ограничивается косметикой...

— В последнее время некоторые органы печати высказывали претензии к вашему Союзу. Как вы относитесь к этим публикациям?

— Мы лишены трибуны. Вопрос о киногазете — один из ключевых пунктов решений V съезда нашего Союза — так и висит в воздухе. Еженедельный вклад в «Советскую культуру» проблем не решает. А тем временем в печати появляются материалы, подобранные порой весьма тенденциозно. Мы не считаем себя безгрешными, критики не боимся, прислушиваемся к ней, но не считаем обязательным отвечать по каждому поводу. Мы регулярно проводим анкетирование и опросы кинематографистов, чтобы знать, поддерживают ли нас коллеги. Последний опрос ясно показал, что большинство кинематографистов разделяют наши позиции по всем основным проблемам. Беда не в том, что нас критикуют. Беда в том, что единственная альтернатива, которая звучит в этой критике, — возврат к старым временам, или, вернее, желание сохранить и гарантированный заработок, и неминуемо связанную с ним командную систему руководства.

Союз кинематографистов — это общественная организация интеллигенции, которая активно участвует в перестройке общества, стараясь выступать на правовой основе. Не исключено, что какие-то насущные проблемы дня потребуют от нас и законодательных инициатив, то есть обращения в высшие организации по поводу устаревших законов, уложений и тому подобного.

— Из всего сказанного возникает ощущение безысходности в нашем кино. Словно вы воюете с ветряными мельницами...

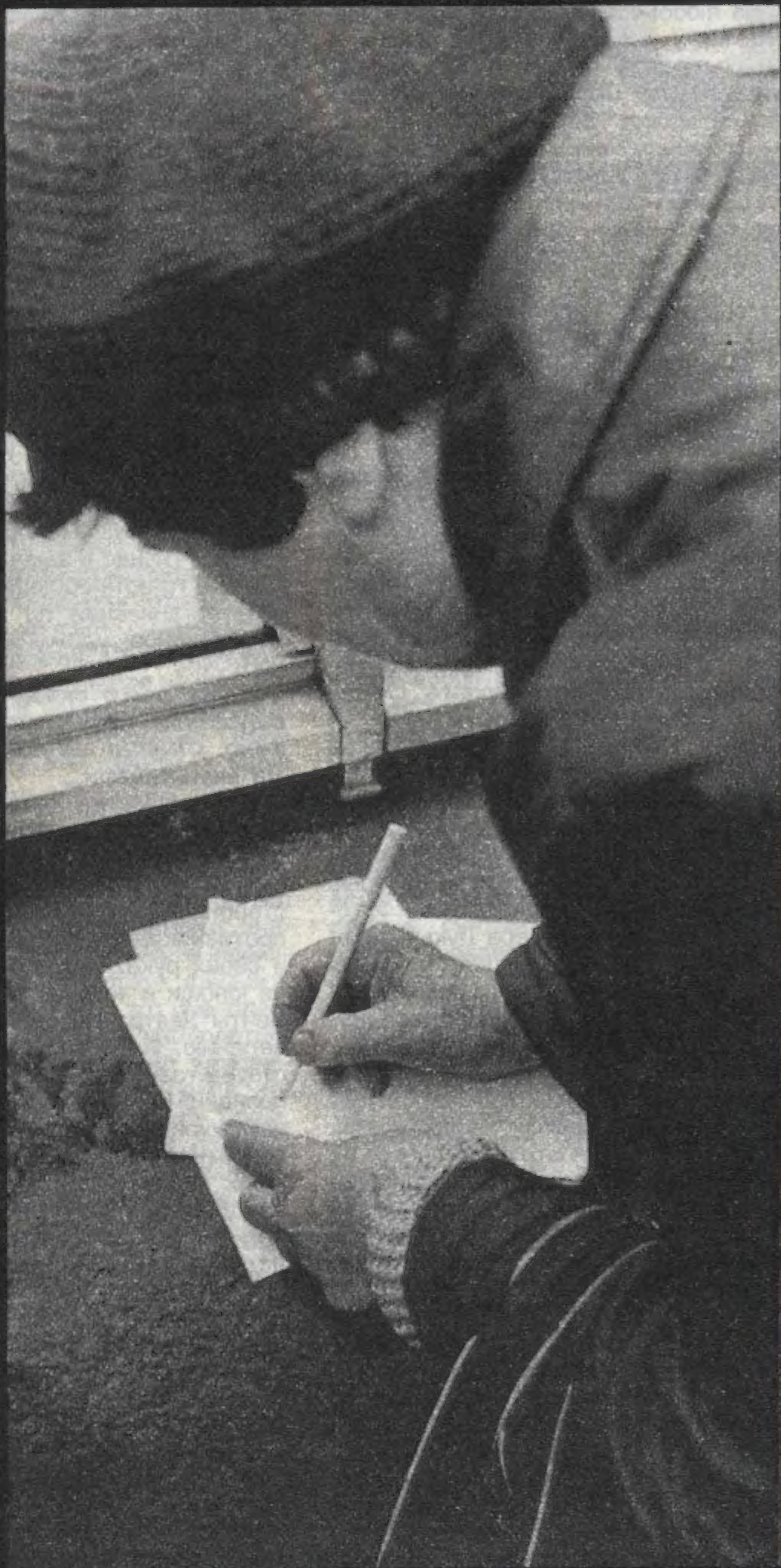
— В обществе идет борьба за перестройку, затрагивающая интересы множества людей, разных социальных слоев. У перестройки вполне реальные сторонники, но и столь же реальные противники. Многие из них сохраняют в своих руках немалую власть. Но мы не юнши и не ожидаем, что все наши мечты завтра исполнятся по щучьему велению. Идет борьба, мы в ней участвуем, занимая вполне определенные позиции. Конечно, обидно, что в реальной жизни мы встречаем откровенное сопротивление многим нашим начинаниям. Если наши основополагающие предложения будут тормозиться, мы уйдём — всем составом Секретариата подадим в отставку до истечения срока наших полномочий. Впрочем, у нас есть и основания для оптимизма. Сегодня наше документальное кино вывело на экран нового героя. Это человек перестройки. Человек с умом и душой, высокой нравственностью и точным взглядом на окружающую жизнь. И если эти люди существуют в реальной жизни, рядом с нами, как же мы можем сдаваться?!



# ЗА 362 ДНЯ ДО В Ы Л Е Т А

Владимир КОВАЛЕВ,  
Александр НАГРАЛЬЯН  
(фото)

БУДЕМ  
ОТКРОВЕННЫ,  
МИНОВАЛИ  
ВРЕМЕНА,  
КОГДА  
ВЫЕЗД  
ЗА ГРАНИЦУ  
ОТНОСИЛСЯ  
К СОБЫТИЯМ  
НЕОРДИНАРНЫМ.  
СЕГОДНЯ  
ПОЛУЧЕНИЕ  
ЗАГРАНПАСПОРТА —  
ОБЫДЕННАЯ,  
ЛИШЕННАЯ  
ОРЕОЛА  
ТАИНСТВЕННОСТИ  
ПРОЦЕДУРА.  
НО ВСЯКИЙ,  
КТО  
СТАНОВИТСЯ  
ЕГО  
ОБЛАДАТЕЛЕМ,  
С УЖАСОМ  
ДУМАЕТ:  
УДАСТСЯ ЛИ  
ВЗЯТЬ  
БИЛЕТ  
НА ПОЕЗД,  
А ЕЩЕ  
ЛУЧШЕ  
НА САМОЛЕТ?..



**Н**ас так долго убеждали в возможностях Аэрофлота, способного в любой момент доставить пассажира, куда ему хочется, что некоторая часть граждан в это поверила. Пламенные призывы «Летайте самолетами Аэрофлота!» стали едва ли не обязательным декоративным украшением больших и малых городов страны. Что ж, летать так летать. Можно и самолетами Аэрофлота. А чем еще? Пока речь шла о внутренних линиях, славное наше воздушное ведомство со своими прямыми обязанностями справлялось. Приучив при этом пассажира к очередям в кассы, воспитав в нем стойкость к задержкам и отмене рейсов, к суточным бдениям на переполненных авиавокзалах и к другим разновидностям дискомфорта как на земле, так и в воздухе.

Подсознательно мы избавляли от разного рода неудобств тех, кто с помощью Аэрофлота отправлялся за рубеж и возвращался обратно. В действительности так оно и было, поскольку желания сравнительно небольшого числа командированных и туристов совпадали с возможностями «крупнейшей авиакомпании мира» на международных линиях.

С увеличением пассажиропотока эти возможности оказались менее чем скромными.







Сегодня требуется специальная физическая подготовка для того, чтобы лишь войти в помещение Центрального международного агентства Аэрофлота на Фрунзенской набережной столицы. Того самого, единственного, где обслуживаются советские граждане. На два дня вперед составляются списки очередников, каждодневно в восемь утра и в восемь вечера необходимо быть на месте. Иначе, не оказавшись владельцем фамилии во время переключки, он будет безжалостно и торжественно вычеркнут, снят, как говорят кассиры-профессионалы, «с листа ожидания». Списки списками, но и они становятся слабым регулятором толпы, ровно в девять, через час после переключки, устремляющейся в кассовый зал. В него попадают кто без пуговиц на плаще, кто с оборванными карманами, кто с памятью о головном уборе, втоптанном в грязь перед железной дверью с фанерой вместо стекол...

— Месяц сюда хожу, после того как получил разрешение проводить родственников в Америке, — делится с нами своими бедами пассажир Б. А. Темкин. — Бесполезно. Нет билетов до середины января, я уже не могу переносить отпуск, и кажется мне, пассажир Аэрофлота — из категории униженных и оскорбленных.

Многое поведали нам люди, чьи сроки деловых встреч за рубежом были сорваны, свидания с друзьями и родственниками затягивались на месяцы. Иные ожидали этих встреч годами, иным, что греха таить, стал дом не мил, и ветер призрачной надежды гонит этих людей прочь от родного очага. Вольному, как говорится, воля, таких-то как раз и немного, хотя именно на них пытались взвалить сотрудники Аэрофлота вину за возникшие неурядицы.

— Мы ни в чем не виноваты, — был категоричен И. Б. Пыренков, старший диспетчер Международного агентства. — Нас хотя бы предупредили, что разрешение на поездки получит такое большое количество граждан. Многого вы, журналисты, просто не понимаете.

— А как понять, что другие авиакомпании обслуживают своих клиентов за считанные минуты и увеличение числа пассажиров той же «Люфтганзе» или «Бритиш Эруэйз» только к радости?

— Это долго объяснять...

— Но все-таки?

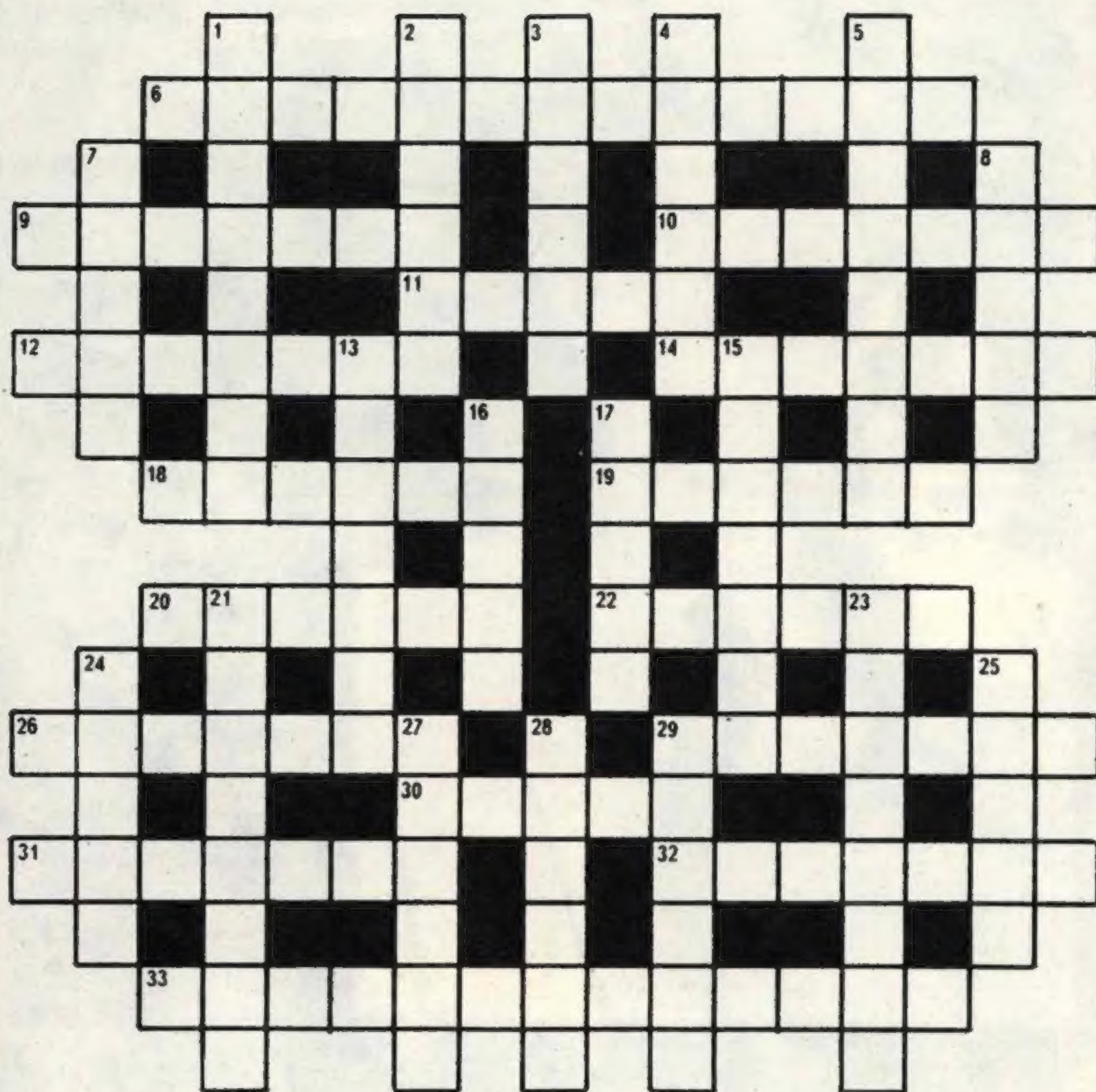
— В Москву едут покупать билет за границу со всей страны. Мы стараемся. Можем, например, забронировать билет за 362 дня до вылета...

Вот так, товарищи путешественники. Учитесь планировать свое время за год вперед, и ваши проблемы сами собой исчезнут. Ведомство паспортное сработало на опережение по отношению к ведомству транспортному. Последнее почувствовало себя ущемленным, но тут же нашло оправдание собственной беспомощности. А люди? Одной рукой им будто бы помогли, другой в то же самое время начали мешать.

Задумайтесь, товарищи чиновники, вглядываясь в эти фотографии.



## КРОССВОРД



**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 6. Стихотворение В. В. Маяковского. 9. Участница подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», Герой Советского Союза. 10. Следование пассажиров, грузов через промежуточные станции. 11. Форма в стихосложении. 12. Кавалерия. 14. Минеральная вода. 18. Комсомолец, один из героев романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 19. Горные хребты в Сибири, Средней Азии. 20. Продолговатый стог сена, соломы. 22. Фигура высшего пилотажа. 26. Искусственный водоем для плавания, купания. 29. Партизанка, секретарь подпольного райкома ВЛКСМ, Герой Советского Союза. 30. Выход в балете. 31. Столица союзной советской республики. 32. Автор мелодии песни «Едут новоселы», посвященной целинникам. 33. Выдержка, хладнокровие.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Верхняя рубашка матросов. 2. Помещение для овец. 3. Катушка для намотки магнитной ленты в звукозаписи. 4. Единица силы. 5. Стихотворение Я. В. Смелякова. 7. Народный архитектор СССР, один из авторов проекта Днепрогэса. 8. Современный бальный танец. 13. Травянистое растение, сушеный корень которого добавляется к натуральному кофе. 15. Стилистическая фигура. 16. Административно-территориальная единица МНР. 17. Выделанная ворсовая кожа с бархатистой поверхностью. 21. Областной центр в целинном крае Казахстана. 23. Новое достижение в процессе научного познания. 24. Перелетная птица с пестрым оперением. 25. Республика в Южной Азии. 27. Форма деятельности в СССР по обеспечению социалистической законности. 28. Подвижная часть подъемного крана. 29. Болотное растение, используемое в народной медицине.

### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 1. Тромбон. 5. Секунда. 8. Нестеренко. 9. «Фауст». 11. Лань. 12. Аорта. 16. Лоза. 17. Алькор. 18. Упит. 19. Туркменистан. 22. Корт. 23. Нельма. 24. Часы. 25. «Обвал». 27. Полк. 29. Склад. 30. Бригантина. 31. Покрасс. 32. Матрена.

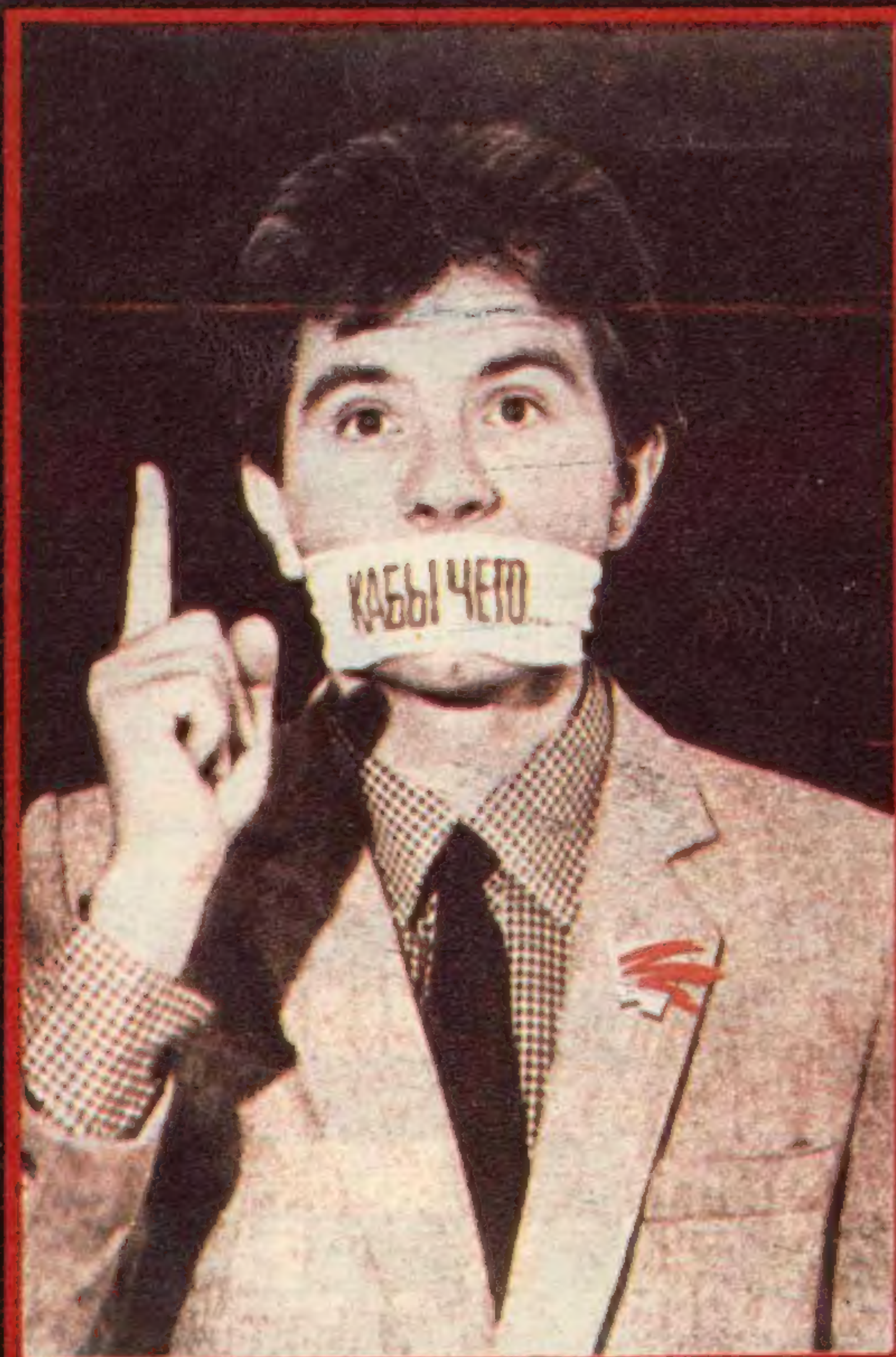
**ПО ВЕРТИКАЛИ:** 2. Радиатор. 3. Брехт. 4. Натал. 5. «Степь». 6. Кукша. 7. Диоптрия. 10. Статуэтка. 13. Одуванчик. 14. Ташкент. 15. Еруслан. 20. Горбатко. 21. Эскадрон. 26. Лерма. 27. Пегас. 28. Кутум. 29. Сонет.

### НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА (Рязань)







**С**выше 1200 плакатов было прислано на Всесоюзный конкурс «Перестройка и мы», посвященный 70-летию ВЛКСМ. Работы молодых художников говорят об обновлении страны, напоминают нам об ошибках прошлого.

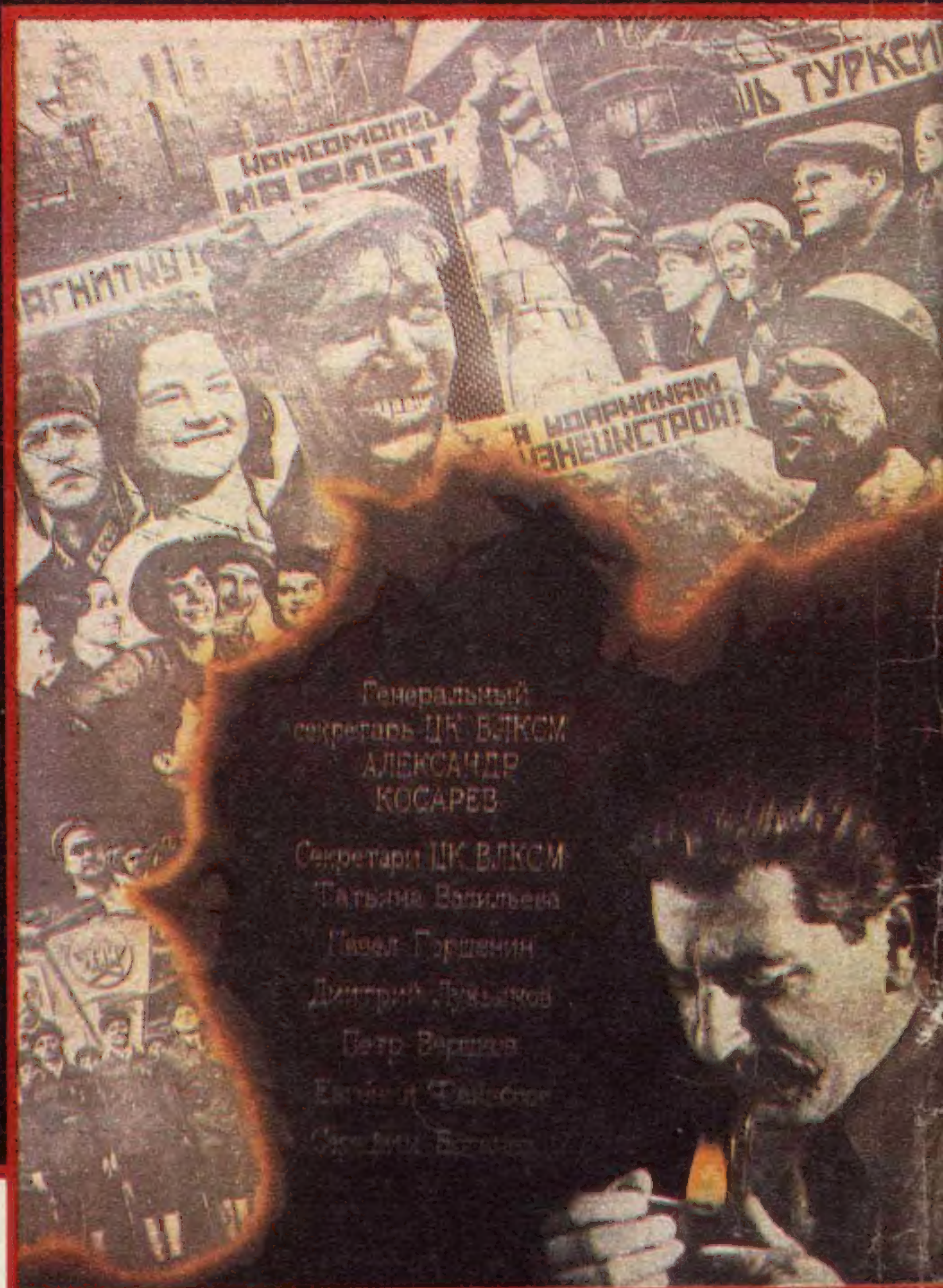
Конкурс был организован ЦК ВЛКСМ, издательством «Плакат», Союзом художников СССР, Министерством культуры СССР и Госкомиздатом СССР.

Первая премия присуждена И. Тарасову (Воронеж) за триптих «Счет 707».

Две вторые премии присуждены Н. Червоткину (Никополь) — «Долой показуху!» и Е. Морозовскому, А. Лекомцеву, О. Стайкову (Одесса) — «Правильно понять прошлое...».

Три третьи премии присуждены плакатам М. Сидоровой, Л. Каушанского (Одесса) — «Память»; Ю. Леонова (Москва) — «Сталинизм»; А. Фалдина, Р. Акманова (Ленинград) — «С днем рождения, комсомол!».

Все эти плакаты в ближайшее время появятся в комплекте «Перестройка и мы» издательства «Плакат».



Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ  
АЛЕКСАНДР КОСАРЕВ

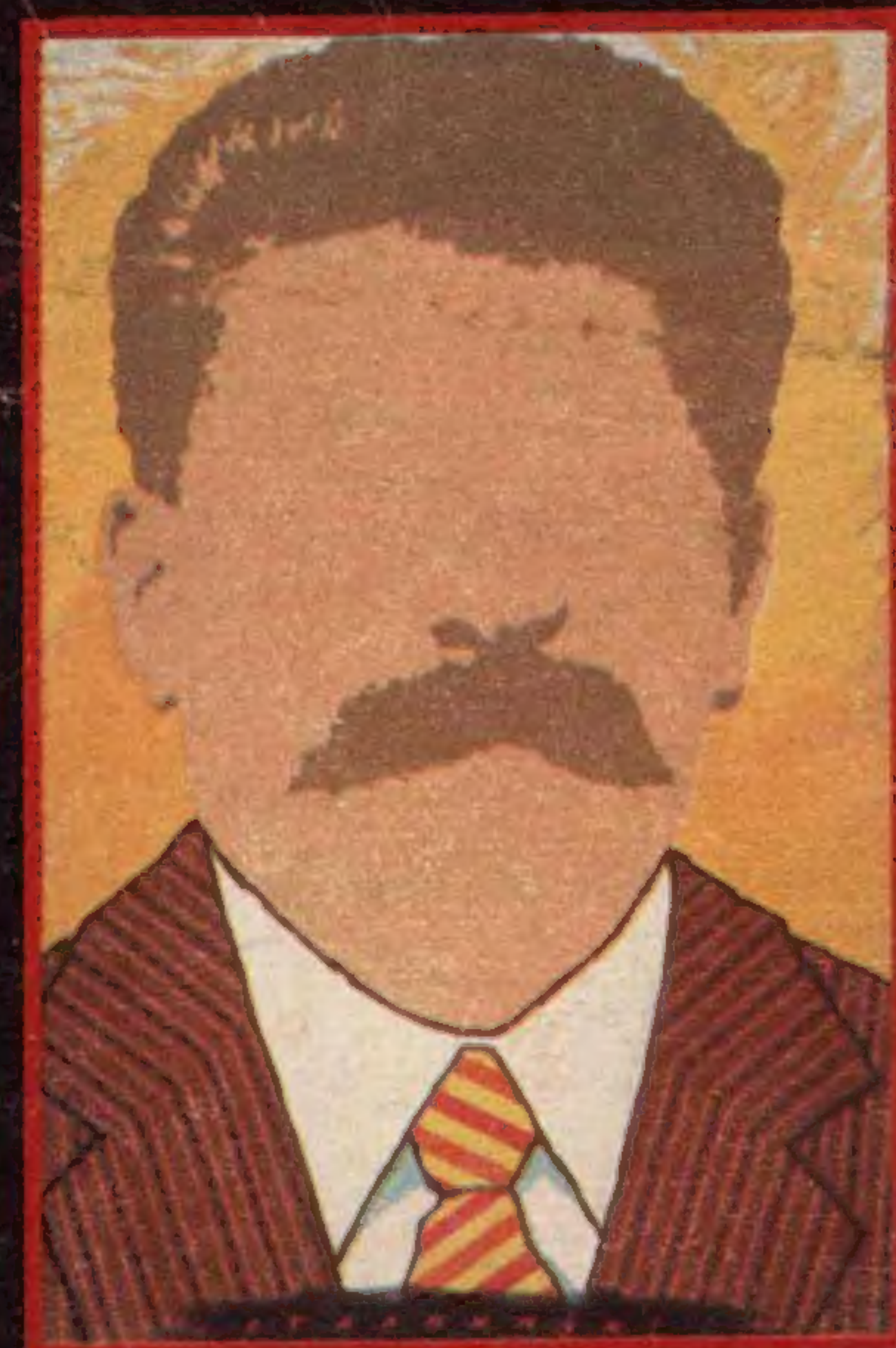
Секретари ЦК ВЛКСМ  
Татьяна Валильева  
Григорий Гордеев

Дмитрий Лукьянов  
Петр Варшав

Евгений Чалов  
Сергей Басин



ОГОНЕК



УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ	
Месяц	Взносы
Январь	ПЕРЕКОП
Февраль	РАБФАК
Март	КОМСОМОЛЬСК
Апрель	МАГНИТКА
Май	ДНЕПРОГЭС
Июнь	СТАЛИНГРАД
Июль	БЕРЛИН
Август	ЦЕЛИНА
Сентябрь	НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ
Октябрь	КАМАЗ
Ноябрь	БАМ
Декабрь	АТОММАШ



- А. Сегаль, А. Фалдин (Ленинград) «КАБЫ ЧЕГО...»
- А. Фалдин, Р. Акманов (Ленинград) «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОМСОМОЛ!»
- Н. Пивнев (Ростов-на-Дону) «ВЗНОС КОМСОМОЛА»
- М. Сидорова, Л. Каушанский (Одесса) «ПАМЯТЬ»
- Ю. Леонов (Москва) «СТАЛИНИЗМ»
- В. Коваленко (Ленинград) «НОВЫЙ ДЕНЬ БУДУ СТРОИТЬ САМ»

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663